

Даниил АЛЬ

Тысяча

ИВАН

ПЕРЕСЫСТОВ

и царь
ИВАН

ГРОЗНЫЙ

ДАНИИЛ АЛЬ

ПИСАТЕЛЬ ИВАН ПЕРЕСВЕТОВ

И

ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ

у истоков извечной дискуссии —
как обустроить Россию

Русско-Балтийский информационный центр
«БЛИЦ»
Санкт-Петербург
2002

ББК 63.3-8
А 56

ISBN 5-86789-107-0

Аль Д.Н.

А 56 Писатель Иван Пересветов и царь Иван Грозный: У истоков извечной дискуссии — как обустроить Россию. — СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2002. — 208 с.

ISBN 5-86789-107-0

Книга известного писателя и ученого-историка Д.Н. Аля посвящена событиям острейшей идейной и политической борьбы, вспыхнувшей в начале царствования Ивана Грозного и нашедшей наиболее яркое отражение в цикле публицистических сочинений, традиционно приписываемых некоему Ивану Пересветову.

Тщательно исследовав исторические материалы, автор убедительно доказывает, что в действительности писателя Ивана Пересветова никогда не существовало. Под псевдонимом «Иван Пересветов» выступал сам Иван Грозный.

Книга рассчитана на широкий читательский круг.

ISBN 5-86789-107-0

© Д.Н.Аль, 2002

© Издательство «Русско-Балтийский
информационный центр БЛИЦ», 2002

В каждую данную эпоху обостряется интерес к тем историческим событиям, которые, хотя и далеко отстоят по времени от проблем, волнующих современников, — тем не менее, близки к ним по сути процессов общественного развития.

В переживаемый нами период перестройки общественной жизни в сторону ее демократизации, в годы реформ государственного управления вполне естественно возрос интерес к опыту проведения радикальных преобразований в прошлом и к идейной борьбе вокруг них.

Существует весьма популярное представление о том, будто первыми значительными политическими и экономическими преобразованиями в России, связанными с коренной ломкой прежнего государственного аппарата, являются реформы Петра Великого. Это, однако, не так. В истории России и ранее имела место радикальная перестройка государственного управления.

Многим современным читателям это покажется парадоксом, но тем интереснее им будет узнать, что радикальные реформы в направлении демократизации и создания правового государства проводились в царствование Ивана Грозного. Что же касается его опричнины, то она, по своему существу, была не чем

иным, как системой беспощадного уничтожения и выкорчевывания тех самых преобразований, в которых молодой Иван IV участвовал — лучше сказать — вынужден был участвовать в силу ряда серьезных причин.

Громкая кровавая слава опричнины и ее творца прочно заслонили от внимания поколений, обращавшихся к истории того времени, деятельность первого правительства юного царя Ивана — так называемой Избранной рады. Немало для этого сделал и сам Иван Грозный. И в собственных более поздних сочинениях и с помощью своих книжников он постарался всячески принизить и очернить бывших соратников, представить реформы своего первого правительства как вредные и даже губительные для государства. Он был «прав» в том смысле, что модель государственного управления и развития страны, которая виделась реформаторам, была несовместима с тем государственным порядком, который позднее стал строить Грозный, — с деспотической самодержавной диктатурой, с крепостничеством в основе социальных отношений, с опричниной в основе политического и административного управления.

Мне кажется, что исторический пример, показывающий, каким образом либеральные, демократические (разумеется, по меркам XVI в.) реформы, направленные на создание правового государства, с выборным местным самоуправлением и с высшими сословно-представительными законодательными учреждениями, привели страну к опричному террору, к неограниченному произволу одного лица — самодержца, не может не вызвать сегодня пристального внимания. Вопрос о том, в каком направлении идет процесс современного развития России, или,

иначе говоря, куда приведут страну нынешние реформы, — не сходит сегодня со страниц и солидных трудов, и со страниц периодической печати. Немалое воздействие на объективный ход процесса — мы в этом убеждаемся ежедневно — оказывает идейная борьба вокруг проводимых реформ, борьба за выбор пути дальнейшего развития.

Дошедшие до нас исторические источники позволяют нам разглядеть картину острой идейной борьбы вокруг реформ, начатых в Московском государстве правительством юного, можно сказать, «начинающего царя» Ивана IV, позволяют с достаточной ясностью познакомиться с политическими взглядами участников этой борьбы, с исторической и философской основой их миропонимания, с их представлениями о роли России в широком — восточном и западном — историческом процессе.

* * *

Причиной и мощным толчком к проведению радикальной перестройки сложившихся к середине XVI в. в Московском государстве порядков послужило небывалое по силе и размаху восстание московского «черного» люда против хищнического, угнетательского правления боярских группировок, правивших страной, сменяя одна другую в Боярской думе. Восстание московского «черного» люда в июне 1547 года было для семнадцатилетнего царя Ивана огромным потрясением. Чуть ли не вчера отзвучали торжественные славословия и молитвенное пение, сопровождавшие его венчание на царство, гудели праздничные колокола, сияли бесчисленные свечи. И вдруг внезапно все так страшно переменялось. Вместо «свещного огня» — «огнь пожарный», вместо курения фимиама — удушливый дым пожара: в

пламени вся Москва. Вместо торжественного перезвона — неумолкающий гул набата. Горожане собрались на вече — они требуют выдачи им на расправу бывших правителей — бояр во главе с царскими родственниками. Явственно слышатся голоса, призывающие убить царя, который заодно со своими боярами и родичами, грабившими народ. Царь был отчаянно перепуган, — «узрев множество людей, удивися и ужасеся». Пережитый в тот момент страх не забывался еще много лет. «От сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой», — признал он через несколько лет на Стоглавом соборе.

Волна народного гнева, остановившаяся буквально у порога царского дома в Воробьеве, смыла с политической авансцены правившую боярскую группировку, деморализовала и ослабила власть всемогущей до того феодальной аристократии как таковой.

Расширение социальной базы государства, проведение значительных реформ, оздоровление и обновление аппарата управления, ведение активной внешней политики — все это естественно и неизбежно требовало исполнителей, способных взять на себя решение столь значительных задач. Круг людей, выдвинувшихся после потрясений 1547 года к руководству государством, был в тот момент для молодого царя, беспомощного в бурном потоке событий, поистине спасательным кругом, за который он вынужден был держаться до тех самых пор, пока не почувствовал под ногами достаточно твердую почву.

Наиболее яркие представители нового правительства — дворянин Алексей Адашев и духовник молодого царя Ивана священник Сильвестр — выступали за то, чтобы заменить правопорядок древний, децентрализующий, удельный — новым, централи-

зующим, за создание государства на единой правовой основе, хотели ввести, как тогда говорили, единые — «закон и правду...».

Одной из главных забот правительства, пришедшего к власти после восстания 1547 года, было создание впечатления о решительной демократизации правления. Наиболее ярким шагом в эту сторону было создание Челобитенного приказа — символического моста между царем и народом, на котором любой человек чуть ли не из рук в руки сможет передать самому царю свое прошение или жалобу.

Укрепление нового государства (монархии) требовало решительной замены хищнического аппарата власти на местах, установленного боярским правлением. Наиболее эффективной формой создания исполнительского аппарата новые правители сочли повсеместное избрание самими подданными чиновников для несения государственных, «казенных» функций. Выбранные в городах и волостях целовальники (люди, целовавшие крест на верность службе) и старосты становились «чиноначальными» людьми государства.

Прямые связи между государством и его населением через органы местного самоуправления превращали жителей бывших уделов в подданных государства, подчиненных его законам.

В 1550 году был утвержден Судебник — единый свод законов, который в категорической форме требовал участия «судных мужей» — то есть выбранных на местах присяжных заседателей при каждом судебном разбирательстве.

В целях исключения произвола чиновников (термин уже существовал в то время) в истолковании характера судебного спора и приговора суда — в

качестве обязательного требования выставлялось протоколирование судебного заседания в двух экземплярах, один из которых оставался у выборных присяжных «спору для».

Глубина и значение судебных реформ правительства конца 40-х и 50-х годов XVI в. могут быть основательно поняты и справедливо оценены при рассмотрении их в сравнительно-историческом плане. При таком подходе к их изучению выясняется, что эти судебные установления по своей последовательности и демократизму оказались выше всех попыток реформировать судебную систему в течение трех последующих столетий, попыток, предпринимавшихся, в частности, при Петре I и при Екатерине II. С этой точки зрения судебную реформу 50-х годов XVI в. можно назвать ближайшей предшественницей судебной реформы 1864 года. Сопоставление этих двух, столь отдаленных во времени реформ вполне исторически обосновано. Реформа 60-х годов XIX в. появилась после падения крепостного права и не могла появиться раньше, чем оно пало. Реформа 50-х годов XVI в. появилась до установления крепостничества, то есть также до создания условий, исключавших участие большинства населения страны — крестьян — в учреждениях судебно-правовой системы.

В обоих случаях — и в 1550-м и в 1864-м годах — судебные реформы появились под влиянием известной в истории ситуации, когда «верхи» уже не могут по-старому управлять «низами», не желающими по-старому жить. В обоих случаях судебно-земские реформы, предпринятые «сверху» под давлением «снизу», пришли в решительное противоречие с самодержавным строем. Многие наиболее значительные судебные реформы 60-х годов XIX в.

были, как известно, постепенно, но все же довольно скоро взяты царизмом назад. И в XVI в., как только самодержавие в 60-х годах обрело свою сущность, как только оно стало самим собой не только по названию, а уже и по сути, земский строй и судебная реформа, установленные правительством конца 40-х — 50-х годов, были обречены на гибель.

Высшим проявлением тогдашнего политического компромисса феодальных верхов с верхами крестьянского и торгово-промышленного городского населения можно считать тот факт, что феодальное государство пошло на то, чтобы отдать свою власть на местах на откуп «лутшим людям» волостей и городов. Освобождение от корыстной опеки феодалов-кормленщиков, получавших вместо оплаты своих чиновных обязанностей «корм» за счет населения данной волости, — открывало большие возможности для торговой и промышленной деятельности.

Развитие северных областей, в которых не было помещиков, в годы правления Адашева и Сильвестра представляет собой поразительную картину роста ремесла, торговли, мощного промыслового предпринимательства.

Небезынтересно отметить, что первые торговые переговоры с Англией от имени Московского государства вели именно «торговые мужики» — двинские богатеи — Фофан Макаров и Михаил Косицин. Они первыми отправились в качестве русских «гостей» в Англию в 1556 году.

Не одно десятилетие понадобилось окрепшей самодержавной власти на то, чтобы отобрать у своих подданных тот «праведный суд», ту «правду», которые она дала им в те годы, когда еще только становилась на ноги.

События более поздних лет, как уже было сказа-

но, уничтожили многие результаты реформ конца 40–50-х годов. Отчасти именно эта недолговечность реформ, отчасти же настойчивое очернение деятельности так называемой Избранной рады, начатое Иваном Грозным, привели к недооценке их глубины и масштаба. Трудно найти другой исторический пример, когда бы правительство страны, замыслившее и во многом осуществившее столько необходимых преобразований, подверглось бы столь ожесточенным нападкам современников, а затем и вторящих им историков.

Проектируя и проводя важнейшие реформы по устройению русского централизованного государства, двигаясь в этом направлении по пути новому и неизведанному, руководители фактического правительства — Избранной рады — неустанно уделяли внимание публицистическому разъяснению, обоснованию и даже увековечению своей деятельности. Все они — Адашев, Сильвестр и молодой царь Иван IV — не раз брались за перо публициста.

Различные сочинения этих трех авторов дошли до нас в достаточно большом числе. Перу Адашева принадлежат описания проведенных им реформ в летописи, а также тексты многих законов того времени. Сильвестр является автором ярких учительных посланий молодому царю Ивану, а также своему сыну Анфиму. Иван Грозный — наиболее плодовитый и наиболее талантливый писатель своего времени — автор Посланий Андрею Курбскому и к другим своим современникам, целого ряда деловых документов, автор нескольких важнейших рассказов для составлявшихся под его редакцией летописных сводов, автор политических памфлетов и даже «поносных» (то есть ругательных) стихов против воевавших с ним государей. Произведения, созда-

вавшиеся названными авторами в обстановке острой политической борьбы, ярко отражают кипевшие вокруг политические страсти.

Особое место в исторической литературе занимает вопрос об исключительно ярких и глубоких публицистических произведениях времен реформ конца 40-х — начала 50-х годов XVI в., автором которых, по мнению весьма авторитетных исследователей, является Иван Пересветов, странствующий «воинник»-наемник, служивший государям разных стран, и, в конце концов, «выехавший» из Литвы на русскую службу в давние, «доперестроечные» времена, в 1538-м или в 1539 году.

Скажем сразу: гипотеза, объединяющая под именем одного автора целый цикл произведений весьма разнообразных и по жанру, и по стилю, порой явно противоречащих одно другому по содержанию, — основана на доводах весьма шатких. Она вызвала решительные возражения со стороны многих, не менее авторитетных, чем ее сторонники, ученых. Существует немало предположений о том, какое реальное историческое лицо скрывается под псевдонимом Пересветов.

Вопрос о том, — кто является автором (или авторами) этих сочинений, отразивших идеологическое обоснование названных выше реформ государственного управления в Московском государстве середины XVI в., — и станет предметом подробного рассмотрения в этой книге.

* * *

О публицистических сочинениях середины XVI в. и об их предполагаемом авторе — И.С.Пересветове существует огромная литература. Многие ученые — как уже было сказано — отстаивают реальность

существования писателя Пересветова. По их убеждению, этот бывалый «воинник», служивший многим королям, приехав на Русь и присмотревшись к существующим здесь порядкам, сменил меч на стило публициста и создал цикл сочинений, в которых доказывает необходимость коренных политических преобразований в стране на пользу таким, как он, «воинникам» — служилым людям. Эту точку зрения поддерживают М.И.Соколов, В.О.Ключевский, В.Ф.Ржига, Ю.А.Яворский, Н.К.Гудзий, Д.С.Лихачев, Н.М.Тихомиров, С.В.Бахрушин, А.А.Зимин, Я.С.Лурье.

Другие исследователи — Н.М.Карамзин, А.Н.Пыпин, А.Н.Попов, П.Н.Полевой, С.Л.Авалиани, И.И.Полосин, П.Н.Милюков, В.С.Иконников, Н.А.Рожков, М.Г.Худяков и другие — высказали убеждение в том, что фамилия Пересветов — не что иное, как псевдоним, под которым видные политические деятели бурной эпохи Грозного высказывали свои программные политические взгляды.

Благодаря изданию, подготовленному А.А.Зиминым, — «Сочинения И.Пересветова» напечатаны по многим спискам, с обоснованным разделением дошедших вариантов на различные редакции. Издание текстов снабжено обстоятельным историческим комментарием Я.С.Лурье.

К сожалению, это издание не снижает, как полагал сам А.А.Зимин, а, напротив, усиливает сомнение в том, что все эти сочинения могут принадлежать одному лицу — И.С.Пересветову. Читателю предстоит многократно в этом убеждаться.

Для начала напомним, что ни одно произведение так называемого Пересветовского цикла в подлинниках XVI в. до нас не дошло. Каждое из них сохранилось в одном из самых разнообразных по со-

держанию сборников XVII в. В то время, в силу исключительного интереса к царствованию Грозного, усиленно переписывали и распространяли документы его эпохи.

Кстати сказать, если бы не переписчики XVII в., мы вообще не знали бы ни переписки царя с Андреем Курбским, ни сочинений Пересветова (?), ни Судебника 1550 года, ни многих других важнейших исторических источников XVI в.

Читателю следует также знать о том, что в многочисленных сборниках XVII в. так называемый Пересветовский цикл выглядит каждый раз по-разному. В одних случаях он полнее, в других присутствует лишь какая-то его часть. Иногда среди текстов совершенно другого содержания и происхождения встречается лишь одно произведение из тех, что относят к данному циклу. Порядок расположения сочинений тоже весьма разнообразен, если не сказать — хаотичен. Таким образом, реально никакого Пересветовского цикла, то есть сколько-нибудь устойчивого комплекса произведений, не существует. Этот «цикл» создали сами ученые — исследователи. Те, которые считают Ивана Пересветова реальным лицом, — писателем середины XVI в., автором целого ряда разнообразных произведений, и притом еще составителем из них некоего единого собрания своих сочинений.

Составители сборников XVII в., переписывавшие эти произведения, по мнению этих ученых, искажали по своему произволу первоначальное собрание сочинений Пересветова, или, пользуясь источниковедческим термином, — его протограф (дословное значение — первичная запись).

Ввиду сказанного будет правильным, говоря о Пересветовском цикле, оговаривать — так называемом.

Обратим внимание на последовательность расположения произведений так называемого Пересветовского комплекса в списках Полной редакции XVII в. А.А.Зимин считает, что именно она вернее других отражает подлинную, самим Пересветовым созданную структуру собрания своих сочинений. В том, что именно сам Пересветов придал комплексу этих произведений такую последовательность, будто бы обеспечивающую их четкое логическое единство, А.А.Зимин не сомневается.

Последовательность расположения произведений, собранных здесь воедино, по мнению исследователя, не только целесообразна, но и необходима.

Посмотрим, как выглядит так называемый Пересветовский цикл в его наилучшем виде.

После названия каждого из относимых к нему сочинений — дадим здесь, пока без всяких комментариев, краткую справку о его содержании, или, пользуясь известным бюрократическим термином, — «объективку».

1. «Повесть о взятии Царьграда турками» (в 1453 году). Она была написана в конце XV в. русским автором Нестором Искандером. (Подлинное это имя, или псевдоним — науке неизвестно). Повесть сохранилась в нескольких списках. В так называемом Пересветовском цикле она присутствует, поскольку была использована вместо предисловия к сочинениям, относимым к собственно пересветовским.

2. [Сказание о книгах]* — «О царе турецком Маг-

* В прямых скобках, как принято в изданиях произведений так называемого Пересветовского цикла, поставлены те названия, которых нет в самих дошедших до нас текстах и которые были присвоены этим произведениям, или их фрагментам, позднейшими исследователями. Названия, присутствующие в самих источниках, — поставим в кавычки.

мете, како хотял сожещи книги греческия». Это, опять-таки, допересветовское сочинение, автор которого до настоящего момента оставался неизвестным. В нашем исследовании будет сделана попытка установить его имя. Сказание о книгах присутствует в так называемом Пересветовском цикле, поскольку оно использовано в сочинениях, приписываемых Пересветову.

3. [Сказание о книгах] — так называемая Пересветовская редакция предыдущего сочинения. Здесь Магмет не хочет сжигать христианские книги, а, напротив, приказывает перевести их на турецкий язык, чтобы набраться из них мудрости для проведения в Турции благотворных реформ.

4. [Сказание о Магмете-салтане] — яркое публицистическое произведение: рассказ о благотворных реформах, которые будто бы провел в Турции Магмет-салтан. По существу, это предложение необходимых реформ в Московском государстве, изложенное в форме иносказания.

5. [Первое предсказание философов] — фрагмент из предыдущего сочинения, ясно указывающий на подлинный адрес иносказания. Предсказание «философов и дохтуров латинских», то есть западных мудрецов, — предвещает великое будущее Московского царя Ивана Васильевича.

6. [Малая челобитная] — текст, вполне реальной челобитной, поданной в 1549 году царю Ивану Васильевичу служилым человеком, доставившим в Москву боевые щиты «макидонского образца». Челобитная содержит скромные и вполне реальные просьбы: наладить производство таких щитов для русского войска и помочь челобитчику в его бедственном положении. В тексте челобитной явно видны следы его позднейшей литературной об-

работки, в виде явно чужеродных ему вставок разговорного характера.

7. [Второе предсказание философов] — краткая выписка из Первого предсказания (см. выше под № 5).

8. [Концовка] — оторвавшееся от основного текста (или позднее дописанное) окончание Сказания о Магмете-салтане. Отдельно от основного текста расположено в ряде других сборников XVII в.

9. [Сказание о царе Константине] — повествование о византийском императоре, будто бы преданном в критический момент своими «вельможами» и поэтому погибшем при взятии Царьграда турками вместе со своим царством.

10. [Повесть о начале Царьграда] — раннее, «допересветовское» сочинение. Данный вариант повести (фрагмент из нее) включен составителем сборника XVII в. в состав так называемого Пересветовского цикла по признаку близости темы к истории Царьграда, присутствующей в других сочинениях данного цикла.

11. [Повесть о начале Царьграда] — второй вариант предыдущего текста.

12. [Большая челобитная] — исключительно яркое публицистическое произведение, посвященное проблемам дальнейшего пути развития Московского государства. Автор его использовал и переработал тексты из многих ранее написанных произведений: из Сказания о Магмете-салтане, из Сказания о царе Константине, из челобитной дворянина, предложившего изготавливать боевые щиты «макидонского образца».

Как видим, перед нами даже в этом наиболее полном и лучшем, по единогласному суждению ученых, варианте так называемого Пересветовского комплекса — подборка произведений, в которой весьма труд-

но усмотреть собрание сочинений одного автора. Тем более — собранное им самолично.

Речь идет о противоречиях, мешающих считать их произведениями, созданными и собранными в одно время и одним лицом. О серьезных стилевых и даже жанровых различиях этих произведений и, главное, о различных общественно-политических взглядах, которые они отразили. Многие из этих произведений, столь противоречащие одни другим по своему содержанию, безусловно, не предназначались для того, чтобы стоять рядом. Некоторые из них являются переделками одного из другого и, следовательно, предназначались для того, чтобы заменить свои оригиналы, встать на их место.

Что же касается моментов, сближающих публикуемые сочинения между собой, то именно они в первую очередь возбуждают вопросы о времени и характере их происхождения. Некоторые общие языковые, стилистические и прочие особенности — там, где они есть, могли появиться не только на почве единого происхождения произведений, но и на почве их более позднего общего редактирования. Что внесено в сочинения собственно XVI в. редакторами — составителями сборников, хронографов и летописей XVII в.? Ведь чем больше замечали они различий и противоречий в произведениях, приписываемых одному лицу, тем больше у них было поводов эти разногласия и противоречия устранять, стремиться придать переписываемым текстам наибольшее, на их взгляд, взаимное соответствие.

Да и само это имя — Пересветов, когда и почему из несомненно литературного произведения — Большой челобитной, — было перенесено на остальные подобранные здесь сочинения и фрагменты? Еще в XVI или, быть может, только в XVII в.?

Все эти вопросы не могут оставаться без ответов.

Впечатление о разновременном происхождении и разнородности произведений так называемого Пересветовского цикла, вошедших в его лучшую и наиболее полную редакцию, во много раз усиливается благодаря тому, что во всех других дошедших до нас списках XVII в. мы видим, как уже было сказано выше, полный разницей в расположении этих текстов различными по составу небольшими группами или даже поодиночке.

Здесь, надо полагать, у читателя возникнет вопрос: почему же все-таки, по какой причине могло возникнуть и утвердиться убеждение, будто бы названные выше произведения и фрагменты составляют единое, целесообразно выстроенное самим автором собрание его сочинений?

На мой взгляд, здесь налицо тот далеко не редкий в науке случай, когда выводы предшествуют анализу. Анализ при этом неизбежно превращается в процесс поиска обоснований для заранее заданного, априорного вывода.

В данном случае априорным, заданным наперед вектором исследования явилось для ряда ученых убеждение в реальном существовании писателя Пересветова, являющегося автором всего комплекса перечисленных сочинений. Убеждение это, разумеется, не было взято учеными с «потолка». Оно было подсказано им составителями сборников XVII в., собравшими воедино произведения, в которых присутствует имя Пересветова, и поставившими их рядом с теми, в которых оно не упоминается. В этих соединениях была известная логика — собрать произведения, так или иначе перекликающиеся друг с другом по тематике. При этом составители сборников XVII в. ни разу не приписали Пересветову все эти произведения. Это «с подачи» составителей сбор-

ников XVII в. позднейшие исследователи сделали уже сами. Расширительное толкование источников и послужило появлению априорного вывода о Пересветове как об авторе всего комплекса названных произведений и фрагментов.

Несмотря на наличие многих серьезных оснований для того, чтобы в этом усомниться, убеждение в том, будто Пересветов реальная фигура и что все эти сочинения написал он, на сегодняшний день одержало верх, стало традиционным, утвердилось в качестве парадигмы, прочно установленной истины.

Великий французский физик Поль Ланжевен сказал однажды: для того, чтобы данную парадигму можно было пересмотреть, нужно, чтобы поколение исповедующих ее ученых вымерло. Наблюдение это, к сожалению, не лишено истинности. История всех наук, в том числе и точных, демонстрирует нам именно такую картину: не бывает научного открытия, которое, при всей своей очевидности и неопровержимости, убеждало бы, или лучше сказать переубеждало бы всех приверженцев традиционных точек зрения на данный предмет. Большинство из них, как правило, так и остается при своих традиционных взглядах, драматически переживая наступление нового. Драматизм науки как раз и состоит в том, заметил по этому поводу другой великий ученый, английский биолог Томас Гексли, что прекрасная гипотеза то и дело опровергается «безобразным» фактом.

Что касается нашего случая, он не кажется мне таким уж драматичным. Скорее, наоборот. Концепция, признающая реальность писателя Пересветова и его авторство для всех произведений так называемого Пересветовского цикла, как мы увидим, никак не может быть признана убедительной и уж тем

более прекрасной. Она полна натяжек и необоснованных предположений в то время, как опровержение этой точки зрения открывает возможность взглянуть значительно более масштабную и значительно более интересную картину происхождения выдающихся публицистических сочинений эпохи реформ в Московском государстве середины XVI в., позволяет установить их действительных авторов.

Попробуем, в интересах свободы рассуждений, абстрагироваться от привычной для нашего слуха парадигмы: «До нас дошел цикл произведений писателя-публициста середины XVI в. Ивана Семеновича Пересветова, логично и целесообразно скомпонованных им самим в собрание своих сочинений».

Посмотрим на цикл этих сочинений свободным от названной установки взглядом, как говорится, своими глазами. И тогда мы вполне отчетливо увидим реальную картину взаимосвязи и взаимозависимости произведений так называемого Пересветовского цикла.

Эффект этого прозрения напоминает мне общеизвестный школьный опыт, демонстрируемый на уроках физики.

На лист бумаги насыпают кучу железных опилок. Их размещивают по листу в любом порядке. Но когда снизу, под бумагу, подставляют магнит, опилки мгновенно располагаются по магнитным силовым линиям, образуя абсолютно четкий рисунок.

И в нашем случае тоже — стоит лишь взглянуть на разнообразные по происхождению и по содержанию произведения цикла непредвзято, как они тотчас выстраиваются в стройную систему, не нуждающуюся ни в каких усложненных, искусственных «стяжках».

И в самом деле.

Мы сразу различаем два объемистых по размеру, глубоких и ярких по содержанию публицистических произведения, посвященных единой теме — какие реформы государственного управления необходимо провести в Московском государстве, — это Сказание о Магмете-салтане и Большая челобитная. Мы увидим также два комплекса использованных в них материалов. Один — относящийся к работе над Сказанием о Магмете-салтане. Другой — к работе над Большой челобитной. Ничего другого в данных нам источниках не просматривается.

Первое из них — Сказание о Магмете-салтане. К нему относятся несколько повестей XV в., которые автор использовал для включения в свое сочинение:

Повесть о начале Царьграда,
Повесть о взятии Царьграда турками,
Повесть о царе Константине.

К их числу относится и сочинение уже XVI в. — Сказание о книгах греческих.

В некоторых списках XVII в. до нас дошли выписанные отдельно фрагменты из Сказания о Магмете-салтане: Предсказания философов и Концовка.

Другое публицистическое сочинение на ту же тему — Большая челобитная — написано в ответ на Сказание о Магмете-салтане с целью внести серьезные коррективы в реформаторские идеи, изложенные в этом сочинении. В своей работе его автор (тот же, что и автор Сказания о Магмете-салтане, или уже другой — это вопрос отдельный) использовал следующие сочинения:

Сказание о Магмете-салтане, включая содержащиеся в этом сочинении тексты: Сказание о царе Константине. Предсказания философов.

К тому же, автор Большой челобитной использо-

вал подлинную челобитную служилого человека — изготовителя щитов, поданную царю Ивану Васильевичу в 1549 году. Текст ее подвергся переработке: была использована лишь форма документа, но вместо его прежнего содержания был написан совершенно другой текст публицистического характера.

При ознакомлении с данным циклом, если признавать его собранием сочинений одного человека, неизбежно возникают вопросы: зачем было автору, составителю этого единого собрания, помещать рядом два своих произведения, если одно из них (Большая челобитная) было написано во изменение, вернее — вместо предыдущего (Сказания о Магмете-салтане)? С какой стати стоило тут же в составе этого цикла отдельно давать фрагмент из этого же (опровергаемого) произведения — Предсказание философов. Тем более, если этот фрагмент в сокращенном виде уже присутствует и в новом сочинении автора? Зачем нужно было тут же отдельно помещать тексты более ранних произведений XV и начала XVI в., уже использованных в качестве материалов в своих же собственных сочинениях, в которых они к тому же подверглись переработке? Зачем было перерабатывать для своего читателя предшествующие сочинения, если тут же представлять их читателю в их подлинном, не подвергшемся переработке виде? Ничего более странного, если не сказать — нелепого, представить себе невозможно. Тем более, когда речь идет об авторе, стремившемся в страстной полемической манере убедить читателя в правоте именно своего последнего слова.

Дальнейшее изложение и должно ответить на вопросы: каким образом в действительности происходило объединение названных выше публицистических произведений середины XVI в. и матери-

алов к ним? Кто с наибольшей степенью вероятности может быть признан автором (или авторами) этих произведений?

Надеюсь, что читатель не воспримет сказанное как отрицание полезности труда исследователей, занимавшихся до нас этой темой, или, тем более, как неуважение к их работе. На всякий случай, считаю необходимым со всей решительностью подчеркнуть, что подобное заключение было бы совершенно неправомерным. Как раз напротив. Уважение, с которым автор данного исследования относится ко всем своим предшественникам, скажется, прежде всего, в том, что ни одно их соображение, ни один из их аргументов, — особенно из тех, с которыми он не согласен, — не будут оставлены без внимания и тщательного, всестороннего рассмотрения.

Я отдаю себе отчет в том, что читателю будет, порой, нелегко следовать за ходом научной полемики. Но поступить иначе нельзя. Хорошо известно: тот, кто хочет оказаться на вершине горы, должен карабкаться по ее крутым склонам. Впрочем, тому, кто настроился достичь вершин, трудный процесс подъема на высоту тоже доставляет удовольствие.

Итак, уважаемый читатель, вперед и выше в общей «связке»!

Поскольку имя Пересветова фигурирует в источниках, гипотеза о его реальном существовании и о написании им целого цикла публицистических произведений воспринимается некоторыми учеными едва ли не как такая же реальность.

Отметим одно характерное неблагоприятное обстоятельство в методике источниковедческого исследования произведений, приписываемых Пересветову. Порой одни и те же источники рассматриваются попеременно в двух измерениях — то как объективный исторический документ, то как произведение литературного вымысла. Одни сведения, которые автор «сам» о себе сообщает, исследователи рассматривают как его явный вымысел, а другие сведения, содержащиеся в том же документе, например, в Большой челобитной, — как объективные свидетельства. Разумеется, такой свободный подход к оценке данных источника неизбежно ведет к зыбкости полученных заключений.

«Установление авторства И.С.Пересветова следует начать с Малой челобитной», — замечает А.А.Зимин. Вслед за В.Ф.Ржигой он делает этот вывод на том основании, что в Малой челобитной содержится совершенно реальная просьба о «пожаловании» челобитчика. Все сведения, которые сообщает автор о событиях в странах, где он служил, имена королей и

своих начальников — все это находит при проверке полное подтверждение. «Следовательно, — как пишет В.Ф.Ржига, — подпись челобитчика Ивашко Семенов сын Пересветова — не может быть заподозрена». Так же рассуждает и А.А.Зимин. Однако это «следовательно» и сделанный на таком основании вывод неправомерны. Начнем с того, что у Малой челобитной именно подписи-то и нет.

То, что Малая челобитная содержит вполне реальную просьбу разорившегося странствующего дворянина — профессионального воина, служившего при многих дворах, — это бесспорно. То, что сообщаемые им о своих службах в различных странах сведения точны, тоже не вызывает сомнений. Однако для вывода, будто читаемое в данной челобитной имя столь же подлинно, как и другие содержащиеся в ней сведения, не хватает источниковедческой характеристики дошедшего до нас источника. Сторонники точки зрения: автор Малой челобитной — Пересветов — эту задачу фактически обходят.

Если бы до нас дошел подлинник челобитной или не вызывающий сомнений в идентичности ее список, хотя бы поздний, — поводов для сомнений не было бы. К сожалению, ни подлинник Малой челобитной, ни списки с нее до нас не дошли.

До нас дошла только литературная обработка подлинной челобитной. Эта обработка, с одной стороны, привела к утрате такого важнейшего и обязательного элемента любого обращенного к царю прошения, и в том числе челобитной, — как окончание документа, содержащего краткую формулу просьбы и соответствующую подпись.

Результатом обработки Малой челобитной явились вставки в нее, совершенно чуждые и по стилю, и по содержанию подлинной челобитной, и вполне

очевидно нарушившие прежний контекст. Текст этих вставок взят из литературных произведений, в одном из которых, в так называемой Большой челобитной, фигурирует имя Пересветова.

Вспомним содержание Малой челобитной. Челобитчик просит царя «чтобы... холопа своего, велел службишка моего посмотреть». Далее он сообщает, что вывез образец своей службы — «щиты гусарьския... макидонского образца» — «добраго мужа кося сажень, с клеем и с кожей сырицею, с красками и с рожны железными». Челобитчик со знанием профессионального воина описывает удобство этих щитов. Он противопоставляет их какой-то неповоротливой или групповой обороне — быть может, вагенбургу: «А делати их в ветляном дереве лежко добре и крепко: един человек с щитом, где хочет, туды течет и на коне мчит. И в поле те щиты заборона с места (то есть в любом месте, где ни встало войско, без предварительной подготовки обороны. — Д.А.)...».

Челобитчик знает о готовящихся походах против казанцев: «На Волге» можно «из-за тех щитов берег взяти» (то есть высадиться с реки без потерь на вражеский берег. — Д.А.).

Челобитчик с горечью сообщает, что боярин Михаил Юрьевич (Захарьин. — Д.А.), которому его по приезде «приказали», вскоре умер и служба его «задылася». Отсюда уточняется дата приезда челобитчика на Русь — до смерти боярина М.Ю.Захарьина, то есть до осени 1538 года.

Челобитчик и теперь, одиннадцать лет спустя, то есть в 1549 году, снова предлагает царю свою «службишку» — производство щитов на 300 человек и на 300 коней юнацких. Он сообщает, что служил многим королям и «гораздо» с собой «собинки» вывез. А теперь он «наг, и бос, и пеш», «собин-

ку» свою «истерял» — в обидах и в волокитах «вся пропала».

Малая челобитная не только крик души исстрадавшегося за 11 лет в годы боярского правления мелкого служилого человека. Она еще яркий документ своего переломного времени. Обнищавший дворянин увидел перемены в стране. Кончилось ненавистное боярское правление. Великий князь, который был в момент его приезда ребенком, по существу, живой куклой в руках бояр — правителей, вырос и наречен царем. Начались походы на Казань, начались реформы, слышны обещания улучшить положение служилого люда, обещано ввести справедливый суд, равное пожалование каждого по его службе... А тут еще создан Челобитенный приказ, и каждый может обратиться прямо к царю со своей обидой. Автор челобитной решил, что настало время поправить свои дела и добиться справедливого пожалования, признания его действительно полезной «службишки»...

Челобитная написана сильно и убедительно. Получившие ее правители — А.Ф.Адашев, а также, по всей видимости, царь должны были обратить на нее внимание не только со стороны практических вопросов, поставленных в ней, но и как на яркий человеческий документ, исходивший из среды служилых людей.

Очевидно, что гусарские щиты, о полезности которых челобитчик так убедительно написал, и являлись той его главной и заветной «службишкой», за которую он ждет справедливого пожалования. С признанием этой его службы он вполне искренне связывает свои жизненные надежды. Он умоляет царя о помощи, «чтобы холоп твой государев до конца не загибл и службы твоя не отстал».

Предположение, будто этот же человек, подавая через полтора месяца новую челобитную (так называемую Большую), даже не вспомнил о своей первой челобитной и о содержащейся в ней просьбе «посмотрити» его «службишку» — производство боевых щитов, — представляется искусственным и противоречащим характеру документа. Такая «забывчивость» невозможна не только с точки зрения личных интересов челобитчика, но и по отношению к столь полезному для победы под Казанью делу, которое он предлагал начать. Оно здесь, в Большой челобитной, тоже забыто. Вместо этого он вдруг заговорил о каких-то «речах» и «книжках», вывезенных из «многих королевств» и содержащих наставления царю, как тому править своим государством.

Как справедливо указал И.И.Полосин, такое умолчание о содержании ранее поданной челобитной «недопустимо ни для Пересветова, ни для техники составления повторных челобитий».

Во вторичном обращении к царю, тем более, что оно последовало почти сразу за предыдущим, челобитчик, по вековой традиции, обязан был написать о том, что царю бьет челом тот самый государев холоп — имярек, — который бил челом тогда-то и которого государь «пожаловал» так-то и так-то.

В этом И.И.Полосин неопровержимо прав. Его слова подтверждаются всей многотысячной (!) массой дошедших до нас грамот, содержащих обращение не только к царю, но и вообще в любую вышестоящую инстанцию. И притом без единого исключения за все века — и до, и после, и во времена Пересветова.

И еще одно соображение. Как явствует из текста Малой челобитной, ее податель именно по поводу производства щитов обращается к царю второй раз.

Именно с этой просьбой он уже подавал челобитную в 1538 году. Если верить Большой челобитной, Пересветов еще в 1538 году сообщал одновременно и о ввезенных им щитах, и о неких «книжках». Почему же теперь, в 1549 году, он в первой из своих челобитных ничего не говорит о «книжках», а в другой молчит о щитах? Ответ ясен: потому что ни тогда, в 1538 году, ни сейчас, в 1549-м, эти темы не были темами обращения одного лица. Щитами в 1538 и в 1549 году был озабочен автор Малой челобитной, а «книжками» с «царскими речами» совсем иной автор. И заговорил о них этот последний в 1549 году впервые, ибо, как явствует из их содержания, эти «речи» никак не могли быть написаны в тридцатых годах, так как накрепко связаны с обстоятельствами конца сороковых.

Напрашивается вывод: тот дворянин, который написал челобитную о щитах, отнюдь не является автором блестящего публицистического памфлета в пользу кардинальных государственных преобразований. Но если это так — в подлинном тексте скромной челобитной о щитах не могли содержаться тексты, предвосхищающие основные положения этого политического памфлета. А то, что мы в ней такие тексты обнаруживаем, ясно свидетельствует о том, что это следы позднейшей литературной обработки первоначальной, не дошедшей до нас Малой челобитной, обработки, сделанной по тексту Большой.

И.И.Полосин указывал на три такие позднейшие вставки в первоначальный текст челобитной о щитах. Мне представляется, что их, по меньшей мере, четыре. Приведем соответствующие места Малой челобитной, отметив вставки прямыми скобками:

«И Михаила, государь, Юрьевича, борзо в животе не стало, вскоре преставися. И та государь, служба

моя задлялася. [Как тебе, государю, надобет ли службишко мое?] А выезду, государь, моему 11 лет».

Риторический вопрос: «Как тебе, государю, надобет (или полюбится) ли службишко мое» — трижды звучит в Большой челобитной, подчеркивая ее литературный, а не деловой характер. Подобное фривольное обращение к царю, допустимое в литературном произведении, которое, безусловно, не является настоящей челобитной, совершенно исключено в деловой бумаге. Налицо явный перенос в текст реальной челобитной риторических вопросов из так называемой Большой. Кроме того, без этого странного вопрошания текст читается более осмысленно.

«А велел бы еси, государь, делати щиты на 300 человек, да велел бы еси, государь, на 300 коней юнацких делати щиты же, [которые горазди смертною игрою играти, противу недруга за христианскую веру и за тебя, государя великаго царя]». В данном случае вставка, очевидно, разрывает смысл: получается, что «смертною игрою играти» горазды кони, или, что еще нелепее, — щиты. Знаменитые слова о «смертной игре» явно внесены сюда поздним обработчиком из Большой челобитной, куда, в свою очередь, были взяты из Сказания о Магмете-салтане.

«Служили есмя, государь у короля четцкого 3-же годы с ведома полскаго короля, и грамоты его с нами были. И оставя яз тамо дворянскую службу, выехал есми на твое имя царево, [слышавше от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знамению]. И ты был, государь, своим царским жалованием, поместьем, пожаловал меня, холопа своего, гораздо». Здесь мы снова видим явную цитату из публицистических рассуждений о царском «прирождении», предсказанном «мудрецами, филосо-

фами и дохтурами». Слова эти разрывают прямую последовательность делового текста.

В конце челобитной, вместо обычной формулы обращения к царю «смилуйся, пожалуй» и подписи, читаем явно чужеродный текст вполне очевидного происхождения:

[«А яз, холоп твой государев, слышачи про твое мудрое воинство и счастливое, ехал к тебе государю, нарочком твоея для мудрости, оставивше королёвы службы богатыя»].

Подлинная челобитная так оканчиваться не может.

Наконец, при внимательном рассмотрении Малой челобитной явственно видны прикосновения к первоначальному тексту руки позднейшего его обработчика. Переписывая подлинник, он переусердствовал и повторил дважды один и тот же текст, чего в подлиннике челобитной, поданной на имя царя, само собой, быть не могло. В челобитной сказано: «...а яз тебя, государя, благовернаго царя, доступити не могу... да и собинку есми, государь, истерял... в моих обидах и волокитах вся пропала. Службы твои государевы всякие служу, с Москвы на службу, а с службы к Москве, а в поместии... не дадут ни часу пожити недруги: нас, государь, приездих людей, не любят. И ныне, государь, от обид и от волокит наг, и бос, и пеш».

Через несколько строк читаем про то же самое:

«Что есми был с собою собинки вывезл, то zde вся потерял во обидах и в волокитах, с Москвы на службу, а з службы к Москве. А тебя, государя благовернаго царя, доступити не мочно». Здесь, как видим, повторяется сказанное выше, однако в середине повтора сделан пропуск, нарушающий причинную связь. В первом случае челобитчик указывает на

связь между запустением его поместья и службой — «в поместии... не дадут ни часу пожити...», что само по себе не случайно — «нас... приездих людей, не любят». Во втором случае — «...вся потерял во обидах и в волокитах, с Москвы на службу, а з службы к Москве» — смысл явно утерян.

В результате операции над текстом в челобитной трижды повторяется, что челобитчик не смог «доступити» царя. Навряд ли так могло быть в подлиннике. А об «обидах и волокитах» говорится трижды, притом рядом, в одном абзаце.

Итак, мы видим, что дошедший до нас текст Малой челобитной является сочетанием подлинного документа, лежавшего перед глазами позднейшего редактора, с привнесенными в него фрагментами из литературного произведения (или произведений). Соединение этих текстов произошло еще в середине XVI в., когда подлинная челобитная некоего дворянина, изготовителя щитов, подсказала исключительно удобную форму для изложения проектов социальных и политических преобразований под видом «мудрости», якобы вывезенной из многих западных стран. Правда, интересы дела потребовали прибавить к числу стран, где действительно побывал челобитчик, еще одну — Валахию, где он, судя по его подлинной челобитной, как раз и не был. Но в произведении, от начала до конца вымышленном, каким является Большая челобитная, это не имело значения. Если, разумеется, ее автор не предполагал, что его сочинение будет переписываться и читаться рядом с тем подлинным документом, который он использовал. На такое соседство его произведение, безусловно, не было рассчитано. Подлинной челобитной, подписанной подлинным именем челобитчика, предназначалось лежать в царском архиве. Публи-

дистическому произведению — так называемой Большой «челобитной» в кавычках — в соответствии с его замыслом, предстояло быть распространенным и для прочтения тем или иным кругом читателей. При подходе к изучению Большой челобитной как к произведению, использовавшему Малую челобитную в качестве удобной формы, становится понятным, что содержание у нее должно быть свое, что позаимствовать из подлинной челобитной она могла лишь внешние детали, обеспечивающие правдоподобие, а также документальность создаваемого сочинения.

Подлинное имя челобитчика — обнищавшего дворянина, изготовителя гусарских щитов — не должно было здесь фигурировать по множеству причин. Во-первых, было бы странным делать другого человека, в каких-то кругах (в частности, в военных и приказных) хорошо известного, автором своего сочинения. Во-вторых, ни с какой стати не следовало возводить этого скитальца-жалобщика в сан поучателя царя. Словом, против того, что подлинное имя автора Малой челобитной могло быть повторено в Большой, говорит многое. Да и мелкое (по сравнению с громадным содержанием Большой челобитной) существо его просьбы о щитах не надо было переносить в литературно-публицистическое произведение столь большого масштаба. Именно поэтому, а не по рассеянности или какой-то немислимой ветрености автора, сюжета о щитах нет (и не могло быть) в Большой челобитной.

На основании сказанного можно сделать такие выводы: Малая челобитная — подлинный документ, не имевший в своем подлинном виде никакого отношения ни к авторам, ни к содержанию публицистических произведений, трактующих проблемы государственного устройства.

Неподдельная точность и бесхитростная искренность этого документа убеждают с полной несомненностью в том, что челобитчик, за пределами своей скромной и вполне реалистической просьбы, не задавался никакими проблемами (тем более государственного масштаба).

Из этого вытекает вопрос: кто и где мог ознакомиться с челобитной дворянина — делателя щитов, с тем, чтобы использовать ее в своем сочинении? В общей форме ответ очевиден: тот, кто мог распоряжаться бумагами царского архива, или Челобитенного приказа.

Рассмотрим теперь те сведения, которые сообщает о себе автор, или, лучше сказать, — герой Большой челобитной. Там сказано: «А яз, государь, с теми речами выехал из Литвы, уже тому 11 лет минуло, служачи тебе... поминая своих пращур и прадед, как служили верно государем руским великим князем, твоим пращуром, Пересвет и Ослябя... на Донском побоищи при великом князе Дмитрие Ивановиче за веру христианскую и за святые церкви и за честь государеву пострадали и главы свои положили. А яз на то же выехал, холоп твой, на твое имя царево во всем тебе, государю, верно служити, сколько бог поможет».

Многие исследователи справедливо считают, что сообщение Пересветова о том, что он потомок Пересвета, является явной генеалогической выдумкой. А.А.Зимин оставляет вопрос о том, выдумка это или нет, открытым.

На мой взгляд, сомневаться в том, что налицо самый настоящий вымысел, нет никаких оснований. И уж тем более для тех, кто считает Пересветова автором обеих челобитных. Не мог в этом случае Пересветов не указать, что он потомок Пересвета, в

своей первой челобитной. Забыть свою родословную, поступая на царскую службу в XVI в., было бы то же самое, что забыть свое собственное имя. От того, как служили предки, напрямую зависел тогда уровень назначений и вознаграждений. Не указав в первой челобитной на столь высокую службу своих предков, Пересветов — если верить, что он автор Малой челобитной, — единолично отменил местничество — систему назначений на службу в зависимости от родовитости и заслуг предков, на что, как известно, не решались еще пойти ни царь, ни правительство.

Следует обратить внимание и на тот поразительный факт, что Пересветов (опять же, если он был автором Малой челобитной) «запомнил» о своем предке — герое Донского побоища в самый неподходящий момент. Он ведь подал, как он потом напишет в Большой челобитной, свое первое прошение в день годовщины Куликовской битвы — 8-го сентября, во время празднования в честь Богородицы — заступницы русских воинов на Куликовском поле.

Признание того факта, что происхождение автора Большой челобитной Пересветова от Пересвета является генеалогической выдумкой, странным образом уживается у ряда исследователей с признанием, что сам Пересветов, несмотря на это, лицо реальное и что фамилия его подлинная.

«Конечно, происхождение Пересветова от Пересвета... весьма сомнительно, — пишет В.Ф.Ржига. — Но то, что фамилия «Пересветов» действительно существовала и, следовательно, не была псевдонимом, — это может быть доказано». Не трудно заметить, что В.Ф.Ржига делает неправомерное заключение: поскольку фамилия «Пересветов» действительно существовала, «следовательно» она не была псевдони-

мом. Как раз напротив. Использование реальных имен и фамилий в качестве псевдонимов существовало во все времена. Никому, вероятно, не придет в голову утверждать, что подлинная фамилия великого писателя не Салтыков, а Щедрин, на том основании, что фамилия «Щедрин», избранная им для псевдонима, существовала вполне реально и что ею прозывались тысячи людей. И в древнее время известен случай, когда в качестве псевдонимов были избраны вполне реальные имена. Не кто иной, как царь Иван Грозный, не раз выступал под чужими именами. А свое сочинение — памфлет, направленный, в частности, против обвинений его в многоженстве, он подписал именем «Парфений» — что, по-гречески, означает «девственник». Юмористический оттенок псевдонима царь еще усилил добавлением к имени Парфений прозвища «Уродивый», в результате чего, в целом получается — юродивый девственник. В другом случае царь, самолично написав письма-отповеди польскому королю, пытавшемуся переманить к себе на службу четырех московских бояр, — четырежды подписался не своим именем, а именами каждого из этих бояр.

«Отсутствие сведений как о самом И.С.Пересветове, так и о возможных его родственниках в земельных актах, писцовых книгах и в разрядных записях весьма красноречиво», — замечает А.А.Зимин. Следует добавить: и это за 11 лет службы, судебных волокит и после трехкратных обращений к царю!

Объяснение, которое дает этому «красноречивому» факту А.А.Зимин, не убедительно. По его мнению, дело тут в том, что Пересветов не сделал служебной карьеры, так как его вольнодумные писания пришлись не по нраву царскому окружению. Говорить о том, что данные сочинения пришлись не по

нраву царскому окружению в момент их написания, — означает вступить в противоречие с тем фактом, что многие из проектов, предложенных в них, как раз и были осуществлены, а также вступить в противоречие с теми многочисленными указаниями на близость идей Пересветова к идеям руководителей правительства того времени, которые в изобилии приводит в своей книге сам А.А.Зимин.

Кроме того, речь идет об отсутствии всяких следов Пересветова в деловых документах, составленных еще до подачи его публицистических сочинений.

Как видим, несмотря на то, что факты, собранные и А.А.Зиминым, как всегда, строго научны и объективны, их толкование не свободно от влияния предвзятого убеждения о реальности Пересветова — автора всех приписываемых ему сочинений.

Вывод А.А.Зимина об отсутствии каких-либо сведений об И.С.Пересветове и о его родителях в известиях о лицах, носивших такую фамилию, следует дополнить немаловажным в данном контексте соображением: ни об одном из многочисленных Пересветовых, родственные связи и родословные которых изучил А.А.Зимин, не сказано, что он потомок Пересвета. И это не случайно. Не мог монах Пересвет (а это имя он носил уже после пострижения), будучи иноком, то есть, как выражается автор Большой челобитной, — «в чернецах и в схиме», становиться отцом и, значит, родоначальником.

Итак, потомков монаха Пересвета в русском служилом дворянстве не существовало. Соответственно, происхождение Ивана Пересветова от знаменитого инока сочинено автором Большой челобитной. И если Пересветов, написавший Большую челобитную, реальное лицо, — он явный самозванец, воспользовавшийся созвучием своего имени с именем ге-

роя Куликовской битвы. Непонятно только, на что он рассчитывал. В царской канцелярии могли быстро произвести «сыски родства» вдруг обнаружившего представителя столь именитого рода. Наверяд ли и с этой точки зрения можно допускать существование реального лица, решившегося столь беззащитно морочить голову царю.

На этом, если, повторяю, считать Пересветова реальной личностью, его обманы и мистификации не кончаются. Обратим внимание на его сообщения о подававшихся царю «книжках».

В Большой челобитной «выеждей из Литвы Ивашко Семенов сын Пересветов» сообщает царю, что вывез для него «речи изо многих королевств... и от Петра Волоскаго воеводы». Пересветов сообщает тут же, что был за те «речи и дела» «гораздо» пожалован, хотя царь лично их до сих пор не видел. Через несколько строк снова повторяется, что челобитчик «достал» те речи у мудрых людей многих в различных королевствах. Конкретно названы сочинения и высказывания современных его пребыванию за рубежом греческих философов и латинских «дохтуров».

В Большой челобитной Пересветов указывает, что «противень» — то есть копии этих вывезенных речей находятся «перед... государем». Последнее означает: поданные ранее «речи» в казне, в твоём, государь, распоряжении, и ты в любой момент можешь их увидеть.

Теперь, в 1549 году, в своей Большой челобитной Пересветов снова поместил те самые «речи» Петра Волоского, которые, якобы, ранее уже подавал дважды — в 1538 году, а затем и в 1549-м, когда, наконец, «доступил» царя в церкви, 8 сентября.

Итак, Пересветов, от лица которого ведётся рассказ, упорно говорит об одних и тех же «книжках»,

которые подавал два раза, а теперь подает в третий раз. Перечислим эти его утверждения:

1. Вывез речи из многих королевств.

2. И те речи легли в казне.

3. За те речи государь велел его пожаловать.

4. Философы греческие и дохтуры латинские говорили, что «те речи» следовало бы золотом расписать.

5. Те речи достал в тех королевствах у мудрых людей.

6. С теми речами выехал из Литвы уже 11 лет назад.

Далее Пересветов пересказывает содержание этих «речей»: «Пишут о тебе мудрыя философы греческия и дохтуры латинския...»

Затем он снова возвращается к истории подачи царю «книжек»:

7. А я — «Ивашко Пересветов» — 11 лет не могу до тебя «доступити». «Кому не подам память, и они до тебя, государя, не донесут, велможи твои». Речь идет, несомненно, о той же «службишке» — о вывезенных книгах, ибо ни о какой другой, в частности, о щитах, в этой челобитной не упоминается.

8. Наконец, Пересветов «доступил» царя в церкви, 8 сентября 1549 года, и подал «две книжки с твоими речами царскими, что еси вывезл из ыных королевств». Не может быть сомнения в том, что речь идет все о тех же «речах и делах», которые Пересветов подал, будто бы, по приезде, точнее о списке с них — «противне», поскольку сами «речи и дела» «легли» в царской казне.

9. Далее Пересветов сетует на то, что государь его «не приказал никому», как можно понять — после подачи тех «двух книжек» 8 сентября. Он говорит пока все о той же «службишке» — о речах, что он

«вывезл из ыных земель и королевств, слышав от многих мудрых людей... про твое царское мудрое прирождение».

10. Далее Пересветов просит отдать ему назад «те книжки обе», если они царю «не полюбятся».

11. Затем автор пишет о третьей книжке, подаваемой на этот раз: «Да сию книжку прочетши мне же вели отдати...» Что такое «сия книжка» совершенно очевидно: та самая, где эти слова и написаны, то есть Большая челобитная. Состоит она, в основном, помимо рассказа об истории вывоза и подачи «книжек», из «речей» Петра Волоского.

Получается, что Пересветов просит вернуть ему две книжки, в которых содержатся, в частности, «речи» Петра, в случае, если они не полюбятся царю, и тут же снова подает те же самые «речи»! Исследователи, разумеется, заметили неблагополучие в рассказах Пересветова о трех этапах подачи им царю «книжек». Тех из них, кто считает вымышленным и самого Пересветова и его историю с книжками, указанные противоречия не удивляют, ибо свидетельствуют лишь о погрешностях вымысла. Тем же, кто считает реальным и самого Пересветова, и историю подачи им его трех «книжек», приходится, в полном смысле этого слова, «выручать» Пересветова, искать оправдания тому, что в его будто бы совершенно правдивом и реалистическом рассказе, отражающем реальные факты биографии реального челобитчика, содержатся явные выдумки.

Я.С.Лурье утверждает, что определить содержание «речей», поданных еще в 1530-е годы, — задача пока не осуществимая. Он допускает, что и «речи» эти, и факт их подачи — более позднее измышление Пересветова. «Иное дело «книжки», поданные в праздник рождества Богородицы 1549 года. Содержание

их указывает сам Пересветов». Здесь у исследователя налицо явное противоречие в подходе к источнику. Только что он допускал, что в истории подачи «книжек», изложенной именно (и только) в Большой челобитной, мы встречаемся с измышлениями Пересветова. И тут же другое свидетельство Пересветова объявляется объективным фактом, поскольку оно исходит от «самого» Пересветова.

Заметим, что построение Я.С.Лурье, доказывающего, что «книжки», поданные Пересветовым в 30-х годах, не имеют ничего общего с «книжками», поданными в 1549 году, прямо противоречит тому, что рассказывает «сам» Пересветов. Мы убедились в том, что Пересветов упорно говорит об одних и тех же по содержанию книжках.

А.А.Зимин, также вопреки показаниям «самого» Пересветова, утверждает, что тот «по приезде на Русь в 1538 году никаких речей вообще не подавал». Далее исследователь старается объяснить — зачем же в таком случае Пересветов пишет неправду: «И.С.Пересветов (в Большой челобитной. — Д.А.) не случайно вносит хронологическую путаницу в свое повествование». Трудно, правда, считать соответствующим случаю выражение — «хронологическая путаница». Если Пересветов в Большой челобитной сочинил, что он вывез из-за рубежа и подал царю свои «книжки» впервые еще тогда, сразу по приезде в 1538 году, — это не просто хронологическая путаница — это сознательная ложь, ставящая под сомнение весь его дальнейший рассказ. Значит, вымысел и то, что он 11 лет безуспешно напоминал о поданных «книжках». Значит, он напрасно оклеветал тех «велмож», которые не сообщали царю о его жалобах. И за что же, в конце концов, был он пожалован «гораздо» по приезде, если не за эти «речи», достав-

ку которых он упорно называет своей «службишкой»? Про гусарские щиты он ведь теперь в своей второй челобитной не упоминает вообще.

И все-таки для чего же, по мнению А.А.Зими́на, Пересветов сочиняет, что вывез из многих стран и подал тогда же царю «речи» мудрых философов? «Ему нужно придать большую достоверность вымышленным «речам», поэтому они оказываются не только вывезенными «из многих королевств», но уже поданными царю в 1538 году».

Принять это рассуждение решительно невозможно. Утверждение челобитчика, будто в царской казне хранятся поданные в 1538 году «речи», будь оно ложным, не прибавило бы достоверности его челобитной. Оно могло быть легко проверено. Главное, однако, не в этом. Главное в том, что автор Большой челобитной вовсе не добивался той достоверности, о которой говорит А.А.Зимин. Рассчитывать на то, что царь и его окружение примут «речи» Петра Волоцкого за подлинные, произнесенные им до 1538 года, означало бы сознательно стремиться к тому, чтобы они (царь, правительство, любые другие читатели) не поняли главного — что автор иносказательно говорит о русских событиях, происходивших после 1538 года, осуждает боярское правление, ставит животрепещущие проблемы не вчерашнего, а сегодняшнего дня, проблемы того времени, когда произведение писалось. А.А.Зимин сам пишет: «Речи — лишь литературно-публицистические сочинения, в форме которых автор излагает проекты и критикует теневые стороны современной ему действительности». И тут же он приписывает автору намерение выдать эти «речи» за достоверные, то есть имеющие отношение не к сегодняшнему дню, а ко времени до 1538 года?!

По этой же логике автор Сказания о Магмете-

салтане, по мнению А.А.Зими́на, тот же Пересветов, одновременно с Большой челобитной подававший царю и это произведение (уже не в первый раз), — должен был быть озабочен, чтобы все изложенное в этом сочинении тоже воспринималось как достоверное, чтобы греческих вельмож читатель воспринял именно как греческих вельмож, а не как московских бояр, чтобы рассказ о реформах Магмета-салтана воспринимался как достоверная историческая справка из истории Турции, а не как проект реформ в Московском государстве... И, наконец, чтобы читатель считал достоверным фактом, что Магмет-салтан и воевода Петр — люди разных веков, вер и воспитания — думают и говорят абсолютно одно и то же. Разумеется, подобное допущение совершенно невозможно. В конечном счете, А.А.Зимин, пытаясь свести воедино все, что Пересветов сообщает о себе, выстраивает такую схему: первая из двух книжек, о которых говорит Пересветов, состоящая из Повести о взятии Царьграда, Сказания о книгах и Сказания о Магмете-салтане, является «как бы литературным дополнением к Малой челобитной и другим частям второй книжки». А упомянутый Пересветовым «противень» с обеих книжек является литературным дополнением к Большой челобитной».

Искусственность этой схемы очевидна. Почему Сказание о Магмете-салтане является литературным дополнением к совершенно не литературному документу — челобитной о щитах?

Еще менее оправдано считать огромную повесть Нестора Искандера XV в. о взятии Царьграда «дополнением» к краткому Сказанию о царе Константине (из так называемой второй «книжки»). Эти два произведения резко противоречат друг другу в изображении именно царя Константина.

Почему «противень» (копия) с обеих книжек является «литературным дополнением» к Большой челобитной, которая сама является литературным произведением? Тем более, если учесть (не увидеть этого нельзя), что Большая челобитная по содержанию является в значительной степени «перелицовкой» Сказания о Магмете-салтане, в которой «речи» Магмета превращены в «речи» Петра.

А.А.Зимин утверждает, что в прежних сочинениях Пересветова, «на которые ссылается Большая челобитная, вовсе нет никаких «речей» Петра Волоского. «Речи» Петра, как особая тема повествования, появляются только в Большой челобитной». Но и это утверждение исследователя находится во взаимноисключающем противоречии с тем, что многократно говорится в источнике. Пересветов много раз повторяет в Большой челобитной, что «речи» Петра Волоского находились в составе тех «книжек», которые он «вывез» из других земель и подал царю еще в 1538 году.

А.А.Зимин и Я.С.Лурье, полемизирующие друг с другом о времени первой подачи Пересветовым «речей и дел», сходятся в одном: собственные заявления Пересветова на этот счет, содержащиеся в Большой челобитной, никакого доверия не заслуживают. Но тогда не ясно — почему заслуживают доверия его сообщения о вторичной подаче тех же, по его словам, книжек в сентябре 1549 года. Если не было тех первых, ранее поданных книжек, вторые никак не могут быть «противнем с них» и т.д.

Приходится признать, что «Пересветову», правда, не без помощи составителей сборников XVII в., удалось изрядно запутать исследователей в своих трех «книжках». Налицо стремление считать правдивым в целом рассказ, признавая откровенной выдумкой его наиболее существенные части.

Итак, как же выглядит история Пересветова в изображении исследователей, признающих его реальным лицом и автором всех приписываемых ему сочинений?

По приезде на Русь Пересветов получает поместье за привезенные им образцы щитов, производство которых собирается наладить в Москве. Дело со щитами заглохло, и Пересветов 11 лет нес обычную воинскую службу, поместье его заустело, он обеднел. 8 сентября 1549 года он «доступил» царя в церкви и вручил ему челобитную с просьбой вернуться к вопросу о щитах. Учуяв, что началась эпоха реформ и перемен, он решил заодно, «в дополнение» к этой скромной челобитной, подать проект проведения государственных реформ, ориентированный на образец Магмета-салтана, якобы проводившего около ста лет назад такие реформы. Видя, что и это дело «задлялось» и целых полтора месяца нет ответа, он решил окончательно оставить дело со щитами (несмотря на то, что важность их производства по мере приближения главного похода на Казань усиливается), и представить царю, наряду с прежним проектом реформ «от Магмета», тот же проект, несколько дополненный и исправленный, исходящий теперь от имени Петра Волоского. Он выдумывает, что уже подавал эти самые «речи» в 1538 году. Он сообщает, что был за них «гораздо награжден». Зная резкое осуждение нынешним правительством прежних боярских правителей, Пересветов ложно (поскольку он их не подавал) заявляет, что поданным им «речам» не дали ходу, а его жалобы по этому поводу 11 лет скрывали от подраставшего тем временем царя.

Для того, чтобы вернее добиться успеха, Пересветов сочиняет себе громкую родословную, объявляя своим прямым предком монаха Пересвета. Рас-

считывая после таких удачных находок на эффект своего выступления, Пересветов в своей последней челобитной то и дело игриво спрашивает царя: «Как тебе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?» При этом Пересветов одну из своих книжек не убоился подать царю в черновом виде.

Царь разобрался в том, с кем имеет дело. Пересветов был посажен в тюрьму, «списки черные» его сочинений оказались в царском архиве, но имя его было тщательно изъято из всех официальных бумаг и книг — из разрядов, из архивов Поместного и Челобитенного приказов...

В приведенном здесь перечне поступков Пересветова и в объяснении их мотивов ничего не утрировано и ничто не выходит за пределы его облика и поведения, изображаемого в рамках гипотезы о его реальном существовании. Несерьезный характер этой картины возникает из гипотезы о реальном Пересветове и заставляет снова и снова со всей серьезностью ставить ее состоятельность под вопрос.

«Нам жаль расставаться с привычным и дорогим нам именем Ивана Пересветова», — писал в свое время И.И.Полосин, решительно отвергавший реальность этого лица. Я же полагаю, что с именем Ивана Пересветова нам расставаться и не придется. Оно должно остаться тем, что оно есть — именем литературного героя, символизирующим обобщенный образ служилого человека эпохи важнейших социальных и политических реформ в новорожденном централизованном русском государстве, образ патриота своей страны, посвятившего жизнь тому, чтобы содействовать торжеству правды и справедливости в том виде, в каком он их понимал. Его облик ничуть не проиграет, будучи очищен от обвинений в мистификациях, самозванстве и клевете.

Расстаться придется с гипотезой, которая требует рассматривать литературное произведение (Большую челобитную) одновременно и как официальный документ; официальный документ (Малую челобитную) как литературное произведение; литературного героя (Пересветова из Большой челобитной) как реальное лицо; а реальное лицо (дворянина-челобитчика о щитах) превращает в того, кем оно не было — в писателя-публициста.

Нам не надо будет объявлять единым художественным целым подборку разнородных сочинений, сделанную книжниками XVII в., тем более, что они сами не называли свою подборку сочинением одного автора.

Гипотетически выстроенный Пересветов перестанет заслонять подлинных авторов, государственный и политический масштаб публицистических произведений которых соответствует государственному и политическому масштабу их реальной деятельности.

Признание Пересветова реальным лицом и автором всех этих произведений решительно затрудняло научные поиски в этом направлении. Оно вооружало сторонников этой гипотезы энергией отрицания всяких иных предположений.

ТУРНИР ИМЕНИТЫХ ПУБЛИЦИСТОВ. СПОРЫ О ХАРАКТЕРЕ РЕФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Пришло время перейти к выяснению имен авторов наиболее ярких произведений рассматриваемого публицистического цикла. Они не раз назывались различными исследователями. Однако наличие другого, притом единого претендента на звание автора этих сочинений мешало установлению истины. Поэтому я видел свою задачу прежде всего в том, чтобы отодвинуть несколько в сторону, на полагающуюся ему собственное место, могучий конный монумент, отлитый легендарному Пересветову. Именно — на коне, со щитом и копьем, знаменитый публицист изображен на обеих посвященных ему книгах А.А.Зими́на. Этот монумент и заслонил стоящих за ним действительных авторов приписываемых Пересветову сочинений.

И как только искусственно воздвигнутое препятствие отодвигается в сторону, подлинные авторы открыто предстают нашему взору. Каждый из них достаточно прозрачно подписал свое произведение.

Один из них прямо назвал свою должность и место службы — главного казначея и верховного контролера над деятельностью судей.

Другой, сочинив себе псевдоним, — фамилию со значением, подходящим к содержанию данного произведения, — сохранил при этом свое подлинное имя,

употребив его в том самом виде, в каком он и позднее еще не раз употребит его, чтобы подписать аналогичное по форме произведение.

Правда, в том втором случае масштаб мистификации будет значительно большим. Фикцией станет уже не только факт подачи «челобития». Фикцией станет и сам «царь», к которому оно будет обращено. Этим фиктивным «царем всея Руси» будет Симеон Бекбулатович, посаженный Грозным на царство, а «челобитчиком» — Иванец Московский, то есть Иван Васильевич Грозный.

Другое время, другие масштабы литературной игры, но форма та же — челобитная. И имя челобитчика то же, что и в тексте челобитной 1549 года — «Иванец».

Из сказанного понятно, что автором Большой челобитной я считаю Ивана IV, а автором Сказания о Магмете-салтане — А.Ф.Адашева.

Приведем аргументы, подтверждающие эти предположения.

Начнем, естественно, с А.Ф.Адашева, так как речь идет о том, что он автор Сказания о Магмете-салтане — сочинения, написанного до Большой челобитной, текст которого в ней явственно отразился.

Мысль о причастности Адашева к так называемым Пересветовским сочинениям высказывалась не раз. Наиболее четко ее сформулировал исследователь истории Казанского ханства М.Г.Худяков.

«Вследствие того, — писал он, — что программа И.Пересветова была почти полностью осуществлена... не подлежит сомнению тесная близость публициста к царю и к правительству... В числе членов правительства было лицо, по своим классовым интересам совпадавшее с публицистом, — Адашев... Между Пересветовым и А.Ф.Адашевым, осуществившим

его проекты, несомненно, имеется тесная внутренняя связь... и невольно напрашивается мысль о тождестве этих лиц. При справедливости такого предположения получила бы разгадку тайна внезапного приближения А.Ф.Адашева к Ивану IV и его неограниченное влияние на царя получило бы объяснение в глубоком уме, широких общественных взглядах и литературном таланте выдающегося публициста».

Такая постановка вопроса представляется мне вполне правильной. К сожалению, М.Г.Худяков высказал свою догадку мимоходом и не подкрепил ее соответствующей аргументацией. Слабым местом в его предположении является, на мой взгляд, отнесение к авторству Адашева и всех прочих сочинений, приписываемых Пересветову, что отнюдь не столь очевидно, как принадлежность ему именно Сказания о Магмете-салтане.

Мнение М.Г.Худякова о том, что автором сочинений Пересветова являлся А.Ф.Адашев, было, вполне естественно, отвергнуто А.А.Зиминым — решительным сторонником реальности Пересветова.

Аргументы А.А.Зимины против предположения М.Г.Худякова свелись к критике его общих оценок сочинений Пересветова в духе исторических концепций М.Н.Покровского, учеником которого (по утверждению А.А.Зимины) являлся М.Г.Худяков.

Между тем, объективные данные, в том числе собранные в книгах самого А.А.Зимины и в комментариях Я.С.Лурье к публикации сочинений Пересветова, весьма серьезно подтверждают предположение и М.Г.Худякова и ряда других названных выше исследователей о том, что А.Ф.Адашев был одним из авторов так называемых Пересветовских сочинений.

В данном случае, повторяю, речь идет о важней-

шем из этих сочинений, вокруг которого так или иначе сложился весь рассматриваемый публицистический комплекс.

«Полное соответствие» большинства проектов Пересветова «с русской действительностью» неоднократно отмечали все исследователи.

Подчеркнем, что основной пафос Сказания о Магмете-салтане — критика боярского правления времен малолетства Ивана IV, предложение кардинальных реформ для оздоровления государства и укрепления его могущества, призыв к завоеванию Казани, утверждение самодержавия как единственной формы власти, способной прекратить хаос и произвол вельмож, предотвратить развал государства и провести необходимые реформы, — является основным пафосом и всей практической деятельности А.Ф.Адашева. Именно этими идеями насквозь проникнут «Летописец начала царства», составленный под руководством Адашева, а в некоторых частях и написанный им самим.

Именно так характеризует основную тематику адашевского летописца и А.А.Зимин: критика боярского правления, укрепление царской власти, присоединение Казани.

Напомним главные пункты проекта реформ, изложенного в Сказании о Магмете-салтане и воплощенные правительством Адашева:

Во главе государства царь самодержец, но не деспот. При нем его «верная дума».

Это явная Избранная рада.

Ограничение прав наместников на местах. Регламентация поборов с населения. Кормления только по выданному правительством «доходному списку».

Наместничество и кормления были практически ликвидированы правительством Адашева к 1556 году.

Создание местного управления. «И по городом у него десятския установлены и тысящники на лихия люди... на тати... и на ябедники».

То же в царском судебнике 1550 года: «...да устроил по всем землям старосты и целовальники и соцкие и пятидесяцкие по всем городам».

Магмет-салтан дал «судебные книги» — то есть ввел кодификацию законов. Это предложение, как справедливо замечает Я.С.Лурье, «предвосхитило одно из важнейших правительственных мероприятий — издание Судебника 1550 года».

Закон у Магмета-салтана — единственный источник права.

Это требование сформулировано и в статье 97, предписывающей судить только по судебнику.

Магмет-салтан посылает во все города «прямых» судей. Суд — равен для всех. Мера наказания определяется в соответствии с совершенным деянием. Над судьями устанавливается строгий контроль.

Такие же меры приняты в Московском государстве правительством Адашева — Ивана IV.

Огромное внимание уделено в Сказании о Магмете-салтане вопросам (проектам) организации военной службы и устройства воинов. Автор его предлагает создать постоянную личную охрану монарха.

Правительство Адашева учреждает постоянное стрелецкое войско в 3000 человек, располагающееся поначалу в селе Воробьево — в том самом месте, куда в дни московского восстания укрылась царская семья.

Войско Магмета-салтана в Сказании (и на самом деле) организовано по десяткам, сотням и тысячам, во главе, соответственно, с десятичными, сотскими и тысяцкими.

Русское войско, идущее на Казань, организуется точно так же.

Во главе войска Магмета-салтана стоит «мудрый папа».

Правительственные указы 1549–50-х годов — усиливают единоначалие в русском войске.

Для «воинников» у Магмета-салтана установлен особый военный суд своих начальников.

Указом от февраля 1549 года отменяется подсудность служилых людей наместникам «оприч душегубства...».

Важнейшим установлением Магмета-салтана, сделанным им в духе прочитанных им христианских книг, автор Сказания о нем считает следующее: «...не приказал бог велможам ни воинникам давати власти судити праведнаго суда и казны царева збирати. Приказал бог от мудрости великия человека vybrати мудраго и ему приказати царева казна сбирати и праведен суд судити кто бы неповинно, не осудил рода человеческого и крови бы и слез не проливал, на мзду бы не утекся и тем бы бога не разгневил». Назначение такого «вельможи» главой казны и суда, утверждает автор Сказания, только и может, в конечном счете, спасти государство от того трагического конца, к которому пришли греки.

«Этот «мудрый великий человек», — замечает Я.С.Лурье, — неизбежно напоминает читателю... А.Ф.Адашева». С этим и в самом деле надо «неизбежно» согласиться.

Мы знаем, что предложение публициста подействовало и его указание на то, кто именно должен быть назначен на столь высокое, второе после царя место, — было принято. Во главе казны и контроля над судебными инстанциями встал А.Ф.Адашев.

Сопоставления проектов, изложенных в Сказании о Магмете-салтане, с реальными реформами тех лет можно проводить и дальше. В этом, однако, нет необходимости, так как почти зеркальное сходство между проектами, изложенными автором Сказания о Магмете-салтане и деятельностью правительства, возглавляемого А.Ф.Адашевым, подобны взаимоотношениям между нотной партитурой и ее исполнением.

Для того чтобы разглядеть в авторе публицистического произведения, излагающего проект реформ, другое лицо, имеющее свой собственный облик, отличный от облика практического инициатора и творца реформ — А.Ф.Адашева, имеется только один путь: отыскать различия, а по возможности и противоречия между проектами одного и практикой другого.

Исследователи, признающие реальное существование «воинника» — писателя Пересветова, все случаи отличий проектов публициста от практики правителя тщательно учли и подчеркнули. А.А.Зимин говорит даже о том, что была существенная разница между практикой политической жизни середины XVI в. и теорией передового публициста.

Отметим, прежде всего, что отличий «проекта» от практики, по сравнению с огромным объемом воплощенного в жизнь, очень немного. Рассмотрим эти отличия с тем, чтобы выяснить, о чем они, в действительности, свидетельствуют.

«Правительство А.Адашева, — пишет А.А.Зимин, — много сделало для привлечения в центральный и местный аппарат власти талантливых выходцев из рядовой массы дворянства: ограничило и взяло под свой контроль местнические счета указами 1549–1550 гг., а также путем составления государе-

ва родословца в 1555 г. и так называемого «государева разряда...» 1556 г. Однако система преимущественного назначения на высшие должности представителей родовитой княжеско-боярской знати осталась непоколебленной. Мечты Пересветова о выдвижении «воинников» лишь по их «мудрости» и воинским заслугам в феодальных условиях вовсе не могли осуществиться».

Я изложил этот пункт словами самого А.А.Зимина, поскольку трудно лучше, чем он, описать одновременно и результаты воплощения поставленной в проекте задачи, и причины, по которым не могло произойти ее полного разрешения. Причины эти, как и отмечает А.А.Зимин, — «феодалные условия» того времени — носили объективный характер и, следовательно, не зависели от воли реформатора. Это значит: вывод, будто «мечты» Пересветова были прогрессивнее, шли дальше того, о чем мечтал сам Адашев, — неправилен. По этому признаку отличить проект Пересветова (если бы таковой автор существовал) от проекта, который имел и защищал Адашев, приступая к борьбе за новый порядок назначений, — было бы совершенно невозможно.

Пересветов предлагал ежегодно давать денежную оплату служилым людям. Правительство Адашева — Ивана IV ввело в 1555–1556 годах для большинства из них плату «не ежегодную» (как то предлагал Пересветов), а раз в 3–4 года».

Такого рода «зазор» между благими намерениями реформаторов и реальными финансовыми возможностями государства встречается в истории, пожалуй, наиболее часто. В том числе и в наши дни.

Пересветов был решительным противником закабаления, обращения в холопство. Между тем, в Судебнике 1550 года, замечает Я.С.Лурье, «осуществ-

лено только ограничение приема в «холопи» «детей боярских служилых и их детей...».

У нас нет прямых данных о том, как смотрел на этот вопрос А.Ф.Адашев. Однако мы хорошо знаем, что на «пересветовской» точке зрения стоял ближайший соратник Адашева — Сильвестр, гордившийся тем, что «изодрал» кабальные записи на своих кабальных холопов и выпустил их на волю. Выступление Сильвестра против кабального холопства отличалось даже большей смелостью, чем выступление Пересветова. Последний выступал до 1551 года, то есть до того, как был утвержден Судебник. Сильвестр уже после этого, выражая тем самым недовольство недостаточно радикальным решением вопроса в Судебнике.

Мы не знаем для этого времени более близкого к Адашеву человека, чем Сильвестр. Поэтому есть основания полагать, что позиция Сильвестра отражала и отношение Адашева к данной статье Судебника.

Наличие названных (основных, а возможно и еще каких-либо второстепенных) «зазоров» между проектами реформ, изложенных в публицистическом произведении, и практикой их воплощения никак не свидетельствует о том, что проекты, в которых «публицист намного опередил свое время», написаны одним лицом, а воплощение их в жизнь проводилось другим, не столь прогрессивно настроенным человеком.

На мой взгляд, такой подход неприемлем в принципе. Всемирная и, в частности, отечественная история на протяжении веков не дали ни одного примера, когда бы проекты сколько-нибудь значительных социальных и политических преобразований воплощались в жизнь в полном объеме. Это нё удавалось

даже самым могущественным самодержцам и диктаторам. Адашев не был ни тем, ни другим.

Адашев и царь в те годы были участниками политического компромисса. «Политика в это время направлялась правительством компромисса, которое, лавируя между отдельными прослойками класса феодалов, стремилось осуществить требования всего господствующего класса в целом», — пишет А.А.Зимин. К этому следует добавить, что правительство Адашева (как и автор Сказания о Магмете-салтане) стремилось учесть интересы не только дворян, но также торгово-промышленной верхушки городского посада. «Отсюда, — продолжает свою мысль А.А.Зимин, — и непоследовательность этого правительства...» Вот и ответ на вопрос, почему автор публицистического произведения, излагающего проект реформ, сделавшись исполнителем этих проектов, не мог осуществить их в полном объеме.

Поэтому, если допустить для рассуждения, что Пересветов действительно существовал, и представить себе, что он самолично взялся бы воплощать свои идеи, — он не преуспел бы в этом ни на йоту больше, чем преуспел А.Ф.Адашев.

С другой стороны, Адашев — либо еще до того, как стал правителем, либо в начале своей деятельности, — вполне мог (как всегда и бывает) изложить свои проекты в более радикальном виде, несомненно, отличавшемся от практических решений, согласованных с «вельможами», входившими в правительство компромисса.

Таким образом, в гипотезе о двух реформаторах, выступавших с идентичными идеями — один на бумаге, другой на деле, — нет нужды.

«При всем различии воззрений и судеб Пересвето-

ва и Адашева, в их деятельности можно отыскать нечто общее», — говорит Р.Г.Скрынников. Но, как видим, мы не имеем никаких оснований говорить об отличии воззрений Адашева от воззрений Пересветова и ничего не знаем насчет «судеб Пересветова». Таким образом единственное, чем мы реально располагаем, — это как раз то общее, что есть между ними.

Признание А.Ф.Адашева автором Сказания о Магмете-салтане разом, и притом наилучшим образом, объясняет многое. В первую очередь то, почему малоизвестный дворянин Адашев стал во главе правительства, осуществившего важнейшие государственные и социально-политические преобразования. Вполне реальный вид приобретает восхождение Адашева «на первый чин», если выясняется, что он, в момент величайшего потрясения, пережитого правящими верхами во время народного восстания 1547 года, подал свой, как нельзя более соответствующий требованиям момента, проект преобразований. Нет сомнений в том, что уподобление грозному Магмету-салтану (Мухаммеду II), победителю Византии, самовластному государю, который ввел в своем царстве «великую правду», предварительно изучив книги христианского вероучения, должно было понравиться молодому, искавшему опору царю Ивану.

Вполне объяснима форма иносказания, в которой Адашев должен был выступить со своими проектами государственных преобразований. Обрушиваться впрямую на бояр-правителей, обвинять их во всех бедах, поразивших страну, открыто поучать царя, как ему править своей державой, — было бы мало подходящим ходом.

Отметим, что проекты реформ, предложенные автором Сказания о Магмете-салтане, не предполага-

ли участия в государственном строительстве официальной христианской церкви. Иносказание давало возможность автору полностью обойтись без «вельмож» в рясах в той картине идеального государства, которую он нарисовал, никого при этом не оскорбив, поскольку речь шла не о христианской стране и не о христианском государе.

Исследователи давно обратили внимание на то, что автор Сказания о Магмете-салтане исключительно осведомлен о реалиях жизни турецкого государства.

Я.С.Лурье указывает, что Пересветов, которого он считает автором этого произведения, был знаком с Турцией и ее внутренними порядками значительно лучше западных «туркофилов». Исследователь объясняет это тем, что Пересветов много лет служил в странах, находящихся в непосредственной зависимости от турок — Венгрии и Молдавии. В этой связи интересно обратиться к тому, что сказал о Пересветове выдающийся востоковед И.Ю.Крачковский:

«Знания ислама у него отрицать нельзя. При всей идеализации, он вернее отражает действительность, чем яростный полемист Максим Грек».

Вспомним, что Максим Грек прожил в странах, находящихся под властью Турции, около сорока лет — во много раз больше, чем предполагаемый Пересветов. Очевидно, у автора Сказания о Магмете-салтане было больше непосредственных впечатлений о турецкой жизни.

Адашев такие непосредственные впечатления имел. В 1538–1539 годах он ездил в составе посольства к турецкому султану, которое возглавлял его отец Федор Адашев. Известно, что он хорошо помнил мельчайшие детали своей поездки и вносил их в 50-х годах в летописец в качестве дополнений к летописному рассказу. В Константинополе Алексей Адашев

прожил не менее года. После возвращения из Турции Адашев был представлен царю и, по-видимому, не раз рассказывал ему о своих странствиях.

Человек умный и внимательный, Адашев впитал в себя немало всякого рода личных впечатлений, легенд и рассказов, слышанных если не от самих турок, то от русских людей, ездивших в «турецкие посольства», и, в первую очередь, от своего отца Федора Адашева.

К сожалению, уверенность в том, что автором Сказания о Магмете-салтане является другое лицо — Пересветов — привело к тому, что факт близкого знакомства автора Сказания с Турцией лежал «на одной полке», а факт пребывания там Адашева и его постоянных возвращений к рассказу о посольстве, в котором он участвовал, на страницах летописца — оставался на другой.

Адашев — человек, взявший на себя подготовку и проведение реформ, которые намного опередили свое время (в силу чего и не удержались в тогдашней действительности), — должен был хорошо знать сочинения передовых русских мыслителей, задумывавшихся над вопросами социального переустройства страны, а также изучить труды европейских мыслителей — «латинских философов и дохтуров», обосновывающих те или иные государственные системы. Одним из важнейших объектов такого изучения должно было стать соседнее Польское королевство. Не учитывать как положительный, так и отрицательный опыт взаимоотношения шляхетства («воинников») с королевской властью в Польше, сколько-нибудь ответственно принимаясь за построение новорожденного русского государства, было бы просто невозможно. Поэтому, говоря о близком сходстве между идеями выдающегося польского гума-

ниста Андрея Фрич-Моджевского, автора трактата «О реформах государства», и идеями Пересветова, которое усматривает А.А.Зимин, следовало бы, на мой взгляд, сначала указать на сходство многих идей Моджевского с реформами правительства Адашева. Но при этом совершенно незачем допускать, что такое влияние осуществлялось через посредника, наемника, вывезшего из Европы вместе с мудростью производства гусарских щитов «мудрость» государственного устройства.

Странная у такого посредника была бы роль: в художественной форме поучать реформатора тому, что тот и сам знает, и уже делает. Странной была бы и роль Адашева, если допустить, что он приступил к предложению и проведению своих реформ, прочитав (сам или вместе с другими членами правительства, в том числе и с царем Иваном) Сказания и челобитные некоего воинника. Именно так, кстати сказать, действия Адашева и выглядят для тех, кто признает реальностью существование Пересветова и историю подачи им царю своих сочинений. «Если датировка пересветовских челобитных, предложенная А.А.Зиминим, справедлива, — пишет Р.Г.Скрынников, — то неизбежен вывод о прямой связи между выступлением Пересветова и деятельностью кружка Адашева. В самом деле, царь Иван в октябре 1549 года ознакомился с доводами Пересветова против местничества, а спустя два месяца Адашев добился утверждения указа, частично упорядочившего местническую практику».

Предположение, будто основополагающие идеи реформ государственного аппарата, суда, войска, финансов... остались бы неизвестными на Руси, если бы их не вывез сюда заезжий дворянин и не напомнил бы о них спустя 11 лет после приезда, точно в

тот самый момент, когда можно было начинать превращать эти идеи в жизнь, — представляется мне, по меньшей мере, невероятным.

Признание А.Ф.Адашева автором Сказания о Магмете-салтане объясняет наилучшим, лишенным искусственных построений способом все без исключения факты исторической действительности, относящиеся к данной проблеме. В том числе и «зазор» между проектом реформ, изложенным в Сказании о Магмете-салтане, повторенным с некоторыми коррективами в Большой челобитной, и самими реформами.

Гипотеза о существовании публициста Пересветова не только плохо объясняет взаимоотношения между автором проекта реформ и теми, кто их осуществлял, но то и дело вынуждает признавать возможность неправдоподобных ситуаций.

* * *

Стиль и характер Большой челобитной давно уже наводил исследователей на мысль — «не скрывается ли в лице Пересветова сам Иоанн Грозный». Предположение это было высказано С.Л.Авалиани в докладе на XIV Археологическом съезде в 1909 году в Чернигове. Оно тотчас встретило возражение. Д.И.Иловайский объяснил сходство Послания Грозного Курбскому с сочинениями Пересветова тем, что царь много позаимствовал из произведений публициста. При этом, однако, по мнению историка, царь в то время был слишком молод, чтобы самостоятельно написать то, что изложено в произведениях Пересветова.

Такого рода аргументы не обладают доказательной силой. Во-первых, понятие «слишком молод» не приложимо ко всем людям без разбора. Гроз-

ный, как отмечает Д.С.Лихачев, был поразительно талантлив. И это не подлежит никакому сомнению. Кроме того, как мы увидим, есть все основания полагать, что Большая челобитная была написана не в 1549 году, а в 1552-м, накануне большого похода на Казань. В это время Грозному шел уже двадцать второй год.

И, наконец, самое главное — никто и не утверждает, что Большая челобитная, кто бы ни был ее автором, произведение самостоятельное. Невооруженным глазом видно, что оно в значительной своей части — не что иное, как пересказ идеи Сказания о Магмете-салтане. Источниковедческий анализ позволяет увидеть, что в основе Большой челобитной лежат также и другие, предшествовавшие ей произведения.

В 1946 году было опубликовано исследование И.И.Полосина, посвященное челобитным Ивана Пересветова. И.И.Полосин на основании целого ряда наблюдений и соображений приходит к выводу, что автором «пространной челобитной мог быть только Грозный».

Выше уже говорилось, что И.И.Полосин допустил в ходе своих рассуждений ряд ошибок, полагая, в частности, что Большая челобитная переделана из Сказания о Петре Волоском, в то время как в действительности эти памятники находятся в обратном соотношении. Сказание о Петре Волоском — переработка Большой челобитной, осуществленная в XVII в. Это обстоятельство позволило противникам точки зрения, что Пересветов — псевдоним Грозного, объявить построение И.И.Полосина целиком ошибочным. Его гипотезу о Грозном как об авторе Большой челобитной А.А.Зимин назвал смелой, но не обоснованной. На мой взгляд, гипотезу И.И.По-

лосина вернее называть смелой, но недостаточно обоснованной, требующей дополнительных обоснований.

В трудах В.Ф.Ржиги, А.А.Зими́на и Я.С.Лурье была продолжена полемика против предположений о том, что подлинным автором Большой челобитной был сам Иван IV.

Рассмотрим их аргументы.

Общей основой для «отвода» кандидатуры Грозного на звание автора Большой челобитной служит презумпция наличия у этого произведения другого автора — реального челобитчика Пересветова. С этой точки зрения вполне естественно искать сходства и различия во взглядах двух различных людей — Пересветова и Грозного. Дальнейший ход рассуждений, идущих в этом направлении, таков: сходство взглядов, поскольку оно налицо, может быть свойственно двум разным лицам, и, таким образом, тождества авторов оно не доказывает. Что же касается различия позиций, которые можно усмотреть в произведениях Грозного, с одной стороны, и в произведениях, приписываемых Пересветову, в частности, в Большой челобитной, с другой, — то они могут свидетельствовать будто бы только об одном: их авторы — разные лица. Но последнее суждение не имеет под собой достаточного основания.

Для того чтобы утверждать, что автор Большой челобитной (самое позднее — 1552 год) и автор Послания Курбскому (1564 год) разные лица, поскольку высказывают не абсолютно идентичные взгляды, надо исключить всякое историческое развитие за это время: всякие изменения политической обстановки и какое-либо развитие личности, о которой идет речь. Такое рассуждение было бы правомерным, если бы юный Иван IV — участник политического компромисса, находившийся под влиянием Адашева и Силь-

вестра, не превратился к тому времени в Ивана Грозного, давно расправившегося с бывшими единомышленниками, если бы двенадцать — пятнадцать лет бурного исторического развития прошли бесследно, точно их и не было, словом, если бы «история прекратила течение свое».

Сам А.А.Зимин совершенно определенно говорит, что автор Большой челобитной (по его мнению — Пересветов) писал, «когда лишь вставал вопрос о путях реформ Русского государства, а послания Грозного написаны в 60–70-х годах XVI в., когда происходил разгром боярской оппозиции и задача утверждения самодержавия... получала реальное осуществление». С такой постановкой вопроса трудно не согласиться. «Поэтому, — пишет далее А.А.Зимин, — в то время, как Пересветов задумывался о будущем России, Грозный обосновывал происходившие государственные преобразования и даже подводил им некоторые итоги».

Не совсем ясно, почему Грозный подводил итоги тому, над чем задумывался обязательно кто-то другой, и почему он не мог подводить итоги тому, о чем когда-то — двенадцать–пятнадцать лет тому назад — думал? Или: почему теперь, много времени спустя, он должен, «подводя итоги», рассуждать совершенно адекватно своим размышлениям давно прошедшего времени?

Стремясь подчеркнуть расстояние, будто бы разделяющее Пересветова и Грозного, А.А.Зимин утверждает: «Ни о каком исполнении программы реформ, предложенной... публицистом, говорить, конечно, нельзя». Утверждение это противоречит историческим фактам. Выше был приведен большой перечень конкретных пунктов пересветовской программы, воплощенных в действительность правительством Ада-

шева — Грозного. Да и сам А.А.Зимин на других страницах своей книги справедливо замечает, что реальные перемены в системе государственного управления Московского государства, происшедшие в 50-х годах XVI в., «имели ту же направленность, какую мы обнаруживаем в политических устремлениях Пересветова».

Позднее Грозный отошел от политики проведения реформ, имевших «ту же направленность», что и устремления Пересветова. Этим вполне объясняются некоторые различия взглядов, высказанных в Большой челобитной, от тех, что высказывались царем двенадцать, пятнадцать, двадцать лет спустя. При этом можно только поражаться тому, насколько устойчивыми оказались важнейшие политические позиции, изложенные в Большой челобитной, с какой последовательностью развивались они в произведениях Грозного и как упорно воплощались царем в действительность.

Вспомним идеи, общие для автора Большой челобитной и для произведений, подписанных Грозным.

В целях полной объективности начнем сопоставление единства взглядов автора Большой челобитной и Ивана Грозного с тех наблюдений, которые сделаны самими противниками гипотезы о тождестве этих авторов.

В.Ф.Ржига, имея в виду прежде всего Большую челобитную, подчеркивает, что Пересветов «подготавливает образ мыслей царя Ивана».

Всесторонне рассмотрел в своих комментариях к изданию сочинений Пересветова общность взглядов автора Большой челобитной и Ивана Грозного Я.С.Лурье. Исследователь подчеркивает, что Иван Грозный «чрезвычайно близок к Пересветову по своей непримиримой враждебности к «боярам» и

что царь «вслед за Пересветовым» использовал византийскую историю для их обличения.

«Пересветов, — пишет исследователь, — видел в нарушении «крестного целования» (присяги) не только политическую измену, но и религиозную ересь. Это та же точка зрения, которую высказывал в 1564 году в «Послании во все Российское царство на крестопреступников...» Иван Грозный».

Добавим, что осуждение «крестопреступников» — нарушителей верности царю — не простое совпадение высказываний. Для автора Большой челобитной мысль: «ересь, что верно не служат», уподобление нарушителей присяги еретикам и чародеям — идея фикс, проходящая красной нитью через все это произведение. «Таковых годится огнем жещи и иныя лютыя смерти им давати, чтобы лихо не множилося», — советует автор Большой челобитной. В этих словах выражено своеобразное «кредо» Ивана Грозного, которое он энергично претворял в практику на протяжении почти всего своего царствования*.

Я.С.Лурье отмечает подчеркнуто светский характер объяснения причин гибели Византии у Пересветова: «Византия погибла по вине «вельмож Константиновых», «ленивых и богатых», — настойчиво повторяет Пересветов». Далее исследователь пишет: «Прямым продолжателем Пересветова в этом от-

* Право «огнем жещи» чем-либо «неприятных вельмож» царь всегда считал своим неотъемлемым правом. Автор этих строк опубликовал в свое время неизвестную ранее грамоту, написанную (или продиктованную) царем в октябре 1576 года по поводу «поветрия» чумы, в которой Грозный предписывает воеводам ряд срочных мер борьбы с эпидемией. Грамота заканчивалась угрозой: «А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия и вам быть от нас самим сожженными».

ношении является Иван Грозный». Свои филиппики против «вельмож» и «епархов» — духовных феодалов царь в Послании к Курбскому дополняет «целым очерком Византийской истории». Здесь уместно вспомнить, что Византийская история — важнейший элемент сочинений, приписываемых Пересветову. Ей уделено большое внимание и автором Большой челобитной. Последнее напрямую сближает это сочинение с названным «очерком» Византийской истории в письме Грозного Курбскому.

Добавим к этому наблюдение, касающееся формы изложения. И автор Большой челобитной, и Грозный прямо обращаются к своим читателям с предложением изучить Византийскую историю как поучительный образец. Кто хочет познать суть царской мудрости и «устав жития царского» — пусть прочтет «взятие греческое до конца», — советует автор Большой челобитной. «Смотри же убо се и разумей, каково управление составляется в разных началах и властех... и в каковую погибель придоша», — вторит ему Иван Грозный, напоминая Курбскому о том же «взятии греческом».

А.А.Зимин также многократно подчеркивает общие черты «в воззрениях И.С.Пересветова и Ивана Грозного», указывая, что они главным образом относятся «к апологии самодержавной власти монарха и осуждению боярского своеволия». «Иван Грозный, как и Пересветов, является сторонником суверенитета царской власти, воплощающейся в личности монарха». «Грозный, так же как и Пересветов, считает, что без «благого устройства» государства нельзя рассчитывать на успехи в ратных делах», — напоминает исследователь.

Как видим, признание Пересветова реальным лицом, автором Большой челобитной, вынуждает

сторонников такой точки зрения превращать Ивана Грозного в некоего идейного последователя современного ему публициста. В самом деле: «Пересветов подготовил образ мыслей царя» (В.Ф.Ржига); Иван Грозный «чрезвычайно близок к Пересветову», идет «вслед за Пересветовым», является «прямым продолжателем Пересветова», у него «та же точка зрения», что у Пересветова (Я.С.Лурье); «Грозный, так же как и Пересветов, считает...», «Иван Грозный, как и Пересветов, является сторонником...» (А.А.Зимин).

Посмотрим, однако, в чем же, по мнению тех же исследователей, состоят различия во взглядах Грозного и автора Большой челобитной. Все они, как правило, носят характер некоторых оговорок к отмечаемой тождественности взглядов этого автора и Грозного.

«У Пересветова, — пишет Я.С.Лурье, — ...резкая критика “вельмож” прямо соединяется с пламенной защитой интересов “воинников”». Царь, по мнению исследователя, противопоставляет «вельможам» некое абстрактное «критьянство»... О выдвигении дворян в противовес «князьям и боярам» царь упоминает, подчеркивает Я.С.Лурье, «всего один раз, да и то скорее в шуточной, чем в серьезной форме». Имеется в виду ответ Грозного Василию Грязному.

Признать это рассуждение нельзя по многим причинам. Во-первых, Большая челобитная и Послания, о которых говорит Я.С.Лурье, написаны в разное время. Письмо Грязному отстоит от Большой челобитной на двадцать лет. Во-вторых, противопоставляя «князьям и боярам» «критьянство», Грозный, при всех условиях, имел в виду не крестьян и посадских, то есть отнюдь не весь «христианский род», а преданных ему людей, в первую очередь из дворян,

из тех, кого он возвышал, «чая» от них «прямой службы». И возвышал он их отнюдь не «шутя». Особенно это возвышение «молодых» было заметно в начале царствования, в период, когда страной правило фактическое правительство Адашева — Грозного, в годы, когда писалась Большая челобитная. Об этом свидетельствует на допросах такой в этом смысле бесспорный авторитет, как князь Семен Лобанов-Ростовский, возглавивший в 1553 году, во времена, близкие к моменту написания Большой челобитной, заговор против царя именно потому, что «государь... приближает к себе молодых людей, а нас (то есть «вельмож». — Д.А.) ими теснит».

Я.С.Лурье замечает, что и автор Большой челобитной, и царь привлекают «образ «первого человека» — Адама — для решения основных философских проблем человеческого бытия, и в особенности для решения вопроса об изначальной «свободе» или «несвободе» человека. «Прямой предшественник Ивана IV в защите идеи государевой «грозы» и в обличении «вельмож», Пересветов в данном вопросе занимал иную позицию, чем царь... прямой смысл приведенной им притчи... заключался в утверждении идеи свободы в противовес «порабощению» (в первую очередь — обращению в холопы и закабалению)». Что же касается царя — то он в 1567 году, когда «польский король Сигизмунд II Август предложил нескольким русским боярам изменить своему государю во имя той же извечной «вольности», продиктовал этим боярам «ответ», в котором, на примере изгнания Адама из рая, обосновал извечность того, что «везде убо несвободно есть».

Такое противопоставление этих двух обращений к образу Адама совершенно неосновательно. Автор Большой челобитной, опираясь на легенду об Адаме,

выступил строго против одной формы несвободы — против пожизненной «записи в работу», против закабаления и похолопления. В этом же самом произведении этот же автор утверждает, и даже воспекает другую форму несвободы — верноподданничество, холопскую верность государю. Нарушителей присяги на верность царю он, как мы видели, предлагает «огнем жещи». Как видим, борьба этого автора за свободу личности — против закабаления одних подданных царя другими — отлично уживается на страницах его произведения с борьбой против свободы той же личности от верноподданнического холопства. Но ведь Грозный в письме к Сигизмунду утверждает ту же самую несвободу, выступает против измены подданных своему государю. Противопоставлять автора Большой челобитной в качестве борца за свободу личности Ивану Грозному нет никаких оснований. По вопросу о нарушении присяги — крестного целования, об измене — они стоят на идентичных позициях, с той лишь разницей, что автор Большой челобитной говорит об этом даже резче, чем Иван Грозный в письме к Сигизмунду.

Таким образом, выясняется, что, несмотря на разное время написания сравниваемых произведений, обнаружить серьезные различия во взглядах их автора при непредвзятом подходе как раз и не удастся.

Наряду с этим, мы отчетливо видим: между Большой челобитной, с одной стороны, и воззрениями, а также практической деятельностью Грозного — с другой, столько общего, что аргументы против отождествления автора этого сочинения и царя Ивана выглядят малоубедительными и носят явно надуманный характер.

Окончательному убеждению в том, что автором Большой челобитной является не кто иной, как Иван

Грозный, помогает сличение стиля и художественных особенностей этого произведения с бесспорными сочинениями царя.

Д.С.Лихачев раскрывает «необыкновенно интересную творческую личность» царя — писателя, «личность в своем роде единственную и ни на кого не похожую». Д.С.Лихачев указывает целый ряд типичных для Грозного как для писателя особенностей. Вот первая из них: «...Стиль Грозного сохранял следы устного мышления. Он писал, как говорил... Отсюда характерное для устной речи многословие, частые повторения мыслей и выражений...».

Именно эти черты абсолютно присущи автору Большой челобитной. Одни и те же мысли и выражения повторяются в ней неоднократно. Больше того, в ней трудно найти мысль, к которой автор не возвращался бы снова и снова.

Одна из главных тем Большой челобитной — осуждение «вельмож». Автор то и дело возвращается к ней, обыгрывая ее в различных выражениях на византийском и на русском материале. Он предостерегает — если на какого-либо царя «придет великая кротость — то и есть уловление врагов его», то «не будет царь мыслить о воинстве, ни о управе во царстве своем, и будет веселиться с теми, которые ему сердце разжигают вражбами и многими прелестными путями...».

Речь здесь идет о некоем абстрактном царе, о любом, который поддастся «уловлению» вельмож. Через несколько абзацев это же почти дословно повторено в отношении вельмож греческих, которые «царя укротили от воинства своими вражбами и прелестными путями...».

Те же слова вложены далее в уста Петра Волоского, который молит Бога поблюсти русского царя

Ивана Васильевича, «да не уловили бы его так же вельможи его враждою от ереси своя и лукавством своим, да не укротили бы его от воинства, боячися смерти, якобы им, богатым, не умирати. Яко же благоверного царя Константина Ивановича Царьграда велможи укротили от воинства враждою от ереси своя и ленивости ради лукавством своим».

Еще через несколько страниц автор в тех же выражениях повторяет прежнее осуждение греческих вельмож: «...ино у благоверного царя Константина велможи его всем тем беззаконием исполнились... А благоверного царя Константина осѣтили кудесы и враждами уловили и мудрость его воинскую отлучили и богатырство его укротили».

Далее, через несколько абзацев, устами воеводы Петра, снова дается предупреждение русскому царю о том, что по предсказанию «мудрых книг» и на него будет «ловление, аки же на царя Константина царьградского от ворожеб и кудес... укрочение воинству... будут доходить велможи твои любви твоей царския со вражими и с кудесы и с прелестными путми...».

«Укрощенный царь», — снова и снова повторяет автор, — «напустит и на все царство свое неутолимые беды великия от велмож своих...»

«От богатых мудрость воинская не почитается николи же. Хотя и богатырь обогатеет, и он обленивает: богатый любит упокой». Через несколько страниц эта же мысль повторена дословно: «Всегда богатыя о войне не мыслят, а молят о упокое: «хотя и богатырь обогатеет, и он обленивает». «Доступить» царя челобитчик тоже не может из-за «велмож», которые не доносили его челобитные царю. Чем кончается такое отношение к челобитчикам, рассказано позднее: «И управы во царстве Константинове

не было никому от вельмож Константиновых», которые «жалобников ко царю не припущали».

С таким же упорством повторяет и варьирует автор другую тему: о греках, которые «ленились» защищать собственное царство, а теперь «хвалятся» русским царем; о создании богатства «нечистым собранием»; о пользе щедрости царя к воинникам, о ложном крестоцеловании, о «правде», которая сильнее всего, без которой и веры нет, о Магмете-салтане — «разбойничьего рода», о «лукавых» судьях, о «нечистой купле», о необходимости похода на Казань.

По существу, то же самое, что подчеркнул Д.С.Лихачев о следах устного мышления в произведениях Грозного, И.И.Полосин указал в качестве отчетливо выраженного признака творческой манеры автора Большой челобитной: «В тексте челобитной сохранился замечательный след... мысли острой, нетерпеливой, мало заботившейся о внешнем строе речи: рука и язык не поспевали за мыслью».

Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами... или зрительно наглядными картинками. Монаха, принявшего власть, он сравнивает с мертвецом, посаженным на коня...

Именно такова же по своей изобразительной силе и речь автора Большой челобитной.

Разоблачая «дьявольское» лукавство греческих вельмож, он так описывает их преступные козни: «...мертвых из гробов новопогребенных выгребали да те гробы тощи загребали: да того мертвого человека, рогатиною изколовши, или саблею изсекши, да кровию измажут, да богатого человека в дом подкинут, да истца ему ябедника поставят...».

Алчных вельмож, добывающихся для себя кормлений, он сравнивает с голодными псами. Напом-

ним, что «собака», «пес», «собацкое собрание», «собацкий обычай» — часто употреблявшиеся царем ругательства.

Обстановку, которую вельможи создали в царстве царя Константина, автор Большой челобитной описывает так: «Именем было царским не мочно прожити никому, ни главы из дому выклонити, ни версты переехать от обиды велмож его...».

Весьма зрима картина казни «просудившихся» судей в царстве Магмета-салтана: «Возведет его высоко да пхнет его взашей надол...».

Д.С.Лихачев указывает и на такие типичные для писаний Грозного черты, как «чередование церковнославянского языка и разговорного просторечия», пользование поговорками. Именно этими самыми чертами отличается и речь автора Большой челобитной. Он наделяет своих героев простыми разговорными оборотами вроде — «землица... под пазухою», «службишко мое...», «и яз... без приказу и по ся мест живу...». Здесь же рифмованные пословицы и поговорки — «Воинника держати, как сокола кредити и всегда ему сердце веселити, и ни в чем на него кручины не напустити...». Или: «...щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает...».

То вдруг его герой заговорит языком народных сказов: «...оне мир от царя отбивали и жалобников ко царю не припущали... то они не мир от царя отбивали и не жалобников, отбивали они от царя божие милосердие, да и отбили».

Грозный всегда смело сопоставляет библейские лица и события с современными ему. Этот же прием мы видим и в Большой челобитной. Дважды обращается здесь автор к образу Адама. Один раз он приводится в пример, как исполнивший заповедь бога — трудиться «в поте лица». В другом случае

он нарушил божью заповедь — дал дьяволу на себя запись «в работу», от чего его Бог спас, изодрав его кабалу. Автор ссылается также и на библейский рассказ о том, как Бог «морем потопил» египетского фараона и вельмож его за то, что они поработили израильтян. Тут же он напоминает, что «израильтяне умножились и угордели, и бога забыли и погинули в неволю и в разсеяние...».

Нельзя не увидеть в неоднократных ссылках автора Большой челобитной на библейские рассказы о судьбе Израиля прямую, порой дословную переключку с многочисленными ссылками на эти же рассказы в произведениях Грозного. И, в частности, объяснение: что погибли израильтяне от «гордости» («угордели»), содержится в его первом Послании Курбскому.

К числу излюбленных приемов Грозного-спорщика следует причислить постоянные иронические вопросы. Он постоянно прерывает свою речь вопросами, останавливает себя.

Тот же самый прием, прием излюбленный, поскольку он не раз повторяется, видим мы и в Большой челобитной. Три раза, притом в явно шутливо-ироническом тоне, обращается простой воинник-челобитчик к царю с вопросом: «Как тебе государю полюбится службишко мое, холопа твоего»? Этот кокетливый вопрос — положительный на него ответ для вопрошающего несомненен — произведение и заканчивает.

В Большой челобитной есть такое обращение к царю: «И будет тебе государь не полюбится службишко мое и речи, что вывезл из ыных земель: Беррегчи веры христианския и умножити, неверных в веру приводити, и славу божию возвышати, и правду

во царство свое вводити, и богу сердечную радость воздавати, — и ты, государь, те книжки обе вели отдати мне назад».

Мысль о том, что некий «воинник» и в самом деле позволил себе высказаться таким образом в официальном документе, поданном царю, представляется мне совершенно фантастической. По существу, царю предъявлен здесь ультиматум: либо признан предлагаемую в моих «книжках», якобы вывезенных от заграничных мудрецов, программу царствования, либо распишись в том, что не желаешь беречь христианскую веру, возвышать славу Божию, вводить в своем царстве «правду» и воздавать Богу сердечную радость... — и тогда книжки верни.

Вспомним вопрос, который И.И.Полосин поставил в свое время: «Кто... осмелился бы подать царю Ивану Грозному такую, так сказать, «челобитную»?

У нас есть все основания присоединиться к оценке И.И.Полосиным этого памятника: «Большая челобитная Пересветова только по недоразумению может называться челобитной».

Вполне очевидно, что автор рассматриваемого сочинения использовал форму челобитной для того, чтобы изложить свои взгляды по важнейшим вопросам политической программы своего правительства. В самом этом факте — в написании своего сочинения от лица верного холопа своего, простого воинника, — так же узнается характерная для царя Ивана литературная манера.

Изучая Грозного как писателя, Д.С.Лихачев неоднократно указывает на то, что Грозный был не только талантливым... искренним актером, но и своеобразным мистификатором... «в сочинениях Грозного

мы встречаемся с замечательной способностью его к художественному перевоплощению, к умению менять стиль изложения, подделяваясь под избранную им позицию (униженного челобитчика, смиренного черноризца, обиженного царя), принимать обличье вымышленного автора — Парфения Уродивого — или писать письма от имени бояр».

Об этом же писал и С.О.Шмидт: «Иван Грозный отличался редким чутьем языка, и литературный стиль его и словарь во многом зависели от адресата и характера составляемого послания... Знаток приказного делопроизводства, Грозный великолепно умел подражать формам различных документов, восприняв элементы художественности, имевшиеся в деловой письменности».

До настоящего времени все эти наблюдения оставались как бы «на одной полке», в то время как исследования Большой челобитной сохранялись на другой. Признание ее автором Пересветова мешало разглядеть в ней именно тот самый особый «почерк», которым обладал Грозный, его талант к перевоплощению в своего героя и к стилизации под различные формы деловой письменности.

Археографический анализ большинства публицистических произведений, приписываемых некоторыми учеными Пересветову, и анализ их содержания не подтверждают гипотезу о реально существовавшем Пересветове, как об их авторе и как о составителе из них собрания сочинений. Выясняется также, что Пересветову не остается места и в качестве автора Большой челобитной. Оно занято другим лицом, Иваном IV. Занято вполне основательно и, надо полагать, прочно.

Господствовавшее до сих пор в литературе убеждение о том, будто Сказание о Магмете-салтане и Большая челобитная — произведения одного автора, притом поданные царю почти одновременно, снимало вопрос о многочисленных и весьма серьезных различиях этих произведений между собой по содержанию. Оно мешало разглядеть ту полемику, которую вели между собой их авторы, и понять ее сущность.

Сказание о Магмете-салтане по всему своему строю и духу — осторожное, можно сказать, «первичное» предложение реформ. Все в русском государстве хорошо — греки «ныне» хвалятся «государевым царством русского царя». В русском царстве живет «великая божия милость». Пожелание о введении нового, передового, по мнению автора, порядка управления выражено в условном наклонении — эх, если бы к той истинной вере христианской да правда турецкая — «ино бы с ними аггели беседовали».

Как видим, известный прием изображения недостатков социального строя в виде конфликта между прекрасным и еще лучшим применялся уже в те времена.

В Сказании о Магмете-салтане все устремлено в будущее, здесь еще нет следов практического осуществления предложенных порядков.

Большая челобитная написана в совершенно ином ключе. Сам факт, что возникла потребность написать на основе Сказания о Магмете-салтане другое, новое произведение, говорит о многом. Смысл предпринятой работы состоял в том, чтобы перевести иносказание в прямую речь о насущных социально-политических задачах русской монархии.

Условно-сослагательное наклонение — эх, «есть ли бы» сменилось в Большой челобитной уверенными безапелляционными утверждениями, что русский царь Иван Васильевич осуществит все то хорошее и нужное, что ему предрекают:

«Ино так пишут о тебе, благоверном царе: ты — государь грозный и мудрый, на покаяние преведешь грешных и правду во царстве своем введешь и богу сердечну радость воздашь». Или:

«Знаменуется в мудрых книгах... о благоверном царе русском и великом князе Иване Васильевиче... что будет у него в его царстве таковая великая мудрость и правда... от его мудрости от бога прирожденная».

«...Мудрые философы... молвили, ...что быти тебе царю великому, покорит бог недруги твои тебе, царю... что обладати тебе, государю, многие царства».

Одно за другим следуют в Большой челобитной уверенные заявления: «А мочно ему таковому сильному царю, то все учинити».

Другой автор, другая рука.

Поскольку о взятии Казани говорится как о деле предстоящем, верхней крайней датой написания Большой челобитной, как и полагают многие исследователи, является канун последнего большого похода на Казань — весна 1552 года. Но датировку ее написания можно и уточнить.

В Большой челобитной подверглись серьезному изменению, в значительной своей части просто опущены, содержащиеся в Сказании о Магмете-салтане многочисленные программные высказывания по вопросам судебной реформы. В ней, вполне естественно, не повторяются рассказы о турецких обычаях принесения судебной присяги, когда стрела самострела

направлена на горло и на сердце присягающего, или когда он произносит клятву, положив горло на лезвие меча... Эти личные наблюдения или, вернее, впечатления от услышанного автором Сказания в Турции, в структуре его произведения служат приданию ему турецкого колорита. Нельзя согласиться с А.А.Зиминим, сделавшим на основании именно этих рассказов о турецких обычаях такое заключение: «О формах судопроизводства, которыми должно осуществляться феодальное правосудие, у Пересветова довольно необычные представления. Суд должен сводиться к присяге (крестному целованию) и к полю*, весьма своеобразно понимаемому публицистом».

Но, во-первых, «своеобразность» подобного понимания правосудия относится не к автору Сказания, а к описанным им турецким обычаям. Во-вторых, правосудие в Сказании вовсе не «сводится» к судебному поединку той или иной формы. И, наконец, в-третьих, «Пересветов», о котором говорит А.А.Зимин, явно «распадается» в данном случае надвое: в Большой челобитной никаких следов описанных в Сказании действительно своеобразных форм судебных поединков — «жребия» и «поля» — уже нет. Одна из причин этого, видимо, та, что вопросы судебного поединка — русского поля — были подробно разработаны в статьях нового Судебника, утвержденного в 1550 году.

Автор Сказания пересказывал также бытовавшие в Турции легенды о расправах султана с «неправедными» судьями. В Большой челобитной Магмету-салтану приписан совершенно новый вариант на-

* То есть к поединку.

казания дурного судьи, не имеющий ни мифологических, ни, тем более, исторических корней. Перед нами очевидный плод художественной фантазии автора:

«А просудится судья, ино им пишется таковая смерть по уставу Магметову — возведет его высоко да пхнет его взашей надол да речет тако: не умел еси в доброй славе быти, и верно государю служитьи».

Здесь явный «автограф» Ивана Грозного — яркие признаки устного мышления, картинная изобразительность описываемого.

В Большой челобитной опущены все те конкретные предложения судебных реформ, которые были уже реализованы в Судебнике 1550 года. Опущено, например, то место из Сказания о Магмете, где говорилось, что у Магмета-салтана «и по городом... десятския установлены и сотники и тысящники на лихия люди, на тати и на ябедники, тут их и казнят смертною казнию».

Автор Большой челобитной, в отличие от автора Сказания, допускает сохранение системы наместничьего управления. Он говорит лишь об ограничении доходов наместников доходными списками, то есть нормами доходов, установленными государством. Это также соответствует тому практическому решению, которое получил вопрос о наместничестве в Судебнике. Институт наместников был сохранен, однако их доходы были регламентированы в целом ряде статей Судебника.

В Сказании рассказывается о том, как Магмет-салтан устроил сбор доходов в казну со всей страны «по всяк час», с помощью специальных «зборщиков», получивших жалование, достаточное для того, чтобы они «не искушались» собирать не «по приказу». Осуществить это предложение в русской практике

тех лет не удалось. Сохранились и кормления и всевозможные поборы наместников, их тиунов и волостелей. Соответственно, в Большой челобитной описание прогрессивной системы сбора доходов, изложенной в Сказании, не повторено. Автор ограничился критикой Византии, где мытари брали «на царя... 10 рублей... а на себя 100 рублей» и делились своим доходом с вельможами. Критика эта метила опять-таки в боярское правление прошлых лет.

По понятной причине выпал из Большой челобитной рассказ о том, что Магмет-салтан «и пашам своим и велможам противу недруга всякого велел в челе ставитися в первых полках для того, чтобы люто ставилися противу недруга, и младые бы люди не ужасалися... и на них бы смотрячи, люты к недругом были». Вопрос об упорядочении назначений воевод по полкам и об их обязанностях уже был решен указами о местничестве 1549 и 1550 годов.

К сожалению, полный текст указов до нас не дошел. Тем интереснее текст Сказания, в котором будущий реформатор и один из составителей указов 1549 и 1550 годов изложил свое понимание обязанностей воевод. Вполне вероятно, что оно нашло отражение в названных указах.

Вершиной социальной программы Адашева, изложенной в Сказании, было осуждение всех видов кабального холопства, требование его ликвидации, выраженное в предельно решительной форме.

Эти взгляды автора Сказания, то есть А.Ф.Адашева, разделял и Сильвестр.

Провести полную ликвидацию холопства Адашеву и Сильвестру, как известно, не удалось. Быть может, более всего в сохранении института холопства было заинтересовано служилое дворянство, получавшее за службу землю, которую надо было обрабаты-

вать. Судебник 1550 года ограничился запрещением записи в работу одних лишь «воинников» — служилых людей, реально несущих воинскую службу.

Автор Большой челобитной, соответственно, не стал повторять рассказ о том, как Магмет-салтан «велел... книги полные и докладные... огнем пожещи». Сохранив рассказ Сказания о том, как Бог потопил морем фараона и его вельмож за то, что они поработили израильтян, автор Большой челобитной и здесь пустился в критику вельмож царя Константина, — сиречь русских боярских правителей, подменив прямой призыв к ликвидации холопства общими рассуждениями о порабощении вельможами «всего царства» и о творимых ими «обидах». С помощью примера об Адаме, которого дьявол искусил записаться «в работу», царь свел проблему социальную к сугубо нравственной. Он одинаково осуждает и тех, кто записывает в работу «во веки», и тех, кто на это «прелщаются для светлыя ризы», то есть ради роскоши.

Институт холопства подтвержден новым Судебником, и на службу в царское войско, вместе со своими господами, приходило множество холопов. Соответственно из Большой челобитной полностью исключена тема, столь энергично разработанная в Сказании, — рассуждения о том, что холопы — «не боецы», что порабощенный человек — плохой воин и что даже богатырь, если он не свободен, будет плохо биться с врагом, так как от победы ему «имени не прибудет».

Вопрос о «воинниках» вообще претерпел в Большой челобитной разительные изменения по сравнению со Сказанием.

Бросается в глаза, что автор Большой челобитной не разделяет того «демократизма» в отношении всей служилой массы, который при каждом удобном слу-

чае подчеркивает автор Сказания. Позиция последнего весьма ясна. На одной стороне — враги всякой «правды», губители государства «велможи», на другой — опора царя, источник силы и мощи страны — «воинники», «кто ни буди».

Автор Сказания написал: «Ино у царя кто против недруга крепко стоит... и царю верно служит, хотя и меншаго колена, и он его на величество подъямает и имя ему велико дает». Идея, утверждающая возвышение не по роду, а по заслугам, весьма характерна для Адашева, который и сам выдвигался не родовитостью, а собственным талантом. Он обосновывает ее примерами из практики турецкого султана «нынешнего», у которого бывшие «полоняники» — Орнаут-паша и Короман-паша за свою верность и полководческие способности возведены на высшие командные посты.

Автор Большой челобитной охотно повторяет призывы к служилым людям «люто против недруга смертною игрою» играть. Он за то, чтобы наиболее отличившимся в бою воинникам «имена возвышати» и щедро их вознаграждать. Однако он весьма далек от признания равных возможностей за каждым «кто ни буди», от признания личных достоинств главным основанием для выдвижения служилого человека на высокие государственные посты. Он не пожелал повторить в этой связи тезис: «А ведома нет, какова они отца дети». Не захотел он повторить и похвалу Магмету-салтану за то, что тот «на величество подъямает и имя... велико дает» тому, кто «хотя и меншаго колена», но против недруга крепко стоит. Он опустил и примеры о возвышении турецким султаном бывших «полоняников» до высших военных постов.

Он допускает, что «к любви царской» можно до-

ходить «по мудрости». Но этот путь к царской «любви» назван у него последним. В первую очередь до нее «доходят» все-таки «по роду» и «по вотчине».

Вспомним, что и самого челобитчика, от имени которого написана Большая челобитная, — Ивана Пересветова — царь сильно повысил и в родовитости и в достоянии по сравнению с тем простым и бедным воином, подлинною челобитной которого он воспользовался. Его Пересветов не безродный служилый человек, а потомок Пересвета, то есть представитель рода (как мы видели, придуманного), который полтора века служит русским государям. При этом его «Пересветов» не бос, и не «наг», и «не пеш», как тот поиздержавшийся служилый человек, а «гораздо пожалован» и на нужду не жалуется.

Словом, линия уважения к «роду» и к «вотчине» в Большой челобитной прочерчена весьма четко и без единого от нее отклонения.

Откорректировав таким образом «демократические» увлечения автора Сказания, царь вместе с тем усиливает мотивы задабривания служилой массы, демагогического заискивания перед ней.

Здесь нет никакого противоречия, поскольку и восхваление храбрости воинов, и слова о царской щедрости к ним не выходят за пределы отеческого обращения высшего к низшим, обращения царя-батюшки к тогдашним служилым «браво-ребятушкам». Именно в такой нарочито опрощенной разговорной тональности обращается царь в Большой челобитной к воинникам. Это наводит на мысль, что Большая челобитная и родилась в то самое время, когда обращение к ним с такого рода призывами и обещаниями приобрело особую остроту, а именно накануне похода на Казань весной 1552 года. Известно, что накануне и во время похода царь вынуж-

ден был не раз обращаться к служилым людям с призывами, увещеваниями и обещаниями, поскольку те выражали явное недовольство своим положением, а порой и нежелание идти в поход.

1 или 2 июля в царской ставке в Коломне царю били челом служилые люди, которые объявили «нужи свои и недостатки». «Государю же о сем не мала скорбь, но велия бысть, еже так неудобно вещают!»

С.О.Шмидт полагает, что царь обратился к служилым людям с речью, так как летописец передает их ответ: «Готови с государем, а он государь наш промысленник...».

В августе, под Свяжском, царь снова обратился к войскам с «многими жаловальными словесы».

Летописи не сохранили текстов этих обращений. Вполне возможно, что в строках Большой челобитной о том, как царю «годится» «держати» своего воинника, звучит живой голос царя Ивана, который с теми же или с подобными словами, по выражению летописи — «умилно» обратился к своим слушателям, отправлявшимся в поход на Казань, обещая «и сердца им веселити, и жалования им из казны своея государевы прибавливати, и иным воинникам сердца возвращати (то есть прощать их вины. — Д.А.), и к себе их близко припущати, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любити, аки отцу детей своих, и быти до них щедрю. Щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает: что государю щедрость к воинником, то его и мудрость».

С.О.Шмидт напоминает, что царь для прекращения «многонародных гласов» обещал: тех, кто пойдет с ним на Казань, «жаловати и под Казанью перекормити», то есть наделить поместьями на вновь завоеванной земле. В этом контексте живой и очень

характерной для царя Ивана речью, обращенной к войску, собранному для похода на Казань, звучат и эти слова Большой челобитной: «Да слышал еси про ту землю, про Казанское царство, у многих воинов, которые в том царстве в Казанском бывали, что про нее говорят, применяют ее подрайской земли угодием великим. Да тому велми дивуемся, что таковая земля не велика, велми угодна, у такова великаго у силнаго царя под пазухой, а в недружбе... хотя бы таковая земля и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие».

В Сказании о Магмете-салтане звучит жестокая угроза турецкого царя воинникам: «А кои не хочет честно умерети на игре смертной с недругом моим за мое государство... ин здесь умрет же от моей государевой опалы, да нечестно ему будет и детем его, кои воинник с отпяткою биется».

Через несколько страниц автор Сказания счел нужным повторить эту угрозу еще раз:

«Царь говорит и жалованием своим жалует и грозою всею: «Кто не хочет умерети доброю смертию, играючи с недругом смертною игрою, ино он умрет от моей же опалы царския смертною казнию, да нечестно ему будет и детем его».

Из Большой челобитной этот мотив исключен. Ее автору, безусловно, согласному с грозным предупреждением трусам и «бегунам» с поля боя, момент для угроз и запугивания показался неподходящим.

Исключил он и еще одну угрозу в адрес воинов, содержащуюся в Сказании, — предупреждение против «татьбы и разбою и игры и костарства и пианства в полках». В Сказании восхваляется такой режим в войске, при котором вместе с «лихими» людьми, для коих «обыск царев живет накрепко»,

казнят смертною казнью и начальников, что их покروют. Даже об этом автор Большой челобитной предпочел не говорить применительно именно к служилым людям. Все это также наводит на мысль о том, что Большая челобитная близка по времени ее написания к событиям, предшествующим походу на Казань.

Обратим внимание на изображение в Большой челобитной самого государя Ивана Васильевича. Если в Сказании Адашева в центре повествования было другое лицо — Магмет-салтан, а русский царь лишь упоминался в конце, то в Большой челобитной царь Иван Васильевич — главный герой. Большая челобитная является произведением, открывшим большой список сочинений, посвященных апологии самодержавия царя Ивана IV. Еще не написаны соответствующие страницы Летописца начала царства, не сделаны приписки к Царственной книге, еще далеко до Послания Курбскому, до создания Казанской истории и Степенной книги и даже до предсмертных строк опального Адашева, продолжавшего в опале и ссылке восхвалять своего государя.

Большая челобитная открыла этот поток восхвалений и самовосхвалений, дала ему направление, предопределила ряд положений, которые найдут свое развитие в огромной работе по идеологическому обоснованию «российского самодержавства», проделанной в эпоху Грозного.

В Большой челобитной едва ли не впервые было сформулировано понятие — «царь-отец», прошедшее затем через всю историю царизма. Царистски настроенные массы в течение веков воспринимали эти слова в их прямом смысле, веря в отеческую любовь к ним царя-батюшки. У Пушкина это словосочета-

ние окрашивается иронией, поскольку обращено к комическому и несправедливому царю Додону.

«Царь ты наш! Отец народа! — возглашает воевода...»*.

Царь Иван не пожелал взять в пример обычай Магмета-салтана, который «в поту чела своего уживал, и ничего же из казны своея царския во уста своя не положил: что сам зделает, да пошлет продать, да на то себе велит ясти купити. А рек тако: «исполняю заповедь божию. Господь приказал отцу нашему Адаму первому пота чела своего уживати».

Царь переделал этот текст. Призыв питаться плодами своего труда он переадресовал подданным. В Большой челобитной Магмет-салтан говорит им: «...держитесь заповеди божия, уживайте лица своего поту. Аки отцу нашему первому бог приказал Адаму...»

Царь охотно усваивает тезис о необходимости и полезности царской грозы. Однако, если Адашев и Сильвестр видели в ней инструмент для обуздания

* Пушкин А.С. Сказка о Золотом петушке // Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 3: Поэмы. Сказки. М.: Художественная литература, 1975. С. 326. — Воспользуюсь случаем, чтобы заметить следующее.

Если словосочетание «царь-отец» Пушкин мог взять, как говорится, «из воздуха», в его время оно было общеупотребительным, то словосочетание «царь Салтан» восходит, вероятнее всего, непосредственно к «сказке» о царе-салтане XVI в. — к Сказанию о Магмете-салтане, которое Пушкин знал, так как читал русский хронограф, а возможно, и к Большой челобитной Пересветова, которую он знал из «Истории...» Н.М.Карамзина. Интересно, что в народной сказке, записанной Пушкиным и послужившей основой для создания им своей сказки, фигурирует «царь-Султан», Султан Султанович (см.: Там же. С. 425–426). В дипломатических документах, летописях и в древней Повести о двух посольствах «турский царь» назван не салтан, а султан. Таким образом — «Царь-Салтан» Адашева — единственный предшественник царя Салтана пушкинской сказки.

бояр (аристократии) в интересах дворян, и всех «кто ни буди», царь понимает свою «грозу» как инструмент для обуздания вообще всех «кто ни буди».

«По уставу Магметову с великою грозою мудрою нынешние цари живут; а виноватому смерти розписаны; а нашедши виноватого, не пощадиши лутшаго, а казнят их по делу их; да рекут тако: «И от бога написано, комуждо по делом его».

Несмотря на различие в постановке вопроса, нельзя все же не увидеть того, что советники и воспитатели царя — Сильвестр и, в особенности, Адашев объективно внесли немалый вклад в обоснование будущего опричного террора.

Многokrратно повторенные в Сказании о Магмете-салтане призывы к государю быть грозным, казнить и жечь провинившихся подданных были усвоены и подхвачены автором Большой челобитной, а затем и претворены им в жизнь. Слова Д.С.Лихачева: «Никогда еще литература не играла такой огромной роли в формировании действительности, как в XVI веке», — справедливы и в этой связи.

Исключительный интерес, на мой взгляд, представляет различная ориентация авторов Сказания о Магмете-салтане и Большой челобитной в вопросе о том, где, в чьем опыте искать государственную «мудрость». Адашев берет пример для подражания на Востоке, в системе правления турецкого образца. «Латинския веры дохтуры» фигурируют у него лишь в конце Сказания о Магмете-салтане в качестве статистов. Но и они видят идеальное решение проблем русского государства в том, чтобы к христианской вере прибавить «правду турскую».

Автор Большой челобитной — царь Иван — смотрит на Запад. Из западных стран привез мудрые «книжки» латинских философов и «дохтуров» его

герой — Иванец Пересветов. «Мудрые речи» произносит западнославянский господарь — воевода Петр. В его уста перекладывает царь почти все те «мудрые речи», которые у Адашева произносит турок — Магмет-салтан.

Даже сохранившиеся в Большой челобитной упоминания о правде, введенной в своей стране Магметом-салтаном, вложены в уста воеводы Петра. Как бы ни был «мудр» Магмет-салтан, царь Иван не мог допустить, чтобы тот выглядел чуть ли не выше русского царя по своим достоинствам. Поэтому царь, как мы уже знаем, решительно сбрасывает Магмета-салтана «надол» с той «горы», на которую его возвел Адашев. Не раз подчеркивает он, что «Магмет-салтан турской царь» — «от нискаго колена», «разбойнический род».

Такую оценку Сильвестру дал царь Иван, когда решительно порвал со всеми бывшими соратниками-реформаторами, деятельность которых столь же решительно поддерживал в начале своего царствования. Задним числом он охарактеризовал эту деятельность как зло, как исток всех последующих бед — крамол, мятежей, измен и прочих напастей, случившихся в государстве. Слова — «всему злу соединитель» — ясно указывают на то, что именно Сильвестра царь считал вдохновителем и организатором тех «злобесных» сил, которые будто бы лишили его тогда власти, оставив ему лишь «честь председания», а сами — «поп-невежа» и «собака Алексей» «государились, как хотели».

К этой мысли царь будет возвращаться в своих сочинениях неоднократно, в частности, в своих посланиях Курбскому. При всей тенденциозности этих постоянных филиппик царя против своих бывших советников, его убеждение в том, что именно Сильвестр был первым, кто предложил ту самую модель государственного устройства, которую старались внедрить в жизнь реформаторы первых лет его царствования, — находит беспспорное подтверждение.

Еще за два года до того, как «Пересветов» будто бы «доступил» царя в церкви и передал ему свои

«книжки» и челобитные, свое послание царю передал Сильвестр. Именно тогда, в 1547 году, в тяжкие для царя дни московского восстания, Сильвестр был назначен митрополитом Макарием царским духовником. В его задачи входило наставлять юношу в духе «истинной веры» и, соответственно, в его мирской жизни в качестве царя-помазанника божьего.

Послание Сильвестра царю, как мы увидим, содержит едва ли не большую часть тех самых идей, которыми позднее наполнилась Большая челобитная, где они изложены с текстуальной близостью к соответствующим местам послания Сильвестра.

Заметим сразу же как само собой разумеющееся: обнищавший на царской службе дворянин — «выездей» из Литвы Ивашка Пересветов, если бы он в действительности существовал, — ни при каких обстоятельствах не смог бы и не посмел выписывать в свою челобитную и выдавать за свои — мысли царского духовника, стоявшего к тому же во главе правительства. Тем более, что царь это послание Сильвестра уже читал. Такого не могло произойти еще и потому, что послание Сильвестра царю носило сугубо конфиденциальный характер. Оно сурово предупреждало царя против дурных советников, пугало его различными карами, которые обрушит на него Бог в случае недостойного поведения... Послание, естественно, не подлежало распространению. Оно и заканчивалось просьбой Сильвестра — держать его в тайне. Надо полагать, юный царь был единственным читателем этого послания. Другое дело, сам Сильвестр, вероятно, делился мыслями, изложенными в послании, со своим другом и единомышленником Алексеем Адашевым.

Учитывая сказанное, мы теперь можем заключить, что выяснили все три основных источника и три

составные части так называемой Большой челобитной: Послание Сильвестра царю, Сказание Адашева о Магмете-салтане, подлинная челобитная дворянина — делателя боевых щитов, имя которого нам предстоит выяснить несколько ниже.

Налицо типичная для Ивана Грозного манера написания своих произведений (не знающая ни единого исключения): использовать в них сочинения других авторов, включать обширные цитаты из авторитетных или полезных, на его взгляд, сочинений.

И, наконец, еще одно соображение, которое окончательно обрушивает гипотезу (легенду) о Пересветове.

В своем послании царю Сильвестр пересказывает и местами цитирует источник, появившийся задолго до того, как появился на свет и «Пересветов», и сам Сильвестр, и все прочие деятели XVI в. Источник этот никак не мог быть «вывезен» Пересветовым или кем-либо иным из чужих земель — ни из Турции, ни от Петра Волоского. Духовник царя Ивана Васильевича Сильвестр опирается в своих рассуждениях, изложенных в послании царю, на послание своего старшего коллеги — духовника деда Ивана Грозного — Ивана III — архиепископа Вассиана, написанное в 1480 году. Через послание Сильвестра мысли Вассиана порой дословно перекочевали в Большую челобитную. Мы видим, таким образом, прямой и ясный путь этих текстов: Вассиан, Сильвестр, Иван IV в качестве адресата, читателя и пользователя их. Где тут место для какого-то странствующего воина, делателя щитов? Предположение — будто таковой дворянин взял у царя текст послания Сильвестра царю и от своего имени вернул царю — не может рассматриваться всерьез, так как является абсурдным.

Приходится признать, что ученые, выдвинувшие гипотезу о том, что автором Большой челобитной

является некий реальный дворянин Ивашка Пересветов, не обратили внимания на соотношение, как по содержанию, так и по времени появления этих двух сочинений — Послания Сильвестра царю и Большой челобитной. Только при этом условии эта гипотеза могла вообще появиться на свет.

Рассмотрим теперь по существу, что именно написал раньше других авторов так называемого Пересветовского цикла в своем послании царю 1547 года, а затем многократно повторял в своих более поздних выступлениях «всему злу соединитель» Сильвестр.

Напомним кратко об источнике, на который Сильвестр опирался в своем послании.

В 1480 году Московский великий князь Иван III оказался в тяжелом положении. На Русь надвинулись полчища хана Ахмата, вознамерившегося повторить Батыев поход. Иван III, под влиянием «дурных советников» — «сребролюбец богатых и брюхатых, и предателей христьянских, а норовников бесерменьских», а также великой княгини «римлянки» Софии, — был готов к тому, чтобы уклониться от битвы с татарами и бежать из Москвы. Эти намерения князя вызвали решительный отпор патриотических сил, в первую очередь простого московского люда. Толпа посадских людей, стаскивавших «в град, в осаду» свои пожитки, увидев великого князя Ивана III, покинувшего войско на Угре и явившегося в Москву, приступила к нему с требованием защитить их от нашествия татар. С этим же требованием к Ивану III, прибывшему в Кремль, обратились митрополит Геронтий и духовный отец великого князя владыка ростовский Вассиан. Последний «нача зле глаголати князю великому, бегуном его называя... и много сице глаголаше ему, а граждане роптаха на великого князя. Того ради князь велики не

обитав во граде на своем дворе, бояся граждан мысли злыя понимания, того ради обитѣ в Красном селце».

Как видим, описанная здесь обстановка во многом «роднит» обстоятельства того времени с событиями 1547 года.

И тут, и там дурные советники. И тут, и там всколебались посадские люди. И тут, и там убоявшийся своих подданных великий князь бежит из Москвы в подмосковное село. Так же, как и тогда, к великому князю с посланием обращается представитель церкви. Притом не митрополит, а духовник великого князя. Епископ ростовский Вассиан не ограничился тогда резким устным выступлением в Кремле и направил ставшее знаменитым Послание владычне на Угру к великому князю.

Именно это — резкое и смелое послание духовного отца — Вассиана своему духовному сыну — великому князю Ивану III, написанное в драматической обстановке, во многом напоминавшей обстановку 1547 года, — взял за образец и держал перед собой автор Послания царю Ивану Васильевичу.

Главное, что сближает эти послания, — общий подход к назначению власти государя, решительное утверждение мысли о том, что самодержавие несовместимо с произволом. Несоблюдение государем тех обязанностей, которые накладывает на него положение верховного властителя, чревато для него тяжкими последствиями и в земной, и в загробной жизни.

Оба автора исходят из понимания, что власть государя — это инструмент, действия которого зависят от того, в чьих руках этот инструмент находится. Поэтому в обоих посланиях с особой остротой и стоит вопрос о советниках государя.

В послании Вассиана, написанном с конкретной целью — подвигнуть великого князя на отпор на-

шествию Ахмата, — дурные советники это те, кто в столь опасный для государства момент отговаривают Ивана исполнить свой долг и дать бой орде.

«Прииди же убо в слухи наша, — пишет Вассиан, — яко прежнии твои развратници не престають шепчущи в ухо твое льстивая слова и совещают ти не противитися супостатам... О боголюбивый и вседержавный царю! — восклицает автор послания — ...молюся твоей державе, не послушай такового совета их... и таки самому господу глаголющу: аще око твое соблазняет тя, исткни е, или рука или нога, отсеци ю повелевает. Не сию же разумевай и чувственную свою руку, или ногу, или око, но ближних твоих, иже советующих ти не на благое; отверзи и далече отгони, сиречь отсеци и не послушай совета их».

Тема послания Сильвестра значительно шире. Речь в нем идет не о единичном факте, каким, при всей его значительности, был приход Ахмата. В данном случае — страшные события: небывалый пожар и мятеж — были уже позади. Их можно было истолковать как наказание божие за прежние грехи. Но из этих фактов нужно было делать выводы. Послание Сильвестра и содержит наставления, касающиеся характера правления молодого царя на будущее. В его послании «дурные советники» — источник беззакония, которое следует искоренить. В данном случае «дурные советники» — это окружавшие молодого царя до сих пор «синклиты», представители боярских группировок, вызвавшие пожары и мятежи 1547 года.

В послании Сильвестра так же, как в послании Вассиана, вернее, с еще большей настойчивостью звучит требование отвергнуть, отогнать, отсечь дурных советников.

«И тебе, Великому Государю, которая похвала в

таковых чюжих мерзостях? В гнилых советах неразумных людей, раб своих?..» — вопрошает Сильвестр царя. При этом, как видно из контекста, под «рабами» государя имеются в виду «...государьские люди, бояре и воеводы ратные» и «избные люди», то есть сидящие по приказным избам чиновники.

Царь должен расстаться с прежними советниками — «богатыми» и «брюхатыми» вельможами, думающими лишь о своей наживе, «истязующими» в свою пользу бесконечные дани с «простых» и «нищих» людей, к тому же развратными, впавшими в «безудие», в «свинское житие...» — настаивает Сильвестр.

«Проблема советников в то время являлась одной из самых острых политических проблем, непосредственно связанных с проблемой власти, с борьбой за власть», — писал И.И.Смирнов.

Добавим к этому справедливому заключению, что проблема советников оставалась главным вопросом в борьбе за власть также и во все последующие годы царствования первого царя.

При новом политическом строе — торжественно провозглашенном царском единодержавии — от характера и от состава советников царя практически зависел характер политики и социальной программы государства.

Борьба за утверждение той или иной группы советников была борьбой не только за характер и сущность правительственной политики на том или ином отрезке времени, но и борьбой за характер и сущность самого государственного устройства на первом этапе становления царского строя, о месте и характере основного представительства во властной структуре. Именно поэтому вопрос о советниках и проходит красной нитью в политической публицистике

эпохи Грозного. Его с особой остротой ставят и сам Грозный, и Адашев, и Курбский. Однако первым из деятелей того времени этот вопрос, как мы видим, поставил Сильвестр.

В его послании как раз и обосновываются те практические шаги, которые были предприняты в тот момент для того, чтобы окружить царя новыми, достойными советниками. Поэтому неудивительно, что один из очевидных мотивов послания царю — стремление его автора вбить как можно более прочный клин между царем и его бывшими советниками. Послание Вассиана Ивану III послужило в этом образцом, как по существу постановки вопроса, так и по форме.

«Помысли убо о великомудрый государю! От каковыя славы в каково бесчестие сводят твое величество», — риторически восклицал Вассиан. Описав затем, какая гибель произойдет «тьмам народа», Вассиан предрекал великому князю, что вся ответственность за последствия пагубных советов его «прежних развратници» падет на него: «Убойжеся и ты, о пастырю! Не от твоих ли рук тех кровь взыщет бог...».

Сильвестр следует именно этой конструкции, во много раз усиливая ее. Риторический вопрос — «и тебе, Государю Великому, которая похвала в таких чюжих неразумных советах...» — повторяется в послании неоднократно, в общей сложности восемь раз.

Таким образом выясняется, что важнейшая идея, пронизывающая сочинения «Пересветова», — Сказание о Магмете-салтане и Большую челобитную — призыв отогнать от царя дурных советников и окружить его мудрым, преданным советом, — была впервые сформулирована Сильвестром в его послании царю 1547 года.

В Послании царю Ивану Васильевичу Сильвестр обрушивает на царя множество всевозможных «стра-

шил». Он напоминает царю «Вселенский потоп и Содомское горение», «Иерусалимское нестроение» и многое другое.

Некоторые из этих «страшил» никак не назовешь «детскими», как окрестил их потом царь Иван Васильевич.

Сильвестр пишет: когда в Константинограде «явися беззаконие Содомское, яко блуд творяще с мужским полы... всем комуждо, обретшимся в таковой вине», царь «многим повели и срамные их уда концы отрезати, а иным повели трости поостривше влагати в срамные уды, во истечение водное... и тако водима, позорующе, и зле умреша».

«Страшили», с помощью которых Сильвестр в своем послании вразумлял царя, не сводятся к карам небесным. Царя, в случае, если он не окажется на уровне своего великого предназначения, ожидают и вполне земные неприятности и несчастья. Может пострадать его государство — сама власть царя, его престиж в иностранных державах и уважение собственных подданных: «...и великому твоему государскому уделу не крепку быти, и тайным твоим речем в поношение быти, и во иных землях обнажатца; понеже ныне стоиши со многими, изымався за руку. И тебе, Государю Великому, которая похвала в таких чюжих неразумных советех...».

Решающий аргумент Сильвестра, доказывающий неотвратимость божьего наказания, состоит в том, что Бог уже наказал Русское государство «грех ради наших», уже навел на него страшные казни.

Господь «посла глад на землю и мор, и всякому богатству и люду земному, скоту и зверем и птицам и рыбам, всему оскудение дарова, и пожары великие и межусобные брани».

Слова эти, прямо говорящие о недавних событи-

ях — о народном восстании 1547 года, — не случайно помещены в конце послания.

Ссылка на потрясение, которое недавно пришлось испытать юному царю и от которого он в момент прочтения послания наверняка еще не оправился, подкрепляла своей жуткой реальностью справедливость других «страшил», описанных в послании выше. И сразу, вслед за напоминанием о постигших страну потрясениях, в качестве главного педагогического вывода из послания, следуют заключительные слова — одновременно обнадеживающие и предостерегающие: «Вся сия законопреступления хочет бог тобою исправить...».

Мысль о том, что самодержец обязан во всем подчиняться Богу и его установлениям, проходит через все послание царю. Эту же мысль Сильвестр будет утверждать и позже в своем послании А.Б.Горбатову-Шуйскому в 1553 году: «Аще убо владатель уставлен еси богом, но и срабен (разрядка моя. — Д.А.) еси, единаго бо Владыку всех точию имеем вси человецы: персть нашего рода един есть праотец».

В одном из сборников собрания Погодина удалось выявить небольшое сказание второй половины XVI в., в котором, по существу, повторяется — притом в выражениях, во многом сходных по стилю с соответствующими местами посланий Сильвестра царю Ивану Васильевичу и особенно с его посланием князю А.Б.Горбатову-Шуйскому, — та же идея о равенстве царя перед Богом и всеми смертными, о том, что он должен подчиняться своим духовным пастырям.

Сказание это до сего времени оставалось неизвестным. Поэтому целесообразно привести его здесь, тем более, что размер его невелик.

«Сказание, повестие, божественных Писаней святых отец. О царех и великих князех. Естеством убо

телесным царь точен всякому человеку. Властию же сана подобен... богу. Не имат бо на земли вышша себе. Подобаает убо яко смертну не возноситься и аки богу не гневаться. Аще бо и образом божиим почтен, но и персти земной приложен есмь. К сему же мните... царь или князь, что избавит вечная муки? Почити убо церковь, яко да почтен будеши от бога! И священник стыдися яко отца духовнаго. Честь бо священническая на бога выходит. Егда князь беспорочен будет всем нравом, то может... и мучити и пращати всех людей со всякою кротостью. А ярости и буести и сладости работая, — то первее будет посмешен людем. Занеже аще и злат венец носит, украшен драгим каменiem, целомудрием же не венчан. Тело бо егда багряницею покрыто, а душа его скверная остане».

Читая этот текст, нельзя избежать впечатления, что перед нами краткое переложение посланий Сильвестра царю и князьям или, лучше сказать, выборка из этих его сочинений на тему о подчинении царя Богу и духовным пастырям.

Идея подчинения самодержавия церкви, как известно, не прекращала своего существования и в более поздние времена, несмотря на то, что царь Иван Грозный не поддался воспитанию в ее духе и повел против притязаний церкви на мирскую власть беспощадную борьбу и словом и делом.

«Или мниши сие быти светлость и благочестие, еже обладатися царству от попа невежи...?» — гневно спросит он Курбского. Далее царь обрушит на своего оппонента несколько страниц примеров из истории библейских народов, Рима и Византии, доказывающих, что попытки церковников руководить мирскими делами всегда вели к гибели государства. «Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити...» «Смотри же убо и разумей, каково

управление составляется в разных началех и властех, и понеже убо тамо быша царие послушные епархом и сигклитом, и в какову погибель приидоша».

В самый разгар опричнины, то есть во время яростного утверждения царем своего единовластия, с позиций названной идеи посмел выступить митрополит Филипп. Царь с помощью опричнины — руками Малюты Скуратова — свирепо расправился с ним. И все же идея подчинения самодержавия церкви надолго пережила своего свирепого врага — первого царя, Ивана Грозного. Она возрождалась в различных вариантах в течение всего XVII в., звучала в проповедях Гермогена, Филарета, Никона. Когда официальная церковь с ней рассталась и окончательно перешла на беспрекословную службу к самодержавию, идея эта была подхвачена религиозной оппозицией. Громко и неистово провозглашал ее протопоп Аввакум. В начале XVIII в., как бы признав свое бессилие в борьбе с властью «царя-антихриста», идея эта подвергла себя самосожжению на раскольничьих кострах. Угли этих костров тлели еще долго. Не раз пытались их раздуть во времена многочисленных бунтов и восстаний угнетенного люда против царского произвола. Однако обращение к этому обветшалому, всегда зовущему назад, а не вперед, знамени только затемняло смысл и подлинные цели этих движений...

В начале царствования Грозного идея подчинения царского государства церковной иерархии казалась ее сторонникам и, прежде всего, митрополиту Макарию перспективной. Церковь стремилась к тому, чтобы самодержавие оказалось по отношению к ней в том положении, в каком позднее она сама оказалась по отношению к самодержавию, а именно: полное фактическое подчинение при полном к себе внешнем почтении.

Иван Грозный в письмах к Курбскому и в приписках к Лицевому своду делает одного лишь Сильвестра мишенью своих обвинений в «злбесном» умысле подчинить мирскую (царскую) власть власти духовной.

Дело в том, что Сильвестр пошел значительно дальше митрополита Макария и всех других своих единомышленников в области церковно-политической идеологии. Он сделал шаг в направлении, таившем для самодержавия куда б_о льшую опасность, чем поползновения церковников на власть сами по себе.

Эти поползновения были лишь одним из слагаемых в многоструйном потоке таких же устремлений со стороны различных политических сил — феодальной аристократии, представителей служилой массы, а также верхушки посада и купечества. Каждая из этих социальных групп стремилась отрезать от «пирога» власти свою долю.

При этом ни одна из них не могла бы добиться своей цели самостоятельно. Титулованные уже не обладали достаточной политической силой. Дворянство ею еще не обладало. Посадская верхушка тем более была для этого слишком слаба. Церковь, при всем ее духовном и экономическом могуществе, не обладала военной силой. Поэтому каждая из тех социально-политических сил, на которые дробился правящий класс Московского государства, искала для себя союзника.

Именно в объединении политических сил, стремившихся ограничить его власть, или, как выражался Грозный, «восхитить» ее, таилась для нарождающегося самодержавия большая и вполне реальная опасность — опасность остаться единовластием лишь номинально.

Сильвестр вышел за пределы тех собственно церковных притязаний на ограничение царской власти,

с которыми он выступал в Послании царю в 1547 году. Оказавшись в составе фактического правительства, он, как выясняется из других его посланий, проникся более широкими политическими интересами. Ограничительные в отношении самодержавия устремления церковных верхов соединились в его лице с аналогичными, вполне светскими устремлениями широкой дворянской массы. Политическая платформа Сильвестра заметно расширилась. Наряду с прежними церковно-назидательными элементами в его более поздних сочинениях вес приобретают практические вопросы политики и государственного устройства. Объективно своими сочинениями и своим участием «за один» в управлении государством с представителем интересов служилой массы Адашевым он подкреплял и освящал авторитетом церкви программу реформ конца 1540-х — 1550-х годов.

Сильвестр — что позднее хорошо понял Грозный — олицетворял соединение церковных и светских сил, стремившихся к созданию ограниченной монархии, номинально возглавляемой «предобрым и умилительным всему... и смирением сердца украшенным... боголюбивым царем».

Таким образом, когда Грозный вооружился на беспощадный бой за установление подлинного самодержавия, он отнюдь не случайно выдвинул Сильвестра на роль «всему злу соединителя».

В своих письмах к князьям А.Б.Горбатову-Шуйскому и С.Ростовскому в 1553 году Сильвестр продолжает начатое им в послании 1547 года выстраивание образа идеального царя. Одновременно он продолжает оказывать воспитательное воздействие на своего духовного сына — раба божьего Ивана Васильевича, стараясь с помощью всевозможных примеров (речь о них уже шла) влиять на своего подопечного в соответствующем направлении.

В письме к А.Б.Горбатову-Шуйскому находим весьма примечательную цитату из послания Вассиана Ивану III, которое, как мы знаем, было перед глазами автора Послания царю Ивану Васильевичу.

«Слыши, что глаголет Димокрит, философ первый: князю подобает имети ум ко всем временным, а к супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любов и привет сладок».

Благодаря капитальному труду профессора С.Я.Лурье, издавшего все дошедшие тексты Демокрита, у нас есть возможность отыскать тот фрагмент его сочинений, который содержался в древнерусском переводе в послании Вассиана и был затем процитирован Сильвестром.

«Князю подобает имети ум ко всем временным (то есть к обстоятельствам времени, деталям момента. — Д.А.), быть храбрым с врагами и благожелательным к подчиненным».

Вассиан, а вслед за ним Сильвестр не случайно обратились к авторитету античного философа-язычника и материалиста.

Сочинения Демокрита в виде различных цитат из них знали на Руси еще во времена Киевского государства. Они вошли в состав сборников типа «Пчела». Интерес к античной философии был характерной чертой культуры Киевской Руси. Знаменательно, что обращение Вассиана к тексту Демокрита совпало с моментом окончательного свержения монгольского ига и оказалось, тем самым, символом возрождения, первой ласточкой возвращения русской культуры, в лице ее наиболее просвещенных представителей, к прежней широкой приобщенности к мировым культурным ценностям.

В середине 50-х годов XVI в., в самый разгар реформаторской работы так называемой Избранной рады — фактического правительства тех лет, один из

его наиболее значительных деятелей вновь обращается к авторитету одного из наиболее ярких представителей античной рационалистической философии.

Сильвестр обращается к Демокриту именно как к проповеднику рационалистических взглядов, воспевавшему человека как обладателя могучей силы мышления. Цитату из Демокрита он предваряет восклицанием: «Великое богатство человеку ум!»

Интересно и то, что Сильвестр дополнил в своем изложении отрывок из Демокрита, процитированный Вассианом, следующим выводом — «добродетель (а в нее, как мы только что видели, входит и «ум» — то есть разумное отношение к действительности. — Д.А.) есть лучши всякого сана царского». И далее: «Ничто ж тако пользует человека, яко же самому себе розсужати; аще ли не тако, то далече есть таковой благого разума».

Эти слова, как нельзя более ясно, подтверждают, что примеры и поучения в письмах Сильвестра на тему о том, каким должен быть правитель, в предельно ясной форме выражают основную мысль всех писаний Сильвестра о характере царской власти: право на высшую, царскую власть не дается ни «прирожением», то есть почтенностью рода, ни венчанием на царство — то есть «царским саном», оно определяется соответствием царя целому ряду условий. К их числу относится религиозное и нравственное благочестие, а также проведение разумной (многokrato Сильвестром обрисованной) внутренней и внешней политики.

Автор комментариев к сочинениям И.Пересветова, в частности, к Большой челобитной, Я.С.Лурье справедливо отметил, что Пересветов решительный противник всякой «кротости» для царской власти. И действительно, «Пересветов» считает, что «не моч-

но царю без грозы быти. Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». А если царь «окроутеет, ино царство его оскудеет и иному царю достанется от небрежения царского».

Взгляды Сильвестра в основном совпадают и по этому вопросу со взглядами «Пересветова».

От писем Сильвестра князьям в 1553 году веет торжеством недавней великой победы над Казанью.

Сильвестр выступает как ярый поборник завоевания и колонизации Казанского края. Подвигу взятия Казани и, главным образом, практическим вопросам государственного устройства покоренной земли посвящено его послание Казанскому наместнику А.Б.Горбатову-Шуйскому.

«Песнописец он пророчествуя, изрек о христороубивом Российском царствии... и не сбысть ли ся пророчество песнописца оного?» — торжествуяще вопрошает Сильвестр и отвечает: «Ныне державный государь наш, самодержец всеа Росиа и великий князь Иван Васильевич божией благодатью сподобился царю Константину (разумеется, Константину I, установившему христианство в Римской империи. — Д.А.)... град Казань разори своим благородием и вашим храбръством...»

Сильвестр горячо одобряет обращение неверных в христианскую веру «аще и не восхотят».

Отметим, что это послание Сильвестра написано через несколько лет после подачи «Пересветовым» его Большой челобитной.

Таким образом, содержащееся здесь указание на случившееся пророчество о покорении Казани царем московским Иваном Васильевичем является прямым откликом на предсказания, изложенные «Пересветовым», также постоянно сравнивавшим Ивана IV с царем Константином:

«И так про него пишут, про благоверного царя и великого князя Руския земли Ивана Васильевича всея Руси, что он божией помощью Казанское царство возьмет своим мудрым воинством да и крестит».

В упомянутом письме князю А.Б.Горбатову-Шуйскому Сильвестр всячески побуждает царя на дальнейшую борьбу с казанцами и крымцами. И Сильвестр, и «Пересветов» одинаково утверждают этим общую политику правительства того времени, направленную на покорение и колонизацию Казани и Крыма.

Отнюдь не к кротости и миру с соседями призывает Сильвестр, цитируя вслед за Вассианом слова Демокрита о том, что правителю «подобает имети... на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любов и привет сладок».

«Кротость и правда» в понимании Сильвестра не противостоят убеждению в том, что царь должен обладать военным могуществом и использовать его для побед над своими врагами, а сосуществуют с ним. «Кротость и правда» у Сильвестра касаются, прежде всего, отношения властителя к своим подданным, но далеко не ко всем: Сильвестр, как мы знаем, в послании 1547 года решительно требует прогнать прежних дурных советников — «бояр и воевод ратных и избных людей» прежнего, боярского правления.

Что касается «грозы», с помощью которой «Пересветов» советует царю управлять своим царством, то и у него — у «Пересветова» — «гроза» имеет направленный характер. Она должна обрушиваться на «ленивых» вельмож, не желающих служить и «смертною игрою играти», на всякого рода дурных людей — татей, пьяниц, разбойников. Сильвестр, как мы видели, тоже ратует за такую «грозу».

Вместе с тем, «Пересветов», как и Сильвестр, призывает царя и вообще властителей к милостивому и

справедливому отношению не только к воинникам, но и ко всем подданным.

«Аще ли властитель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая».

Более того, певец «воинников» решительно выступает против того, чтобы как вельможам, так и воинникам «давать власти и судити праведнаго суда и казны цареvy збирати... кто бы неповинно не осудил рода человеческого и крови бы и слез не проливал, на мзду бы не утекся, и тем бы бога не разгневил. Бог любит правду сильнее всего».

По поводу устройства правления на завоеванных казанских землях Сильвестр высказывает ряд общих положений, касающихся вопросов общегосударственного устройства. Он призывает представителей военных и других властей довольствоваться государевым жалованием, не «истязать» в свою пользу никаких даней и налогов с населения сверх установленных государством: «Сице же, господие мои и воины, опасно и [без] ленности работайте и никого же обидяще, ни же облыгаючи, но доволяшися царским дарми, уроками своими... и промышление ваше буди от ваших праведных трудов и стяжаний, сим живите».

Сильвестр требует от начальных людей всякого чина не допускать в своих действиях по отношению к населению произвола. «Истязающе людския дани ничтоже паче повеленного вам творите».

Вопрос об упорядочении налогообложения — «истязания» даней и всякого рода поборов с населения — был одним из важнейших в законодательной и административной деятельности правительства 1550-х годов.

«Царь должен ввести в своем царстве «правду» — справедливый суд и равный для всех, для великих и для малых, закон».

При соблюдении этих условий царя ожидает великая будущность.

Вот тогда, предрекает Сильвестр царю, станешь «умилетелен всему» и «на супротивных храбр» — «обладаеши от моря до моря, и от рек до конец вселенных... и поклонятца тебе вси цари земстие и вси языцы поработают тебе».

И в самом этом построении, и в содержании как рекомендаций, так и солнечных перспектив при их исполнении, и, более того, в самом тексте Сильвестра нельзя, опять-таки, не увидеть нечто весьма нам знакомое. «Только его (то есть царя. — Д.А.) бог соблюдет от того уловления велмож его (которые «учинили его в безпутном житии»), ино такового под всею подсолнечною не будет мудрого воина и счастливого к воинству, и введет во царство свое великую правду и утешит бога сердечною радостию, и за то ему бог многия царства покорит». Так пишет в конце своей Большой челобитной подписавший ее именем Ивана Пересветова царь Иван.

Здесь, как видим, налицо прямое заимствование из послания 1547 года, в котором Сильвестр писал царю, что его престол «правдою и кротостью и судом истинным совершен (то есть славен. — Д.А.) есть. Сего смиряеши, а сего возносиши» и должен по завету Бога «судити людем твоим в правду и низшим твоим в суд».

Тема борьбы против «сильных», «богатых и брюхатых», прозвучавшая еще в послании Вассиана Ивану III, была не случайно так энергично подхвачена Сильвестром. Этот мотив, ставший традиционным в церковной публицистике, не сводится к произнесению христианских догм, защищающих сирых и убогих. Пропаганда против «сильных» и «богатых» помогала духовным феодалам в их борьбе со

светской феодальной верхушкой за власть, за влияние и, в конечном счете, за землю.

В этом пункте сходились интересы церковных верхов и широких масс дворян, мечтавших улучшить свое материальное положение за счет земельных владений крупных латифундистов, а свое политическое положение за счет оттеснения их от политической власти. Именно этим совпадением интересов объясняются, на мой взгляд, совпадения ряда позиций публицистов, принадлежащих к церковной иерархии, и светских — дворянских публицистов. Можно думать, что здесь поначалу слились интересы Сильвестра и Адашева, то есть представителей церковно-иерархических кругов и представителей интересов дворянской массы. В дальнейшем этот альянс претерпел изменения, в смысле перехода Сильвестра на более широкие, «адашевские» позиции.

Для нас же здесь особенно важно обратить внимание на то, откуда, из какого именно источника появились «сильные», «богатые» и «брюхатые» в сочинениях «Пересветова».

Красной нитью проходит в посланиях Сильвестра тема справедливого суда и правды. Сильвестр не раз обращается к ней в своем послании к князю А.Б. Горбатову-Шуйскому- в 1553 году: «...не сотворите... неправды в суде... и праведно правду поженете и сотворите суд и правду... не на лица убо [зряше] судите...». И далее: «...суд делайте и правду ищите».

В момент создания правовых основ новой, только что учрежденной царской власти, в момент укрепления централизованного государства, устанавливающего единый закон и суд, действующий по этому закону, а не по произволу «лукавых» судей, — призывы о праведном суде наполняются немалым реальным значением. Речь в них, по существу, идет о

введении законности вместо беззакония, о подчинении всех подданных законам государства.

Небезынтересно отметить, что сочетание понятий «суд и правда» для обозначения высшей справедливости устойчиво сохранялось в России на протяжении веков. Так, например, желая охарактеризовать произвол николаевских царедворцев, жертвой которого пал Пушкин, Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» написал: «Пред вами суд и правда — все молчи!»

Мы знаем, что «Пересветов» — А.Адашев в Сказании о Магмете-салтане и царь Иван в Большой челобитной — настойчиво ратовал за систему, при которой все налоги и дани собираются в казну, а чиновники довольствуются исключительно царским жалованием. Он ярко живописует «нечистое собирание казны», которым занимались «вельможи» греческого царя Константина. Богатели и «мытари» — сборщики дани. «Пошлют их где собирати царския казны, ино на царя где взяти 10 рублей, и они на царя возьмут 10 рублей, а на себя 100 рублей». Против этого же выступает и Сильвестр.

Сильвестр объявляет тягчайшим преступлением злоупотребления в торговле и обмене, такие как обмер и обвес с помощью неправильных мер: «Неподобно бо есть и паче всякия неправды прегорше двоя мерилы имети, малыя и велия гору убо... понеже сотворите малу меру и куплю неправедну».

Это же требование постоянно формулировал и А.Адашев. В образцовом государстве Магмета-салтана «всему цена установлена, что за что дати, а купят вся в вес...». А вот у греков «суд был... неправеден, купля их была нечиста...».

Говоря о Сильвестре, нельзя пройти мимо его выступлений против «рабства», против системы кабального холопства.

Проблема кабального холопства приобрела в начале царствования Ивана IV весьма острый характер. За отмену этой формы крепостничества — «рабства» вследствие невозвращенного долга, в которое попадали не только крестьяне, но и разорившиеся служилые люди, — выступил дворянин Матвей Башкин, утверждавший, что похолопление людей несовместимо с христианским учением. В 1553 году Башкин был осужден как еретик и сослан в Волоколамский монастырь.

Но еще до Башкина против холопства выступил и «Пересветов». Несмотря на оговорку о том, что «Магмет-салтан... дал волно служить у велмож своих, кому ни буди», — объектом главной заботы Алексея Адашева являются служилые люди, попавшие за долги в кабалу к вельможам. Он говорит об этом вполне определенно: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры к бою, не смелы против недруга». Так было у греков. Порабощенные воины оказались «не боецы и конныя и доспешныя». Они «утекли» с поля боя. «И то царь Магмет вразумевши, и дал им волю, и взял их к себе в полк, и они стали у царя лутчие люди, которые у велмож царевых в неволе были».

Аргументация «Пересветова» в пользу освобождения холопов предельно ясна — освобожденные из холопства и кабалы «боецы» вернутся в царское войско и будут наилучшим образом нести военную службу.

Сильвестр тоже «осуждал рабство» как таковое. Он сходится с «Пересветовым» в заботе о воинниках. Но преимущественный объект заботы и внимания у него свой, иной, чем у «Пересветова». Собственные его холопы, которых он освободил, и те, кого выкупил «из рабства» у других владельцев и «на свободу попусках», — это не «боецы», вернувшиеся,

став свободными, в царские полки. Это посадские люди. Некоторые из них остались добровольно в услужении. Другие занялись торговлей — открыли свои лавки. Третьи стали ремесленниками — видимо, вернулись к прежнему делу. Своего собственного сына — Анфима — Сильвестр пристроил не в «храбрые» и «лутчие люди» царские, не на военную службу, а в торговлю, затем испросил для него у царя назначение ведать в казне таможенными сборами.

До нас дошло письмо Сильвестра к Анфиму — наставление отца сыну о том, как праведно жить. В отличие от написанного им же наставления духовного отца своему духовному сыну — царю Ивану Васильевичу, пронизанного проблемами высокой политики, письмо к Анфиму носит в основном бытовой, житейский характер. В нем Сильвестр, священнослужитель по профессии, раскрывается и как выходец из определенной социальной среды, усвоивший весь комплекс присущих именно ей взглядов на жизнь. Среда эта — зажиточная верхушка городского посада, притом именно новгородского. Сильвестр родился и долго жил в Новгороде. Нравственные и деловые советы, которые он дает сыну в своем наставительном письме, в громадном объеме дополняются содержанием целой книги. В виде послесловия к ней письмо к сыну и было написано. Книга эта — знаменитый Домострой. Я далек от мысли о том, что Сильвестр является ее автором, как полагали некоторые ученые. Считать его автором Домостроя не следует хотя бы уже потому, что Домострой вообще не является единовременно написанным сочинением. Это свод, кодекс бытовой и нравственной мудрости для городского, посадского человека, складывавшийся в течение долгого времени. Трудно сказать, когда этот свод был впервые записан. Возмож-

но, что только в XVI в., поскольку более ранних списков Домостроя не сохранилось. Не исключено, что Сильвестр, когда жил и был священником в Новгороде, принимал участие в записи и редактировании этого свода. Такое предположение тем более вероятно, что сведение воедино, запись и редактирование разбросанных по разным сборникам, а также устно бытовавших сочинений, хотя и иного содержания, было предпринято в Новгороде именно в то же время будущим митрополитом Макарием, с которым сотрудничал Сильвестр. Речь идет о Великих Четьих-Минях — колоссальном своде русских и переводных сочинений, одобренных и рекомендуемых церковью для чтения.

Так ли, иначе ли, но имя Сильвестра прочно связано с Домостроем. Не исключено, а, напротив, весьма вероятно, что письмо к сыну, помещенное вслед за текстом книги, предназначалось и для широкого прочтения, именно в качестве послесловия к ней.

Идейная направленность Домостроя, если и не созданного при участии Сильвестра, то во всяком случае горячо им рекомендуемого, достаточно и основательно характеризует его собственные воззрения.

Сущность Домостроя очень точно сформулировал В.Б.Кобрин: «...Создание светского произведения, освящающего именем бога быт, торговлю, наживу...». В Домострое нашли отражение идеи бюргерских кругов, считает исследователь.

Если мы при оценке практической деятельности и идейных позиций Сильвестра начнем серьезно учитывать его происхождение из среды новгородского посада и бесспорную связь его жизненных воззрений с воззрениями этой среды, — все, что нам известно о нем, прояснится и выстроится в совершенно определенную систему.

Тогда станет ясным, почему священник Сильвестр, пугавший впечатлительного юношу-царя всевозможными чудесами, являлся вместе с тем сторонником рационализма, разумных основ государственного управления.

Тогда станет яснее, что могло сближать Сильвестра с еретиком Матвеем Башкиным, «затронутым», как пишет А.А.Зимин, идеями европейского реформатского движения и объективно представлявшим интересы бюргерских кругов. Близость эта, как уже говорилось, не сводилась к теоретическим вопросам — «как самим жителям и людям у себя держати, не томити». Она выразилась и в единых практических действиях, в которых эти взгляды отразились, — в освобождении принадлежавших им холопов. Сильвестр ставит данную акцию себе в большую заслугу, призывает сына следовать своему примеру. Он пишет об освобождении своих холопов после суда над Башкиным и почти в тех же выражениях, в каких записаны показания о вольнодумных речах и поступках преданного анафеме и осужденного еретика.

Совокупное рассмотрение свидетельств о Сильвестре позволяет составить общий облик этой политической фигуры. Перечислим с этой целью лишь те ее черты, которые засвидетельствованы данными источников совершенно определенно.

Сильвестр — священник, который трижды подвергается нападкам со стороны официальной церковной иерархии и церковных догматиков за поступки, которые были ими расценены как покушения на основы церковной жизни или как ересь. Речь идет о его выступлениях против стяжательства и за секуляризацию церковных земель, о его связях с еретиком Башкиным и общих с ним воззрениях на вопрос о кабальном холопстве, а также о создании под

руководством Сильвестра новаторской росписи Благовещенского собора в Кремле.

Сильвестр, оказавшись на верхах государственной власти после народного восстания 1547 года, отстаивал в вопросах государственного устройства четко сформулированные позиции.

Он решительно поддерживает царя как олицетворение единого централизованного государственного строя. Но при этом он резко осуждает произвол, требует ответственности монарха перед Богом и перед «людьми».

Сильвестр осуждает прежних советников царя — «вельмож», считая их источником произвола и прямо указывая, что народное восстание — результат их несправедливого, грабительского правления.

Сильвестр — сторонник ограничения самодержавия духовным советом, а также «разумом» — устройением государства на основе справедливых законов.

Сильвестр за ограничение личного произвола царя. Он стремится всячески подчеркнуть заслуги и укрепить значение разумных советников и достойных проводников государственной политики (письмо А.Б.Горбатову-Шуйскому). При этом он стремится снизить удельный вес и значение родового, наследственного фактора в психологии самого царя, — «сана царского» как такового.

Сильвестр отстаивает программу реформ в интересах дворянства и верхушки городского посада. Его взгляды по этим вопросам во многом совпадают со взглядами Адашева и царя Ивана, изложенными в Сказании о Магмете-салтане и в Большой челобитной.

В вопросах внешнеполитических Сильвестр сторонник покорения и колонизации Казани и Крыма.

Однако в отличие от «Пересветова», для которого

война — «смертная игра» — источник дохода, смысл и оправдание существования служилого человека на высокой ступени социальной лестницы и тем самым как бы самоцель, для Сильвестра война — печальная необходимость. За выполнением военной задачи нужно тотчас устанавливать мир. В этом вопросе, как и в ряде других, в позиции Сильвестра сказывается его принадлежность по происхождению, воспитанию и образу жизни не к дворянству, а к посадской верхушке.

Сильвестр в своих сочинениях всячески пропагандирует и поддерживает соборные и правительственные решения, принятые в период реформ, — Стоглав и Судебник.

Таким образом, можно сказать, что не только целый ряд идей Сильвестра вошел в качестве слагаемого в правительственную программу и проправительственную публицистику конца 1540-х — 1550-х годов, но и многие из тех идей, которые он высказал, были отнюдь не только его идеями. Одни из них разделялись Макарием, или даже принадлежали ему. Другие разделялись Адашевым, или принадлежали ему. Третьи разделялись в то время царем, или принадлежали ему. Словом, сочинения и деятельность Сильвестра, кроме его собственных взглядов, в значительной степени отразили программную сущность и практическую деятельность правительства политического компромисса конца 40-х — 50-х годов XVI в.

В ходе рассмотрения посланий Сильвестра с полной очевидностью и, можно сказать, — наглядно проступил ответ на вопрос: кто из авторов-современников оказал наибольшее влияние на других — «Пересветов» на Сильвестра или Сильвестр на «Пересветова».

Прежде всего — послание Сильвестра, в котором названная схема проступает исключительно ярко, написано на два года раньше, чем «Пересветов» в 1549 году «подал» свои челобитные. Кроме того, как мы знаем, источник, которому следовал Сильвестр, из которого он позаимствовал композицию и, в значительной степени, также аргументацию для своего обращения к царю, — намного старше и самого Сильвестра, и «Пересветова». Речь, повторяю, идет о послании Вассиана Ивану III в 1480 году.

Таким образом, выясняется, что арсеналом, из которого «Пересветов» черпал «великие мудрости» для своих челобитных, явились для него отнюдь не одни «философы и дохтуры латынския», мудрецы турецкие и греческие. Мудрость, собранная «Пересветовым», имела в первую очередь национальную почву и традицию, сложилась в ходе длительной борьбы различных социальных и политических сил за создание русского централизованного государства.

РУССКИЙ СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА

Глядя в источники не замутненным искусственной гипотезой о «Пересветове» взглядом, мы находим в них ответ и еще на один вопрос: кто же он, тот странствующий рыцарь, русский «воинник», служивший многим королям, тот, кто привез на Родину в 1538 году образцы «гусарьских» боевых щитов, тот, кто вместо щедрого пожалования, едва не «сгиб» на службе в годы боярского правления, оставшись «пеш» и «бос», тот, который в 1549 году подал царю свою челобитную — слезное прошение о помощи? И который, добавим, ни сном, ни духом не ведал при этом, что его челобитная будет названа историками «малой», поскольку частично войдет в неведомую ему «Большую», написанную самим царем. Не могло ему, разумеется, прийти в голову и то, что называть его станут почему-то не собственным его именем, а Пересветовым... Впрочем, последнее обстоятельство не должно было бы его так уж огорчить. Ведь — Пересветов — звучит куда благозвучнее, чем его собственное прозвище.

Мы знаем, что, работая над Большой челобитной, царь воспользовался не только посланием, направленным ему в 1547 году священником Сильвестром, и публицистическим сочинением Алексея Адашева — Сказанием о Магмете-салтане, но и подлин-

ной челобитной служилого человека, просившего у царя помощи. Эта челобитная попала в руки царя, скорее всего, через Челобитенный приказ, куда по заведенному порядку подавали все бумаги подобно-го рода, то есть, опять же, через Адашева.

В дошедшей до нас Описи царского архива, составленной в 70-х годах XVI в., мы читаем такую запись: «Ящик 143. А в нем... и черный список Ивашка Пересветова да Петра Губастого и иные списки».

Из этой записи с неоспоримой очевидностью следует, что среди различных «иных списков» в ящике 143 находился «черный список», содержащий некий единый текст, включавший имена Пересветова и Петра Губастого. Текст, в котором содержится имя Пересветова, — это, как мы знаем, публицистическое сочинение в форме челобитной «воинника» — изготовителя щитов. Частью этого текста, как известно, является и подлинная челобитная этого «воинника».

Вот теперь и выясняется его имя. Имя — Петр Губастый — не так красиво, как придуманные царем для своей «челобитной» светозарные имена служилых людей — «Иван Пересветов» и «Василий Мерцалов». Но чем менее литературно это имя, тем более истинно оно звучит. Вспомним, что фамилий в более позднем значении этого понятия в то время не существовало. Фамилиями, то есть родовыми именами для родовитых, служили по большей части названия их владений — Шуйские, Бельские, либо же имена собственные основателей рода, например, Романовы, Годуновы, либо, наконец, устоявшиеся, перешедшие в наименование рода, прозвища предков — например, Гагарины от прозвища Гагара, Буйносовы от Буйнос. Что касается служилых людей из простых, то «фамилиями» для них зачастую как раз и служили прозвища вроде Грязной, Грешной, Звяга,

Волосатой, Благой, Борец, Босой, Брага, Смирной. Все эти имена взяты мною из Списка опричников Ивана Грозного, в котором названы поименно 1854 человека, служившие в опричнине в 1573 году. И в этом же Списке, в числе «задворных конюхов» царского Конюшего приказа, мы находим двух братьев. Один из них — «Митя Губастого. Денег 4 рубли. Пол 8 четьи овса». Другой — «Иван Губастого. Денег 4 рубли. Поместья 70 четьи». Как видим, Иван — помещик. Натурального «корма» он не получает. Таким образом, он безусловно старший и более заслуженный человек, чем Митя, не имеющий поместья и получающий свой «корм» натурой.

Обратим внимание на то, что прозвище — Губастый — принадлежит не самим задворным конюхам Ивану и Дмитрию, а их отцу. Они дети Губастого. И поскольку ни в каких документах XVI в. ни одного другого служилого человека по имени Губастый, кроме названного в Описи царского архива Петра Губастого, не значится, — следует сделать весьма обоснованное предположение: Иван и Дмитрий Губастого, названные в Списке опричников 1573 года, — сыновья именного того самого Петра Губастого, челобитие которого лежало в 143-м ящике царского архива вместе с текстом Ивашка Пересветова.

Обратим внимание и на то, что в царском архиве хранился некий единый «черный список» Ивашка Пересветова и Петра Губастого, какой-то черновой текст, соединивший имена Ивана Пересветова и Петра Губастого. Как говорится, что и требовалось доказать. Перед нами следы работы автора литературного произведения — вымышленной челобитной, написанной от имени Пересветова, использовавшего подлинную челобитную служилого человека Петра Губастого. Усомниться в этом — означало бы допус-

тить нечто несуразное. А именно. Пришлось бы для начала превратить один «черный список» в «черные списки» двух разных лиц, что само по себе — прием недозволенный. При этом пришлось бы допустить, что подача челобитных царю в черновом виде была чуть ли не системой. «Пересветов» пишет, что он дважды подавал царю «книги черные». Теперь оказалось бы, что и Петр Губастый тоже позволил себе подать царю «черный список». Ясно, что подобные натяжки совершенно несерьезны.

Останемся на почве фактов.

Мы имеем теперь все основания считать Петра Губастого тем самым странствующим воинником, который вывез в 1538 году из Чехии образец «макидонских щитов», а в 1549 году обратился к молодому царю Ивану с повторной просьбой о помощи, описав свое бедственное положение. Мы можем теперь сказать, что не только текст его челобитной, но и сами просьбы его не остались без внимания. Он не остался «гол» и не «згибл». Он несомненно был пожалован царем и продолжил свою службу. Иначе его сыновья Иван и Митя не оказались бы на почетной службе в опричнине. Хорошо известно, что на службу в опричнину брали после тщательного розыска — «кто какова отца дети». И, следовательно, отец братьев-опричников Дмитрия и Ивана был вполне надежным царским слугой...

К сожалению, исследователи сочинений Ивана Пересветова и Описи царского архива, где рядом с именем Пересветова назван Петр Губастый, работавшие до моей публикации Списка опричников (то есть до 1949 года), не могли знать о детях Петра Губастого, удостоенных службы в опричнине. К еще большему сожалению, изучавшие сочинения Пересветова уже после названной публикации, в частности,

А.А.Зимин, — прошли мимо этого факта. Упрекать их за это, однако, не следует, поскольку Список опричников, содержащий 1854 имени, расположен не по алфавиту, а по службам — «Бронный приказ», «Кониюший приказ» и т.д., а внутри приказов по конкретным должностям, а там уже по «статьям», то есть, по размерам «окладов» — «денег» и «корма». Таким образом, доискаться до сыновей Петра Губастого было не легкой задачей. Тем более, что ни А.А.Зимин, ни другие исследователи, считавшие Пересветова автором всех сочинений так называемого Пересветовского цикла, такой задачи себе не ставили. Соседство имен Ивана Пересветова и Петра Губастого в одном «черном списке», хранившемся в ящике 143 царского архива, представлялось им случайностью, не заслуживающей внимания и объяснения.

Подведем здесь некоторые итоги наших разысканий.

1. От гипотезы, утверждающей, будто комплекс публицистических сочинений середины XVI в., посвященных реформам государственного управления в Московском государстве, а также челобитная дворянина, предлагавшего «реформу» производства боевых щитов, — принадлежит перу одного человека — Ивана Пересветова, необходимо отказаться. Она, как было показано, не выдерживает критики.

2. Так называемый Пересветовский комплекс следует разделить на три явственно просматриваемых группы:

— Первая: Челобитные, поданные на имя великого князя Ивана в 1538-м и на имя царя Ивана в 1549 году «воинником»-наемником, служившим нескольким государям, а затем приехавшим на службу к Московскому государю, Петром Губастым.

— Вторая: Сказание о Магмете-салтане — публицистическое сочинение, написанное Алексеем Ада-

шевым; собранные им для этой работы и отредактированные применительно к ее содержанию произведения, посвященные разгрому Византии турками во главе с султаном Мухаммедом II в 1453 году.

— Третья: Большая челобитная — публицистическое сочинение, написанное Иваном Грозным, — полемический отклик на сочинение Адашева Сказание о Магмете-салтане. В работе над этим произведением царь использовал Послание к нему священника Сильвестра 1547 года, Сказание о Магмете-салтане Алексея Адашева и челобитную Петра Губастого.

3. «Пересветов» — литературный псевдоним автора Большой челобитной — царя Ивана Васильевича. Присвоение авторского имени — Пересветов — всему комплексу названных сочинений — заслуга ученых-исследователей. Оснований для того, чтобы считать Пересветова реальным лицом, автором различных сочинений, вошедших в так называемый Пересветовский комплекс, а также составителем этого комплекса, не существует.

4. Теперь мы знаем имена всех без исключения авторов сочинений, вошедших в так называемый Пересветовский комплекс. Это: Сильвестр, Адашев, царь Иван, Петр Губастый.

* * *

В двух основных произведениях Пересветовского цикла изложены две различные точки зрения на реформы, проведенные правительством Адашева — Сильвестра — Ивана IV и их единомышленниками. В Сказании о Магмете-салтане мы видим как бы проект реформ, весь размах намерений одного из реформаторов. В Большой челобитной отразилась та позиция, с которой первоначальный проект был откорректирован. При этом если позиция автора Ска-

зания предельно близка к взглядам представителей дворянства и верхушки посада — Адашева и Сильвестра, то позиция автора Большой челобитной близка к воззрениям Ивана IV. Мы получаем возможность разглядеть своеобразную полемику ближайших политических союзников того времени. С течением времени их разногласия резко обострятся и пути разойдутся. Перспективу дальнейшего исторического развития обретет та линия, на которой они сходились: линия укрепления царского единовластия.

С помощью замечательных произведений русской политической публицистики середины XVI в. мы получаем возможность увидеть самый исток формирующейся идеологии самодержавия, что необычайно важно для лучшего понимания его дальнейшего развития.

Установление имен действительных авторов сочинений Пересветова важно не только само по себе. Первому историку царствования Ивана Грозного, каким, безусловно, является он сам, в чем читателю предстоит убедиться, удалось по целому ряду вопросов надолго ввести в заблуждение позднейших историков. Так, например, многие ученые принимали (а некоторые продолжают принимать) за истину рассказы царя о боярском мятеже, будто бы имевшем место в 1553 году, или же созданный им миф об отмене опричнины в 1572 году, в действительности лишь переименованной...

Зная теперь — кто таков «Иванец Пересветов», изучив, тем самым, изначальные идеологические и политические установки первого русского царя, мы можем точнее и лучше понять и оценить, как литературно-публицистическую, так и государственную деятельность Ивана Грозного, о которой и пойдет речь в следующих главах.

История Руси, переписанная заново

Трудно найти в мировой истории фигуру монарха, который обладал бы столь же ярким талантом политического писателя-публициста, абсолютно неколебимого в своей апологии единовластия, в своем отрицании всех и всяческих, исторических и современных ему форм ограничения власти государей, как первый русский царь.

Однако писателем и публицистом Грозный был все же во вторую очередь. И его литературное творчество интересует нас здесь лишь в той мере, в какой оно отразило его творчество государственное.

Одним из важнейших направлений в идеологической борьбе Грозного за установление единовластия было историческое обоснование исконности русского самодержавия. До сих пор, кажется, не было обращено внимания на один примечательный факт. Сам Грозный, а вслед за ним и официальные документы его времени затушевывали то, что он был первым русским царем. Грозный жертвовал своим приоритетом первого царя, для того чтобы утвердить, вопреки исторической правде, идею исконности русского самодержавия. Он создавал представление, будто венчание его на царство было не чем

иным, как принятием им родительского, прародительского и вообще исконного царского венца русских самодержцев.

«Российского царствия самодержавство божием изволением почен от великого царя Владимира... и великого царя Владимира Мономаха.. Мы же... божием изволением... яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся, и возрастохом, и воцарихомся...», — так писал царь в своем «отвещании» Курбскому.

Не раз присваивал он титул царя своему отцу — великому князю Василию III. «Блаженной памяти великим государем, царем и великим князем всея Руси» назван Василий III и в летописном рассказе о введении опричнины. Великим государем и царем всея Руси именует Иван Грозный своего отца в письме к Стефану Баторию в 1581 году. Однако Иван хорошо знал, что действительная история Руси была иной. Иначе она и выглядела в прежних летописных рассказах, в памятниках литературы и публицистики прежних веков. Это ставило царя и его книжников перед необходимостью создать новый вариант русской истории, который послужил бы обоснованием концепции извечности русского самодержавия.

Во второй половине XVI в. официальные московские книжники под руководством, а иногда и при непосредственном участии самого Ивана Грозного создали ряд монументальных историко-литературных памятников: многотомную всемирную историю, Степенную книгу — историю Руси и др. Все эти сочинения имели задачу возвеличить власть московских государей и дать исторические обоснования их исключительному праву на русское единодержавие.

Приведем здесь всего один, но зато весьма яркий пример переделки книжниками Ивана Грозного ранней русской истории на свой лад.

В Шестой степени (части) Степенной книги есть

рассказ о том, как Всеволод Суздальский организовал накануне похода путивльского князя Игоря в половецкую степь свой большой победоносный поход на половцев (в действительности этого не было); о том, как Ольговичи во главе с Игорем, позавидовав успеху этого похода, сами двинулись в степь, где были разбиты, и как Всеволод Суздальский и Роман Волынский (все это тоже сплошная выдумка) двинулись выручать и выручили несчастных пленников. Утверждение автора Слова о полку Игорева о бездействии некоторых князей в момент, когда им надлежало действовать, показалось неподходящим книжникам XVI в. И вот, спустя четыре сотни лет, они выступают с опровержением автора Слова о полку Игорева, создавая ложный рассказ о походе Всеволода на помощь князю Игорю.

Для составителей Степенной книги, этих трудолюбивых зодчих, строивших многоступенчатое здание истории русского «скипетродержания», возведение шестого этажа их конструкции доставляло особенно много хлопот и беспокойств. Им важно было показать плавный переход единой державной общерусской великокняжеской власти рода Мономаховичей из Киева во Владимир, а затем в Москву. Но в жизни было не так. Киевское государство, как известно, распалось на отдельные княжества, и Владимиро-Суздальское было всего лишь одним из них. Более того, само оно долгое время раздиралось внутренней войной Ростова и Суздаля против Владимира, а также вело непрерывную борьбу со своими же «подручниками» — рязанскими князьями. В тяжелой и упорной борьбе вырастал авторитет Всеволода, не приведший, однако, даже к концу его жизни к какому бы то ни было действительному единодержавию.

Ввиду этого при написании Шестой степени своего грандиозного труда составители Степенной кни-

ги должны были проявить много изобретательности для приведения рассказа в соответствие с поставленной задачей. Они пошли на перекраивание древних памятников, на умолчание об одних фактах и выпячивание других, на создание новых версий о событиях и опровержение старых.

Повествование о Всеволоде открывается в Степенной книге торжественным предисловием, которое составители почти дословно взяли из некролога, помещенного по поводу смерти Всеволода в Лаврентьевской летописи. Затем идут различные рассказы о времени Всеволода. В качестве главного сюжета, характеризующего Всеволода, взята история, связанная с походом Игоря на половцев.

Постановка событий 1184–1185 годов, в действительности никак не связанных с деятельностью Всеволода, в центр повествования о нем не может не вызвать законный вопрос — в чем же здесь дело? Вопрос встает еще острее, когда выясняется, что рассказ о мнимом участии Всеволода в борьбе с половцами в 1184–1185 годах занимает столь большое место за счет умолчания о многих его действительных походах и победах.

Назовем важнейшие факты, которым была предпочтена выдумка о походах на половцев в 1184–1185 годах. Всем этим фактам посвящены большие рассказы в Лаврентьевской летописи, отброшенные составителями Степенной книги: 1178 год — взятие Торжка; 1184 год — второй поход на Торжок; 1184–1186 годы — два знаменитых, доставивших Всеволоду громкую славу похода на болгар (в Степенной книге лишь жалкое, в полторы строчки, упоминание о походе 1186 года); 1195 год — поход на Киев; 1197 год — поход на Ольговичей.

Но самое интересное в другом. Если составителям легенды нужно было отметить победоносные

походы Всеволода на половцев, то ведь в его реальной биографии они были. В 1199 и 1205 годах он совершает свои знаменитые походы на половцев, подробно описанные в летописи.

Почему же составителям Степенной книги потребовалось все это опустить, почему им «не подошли» рассказы о подлинных победах над половцами и почему надо было связать имя Всеволода именно с походами 1184–1185 годов, к которым он не имел отношения?

Заметим при этом, что на всем протяжении Степенной книги не встречается ни одного — подчеркнем: ни одного! — другого случая вымышленного похода какого-либо князя на половцев.

Мы не смогли бы объяснить, чем руководствовались составители Степенной книги, поступая таким удивительным образом, если бы до нас не дошло Слово о полку Игореве.

Составители Степенной книги очень ясно показали, в какой связи им понадобился вымышленный рассказ об участии Всеволода в походах 1184–1185 годов. Этот рассказ составляет целую главу, содержание которой выражено в ее названии: «О добродетелех самодержьца и о знамени на небеси, и о победе на половецы и о зависти Ольговичев и о милости Всеволожи».

Как видим, интересующий нас сюжет понадобился как решающая иллюстрация добродетелей Всеволода. Дальше идет главная во всем повествовании о Всеволоде характеристика его деятельности:

«Богохранимый же великий князь Всеволод Юрьевич, благоденственно пребывая во граде Владимире и правя скипетром Руського царствия... и всему множеству Владимировых сродником своим старейшинствуя... Аще же некогда нецыи от сродних его завистию побеждахуся и бранию к нему прилежахуся, он же противу их вооружашеся и междуусобному

кроволитию быти не даваше, но своим благосердным долготерпением и медленным пожатием брань утешаше и братолюбие составляше, господоначалие и прочая грады руския и всех праведно управляя. И все послушаху его и покоряхуся ему».

С точки зрения того, что здесь сказано, Слово о полку Игореве является произведением абсолютно еретическим. Слово с огромной силой рисовало совершенно обратное тому, что хотели утвердить московские книжники XVI в. В самом деле: в Слове Всеволод вовсе не общерусский самодержец, а один из многих князей. Но что еще хуже — первым по значению среди русских князей провозглашается «великий, грозный» Святослав Киевский. В Слове Всеволоду брошен прямой упрек — «не мыслю ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти!» — упрек в равнодушии к киевским делам, в частности, к борьбе южнорусских князей с половцами.

Все это как нельзя больше противоречит создаваемой Степенной книгой легенде о Всеволоде — общерусском самодержце, о Всеволоде, дарующем «во одержание» киевское господоначалие, о Всеволоде, возглавляющем борьбу с половцами. Все это требует ответа и опровержения в официальном памятнике, который должен отныне на века покончить с прежними «заблуждениями» и утвердить единственно «правильную» версию истории Руси. Прежде всего надо было развенчать Святослава Киевского, вознесенного Словом на высоту действительно незаслуженную. И развенчать не вообще, а именно в той роли, в какой его превознесло Слово. И мы читаем в Степенной книге удивительный рассказ о знаменитом победоносном походе князей на половцев накануне похода Игоря, организатором которого был, оказывается, вовсе не Святослав Киевский, а Всеволод Суздальский. В походе участвует князь по име-

ни Святослав Всеволодович, но вовсе не тот, что на самом деле, а сын Всеволода, якобы посланный своим великим отцом. Зато в отношении Владимира Глебовича, являвшегося родичем и подручным Всеволода, сохранен правдивый летописный рассказ вместе с описанием его геройских дел. В летописи были перечислены по именам еще шесть князей, пошедших вместе со Святославом Киевским. В Степенной книге все эти имена скрыты за формулой — «и иных князей шесть». Это сделано для того, чтобы скрыть южнорусский состав участников похода и создать впечатление, что поход и по составу участников был владимиристо-суздальским. Дальше идет довольно точный пересказ летописного описания похода, повторяющий даже явно ошибочную цифру летописи о 417 половецких князьях, захваченных в плен. Закljučается рассказ следующими словами: «Сиде преславно победу даруй бог православному, на поганя враги ходящих по повелению старейшего им самодержателя, богохранимого Всеволода».

Так официальные книжники XVI в. зачеркнули гениальные строки Слова: «...отец их — Святослав — грозный, великий киевский грозою бьашеть притрепал своими сильными плъки и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъмы и яругы, взмути реки и... болота. А поганого Кюбьяка из луку моря от железных великих плъков половецких яко вихрь, выторже... Ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу Святославлю...».

Степенная книга «славу Святославлю» переписала на «самодержца» Всеволода Суздальского.

Теперь предстояло опровергнуть другой, недопустимый с точки зрения составителей Степенной книги момент Слова — прямой упрек Всеволоду в равнодушии и бездействии по поводу поражения князя Игоря. И вот вслед за описанием победы князей, яко-

бы «ходящих по повелению... Всеволода», идет рассказ «О зависти Ольговичев и о милости Всеволожи»:

«Егда же сему позавидеша Ольгови внуцы, и кроме Всеволожа повеления, уповающе собою, идоша на половьцы и многу сотвориша победу и за Дон устремишеса в самые луки моря, хотяще до коньца победити их... и в Лукоморие словохотием приидоша. Благосердый же самодержец Всеволод умилосердися о них и, богом подвизаем, сам подвижеса на половцы, всячески тыщашеса свободити плененных своих. Половцы же и с вежами своими бежа к морю».

Оказывается, автор Слова лукавил, когда писал о Всеволоде: «Не мыслю ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти?» Всеволод тотчас пошел выручать Ольговичей, то есть Игоря и его родичей, когда, «позавидеша» Всеволоду и «кроме его веления», они пошли на половцев. Связь между именем Всеволода и походом Игоря, родившаяся в мозгу автора Слова, — «не мыслю ти прилетети издалеча...» — нашла, как видим, в XVI в. отклик в виде решительного опровержения. Интересно, что слова «половцы же и с вежами своими бежа к морю», заключающие вымышленный рассказ о походе Всеволода на помощь Игорю, сами по себе не вымышлены. Они взяты составителями Степенной книги из рассказа Лаврентьевской летописи о походе Всеволода на половцев в 1199 году. Это ясно показывает, насколько сознательно, с какой тонкостью в стремлении создать впечатление правдоподобия проводили составители Степенной книги подмену подлинных фактов желательной для них версией.

Книжники XVI в. решили защитити от обвинений в бездействии, выдвинутых в Слове, еще одного князя, который так же, как и Всеволод, в действительности не имел к этому событию никакого отношения и только по воле автора Слова оказался вме-

сте со Всеволодом в числе князей, очерченных широким кругом авторского к ним обращения.

Цитированный выше рассказ о том, как Всеволод ходил выручать Ольговичей, продолжен таким образом: «...князь же Романъ Мстиславичъ Галичскій, внук Изяславль, правнук Мстислава Владимировича Маномаша, взя вежи половецкія и множеству плена християнскаго возврати».

На вопрос — почему из трех «больших» князей, к которым обращался автор Слова, в Степенной книге дано отпущение «греха» только Роману и Всеволоду, а Ярослав Осмомысл не упомянут — ответ дан в самом тексте: Роман потомок Мономаха. К тому же он родственник Всеволода.

Отношение между Словом о полку Игореве и легендой о Всеволоде такое же, как между голосом и эхом. Второе не может возникнуть само по себе — оно отголосок первого, но отголосок искаженный.

Поход Игоря Святославича на половцев в 1185 году относится к числу тех военно-исторических событий, громкая слава которых создана не мечом, а пером. Таких походов перечислена в русских летописях не одна сотня. «Частный факт военной неудачи» — вот что такое, по справедливому выражению Н.К.Гудзия, поход Игоря в степь. И тем не менее в истории Древней Руси не много таких военных событий, к которым в течение веков было бы приковано столько пытливого внимания, сколько к незначительному походу Игоря. Такова сила художественного слова, «свивающего славу».

Автор Слова был первым, кто в описании данных событий поднялся до понимания общерусских задач и интересов.

Придание походу Игоря значения центрального события русской жизни и установление связи между этим походом и именами таких русских князей,

как Всеволод Суздальский, Роман Волынский или Ярослав Осмомысл, является результатом индивидуального творческого акта художника — автора Слова о полку Игореве, существует только в рамках его произведения и только для тех, кто его читал.

Официальные книжники XVI в. признали силу Слова о полку Игореве самым фактом того, что в выборе материала для своего построения пошли не за действительностью и документами, а за автором Слова, выбравшим поход Игоря основой своего повествования. Не считая возможным пройти мимо Слова, они выступили против изображения его автором трех весьма значительных героев. Если он гиперболизировал роль Святослава Киевского в происходивших событиях, то они ее вовсе зачеркнули. Если он с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману, то они сочинили версию об их решающем участии в событиях.

Слово о полку Игореве не только в этих пунктах, но и в целом должно было прийти не по душе составителям Степенной книги. Оно наиболее ярко из всех памятников древности запечатлело картину разобщения и междоусобиц, которую сочинители Степенной книги старались скрыть и заменить картиной единой державы. Оно возмущало их своим пренебрежительным отношением к Владимиру Мономаху, родоначальнику царствующего дома.

Сказанное позволяет сделать вывод: появление в официальном памятнике XVI в. вымышленного рассказа об исторических событиях XII в., являющегося прямой контрверсией Слову о полку Игореве, рассказа совершенно непонятного и немыслимого независимо от этого памятника, доказывает, что Слово о полку Игореве было хорошо известно составителям Степенной книги.

Этим еще раз доказывается несостоятельность точки зрения о том, что Слово — подделка XVIII в.

Парламентаризму — нет!

Было в идеологической подготовке перехода к единовластию и другое, может быть, самое главное направление.

Поползновения собственных подданных на полноту царской власти могли найти опасное подкрепление в дурных, по мнению Грозного, примерах государственных устройств в других монархиях. Царя Ивана IV постоянно и неотступно преследовал кошмарный, в его представлении, призрак парламентаризма. Впрочем, только ли призрак?

Стоило царю обратить взор на Запад, и перед глазами вставали те самые системы государственного устройства, которых он во что бы то ни стало хотел избежать в своей стране. В зависимом от дворянства положении находилась королевская власть в Швеции. Английская королева должна была обсуждать свои государственные дела в парламенте. От воли парламента во многих важнейших вопросах, таких как финансы, объявление войны и заключение мира, зависели и французские короли. Различного рода палаты и форумы управляли республиками в Италии.

«А о безбожных языцех, что и глаголати! — пишет царь Курбскому. — Понеже те все царствами своими не владеют: како им повелят работные их, и тако владеют». По мнению Грозного, от такого порядка (ограничивающего власть самодержца) хорошего ждать не приходится. «...А в государской воле подданным взгоже быти, а где государской воли над собой не имеют, тут яко пьяны шатаютца и никоего

же добра не мыслят». Только сильная власть самодержца может, как утверждает царь, спасти страну от междоусобных войн: «Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же от междоусобных брани не перестанут».

В шести словах Иван Грозный сумел выразить основную социальную сущность своего отрицания представительной системы правления: «Тамо особь каждого о своем печеся...». Вот в чем, по его убеждению, корень зла всякой демократии. Соответственно единовластие государя, неподвластного чьим бы то ни было частным или сословным интересам, является единственной действительной гарантией соблюдения всегда и во всем только общегосударственных интересов. Самодержавие — истинный представитель не «особь каждого» и не отдельных сословий, а «всей земли». «Со дня творения» самодержавия устами первого царя высказано утверждение, которое затем будет постоянно внедряться в сознание поколений царских подданных, утверждение о надклассовой сущности самодержавной власти, являющейся будто бы представительницей всенародных интересов. Неограниченная власть оказывалась, таким образом, воплощением столь желанной всеми «правды».

Царь искренне верит, что народовластие или хотя бы его подобие — нечто безобразное по сравнению с властью самодержца, руководимого одной лишь силой провидения. «Мы же уповаем на милость божию... и, кроме божия милости и пречистыя Богородицы и всех святых, от человек учения не требуем, ниже подобно есть, еже владети множества народа от инех разума требовати».

Грозный «убивает» Курбского иронией, заключенной в вопросе: «Ино се ли совесть прокаженная, яко свое царство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? Или се ли сопротивен ра-

зумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладенному?»

Немало полемических усилий затратил Иван Грозный на доказательства тезиса: и церковь тоже не смеет покушаться на государственную власть. «Или мниши сие быти светлость и благочестие, еже обладатися царству от попа невежи, от злодейственных и изменных человек, и царю повелеваему быть? — с явным сарказмом спрашивает царь Курбского. — Нигде же обрящеши, еже не разорится царству, еже от попов владому».

Он приводит множество примеров гибели различных царств, где управляли священники — «попы». Из-за них, утверждает Грозный, погибли Израиль, Рим и Византия. Обзор примеров на эту тему он заключает выводом: «Смотри же убо се и разумей, какво управление составляется в разных начелех и властех, понеже убо тамо быша царие послушные епархом и сигклитом, и в какову погибель приидоша, — пишет он Курбскому. — Сия ли убо нам советуеши, в еже таковой погибели приитти?»

По мнению Грозного, православная вера исключает поддержку церковью притязаний подданных государя на власть. «И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанному и повеленному быти?»

Всемирная история была для Грозного неисощимым арсеналом аргументов против ограничения власти монархов, к которому он неустанно обращался. В первом послании Курбскому царь в наиболее законченном виде излагает свою собственную историческую концепцию всемирной истории от империи Августа до падения Константинополя. В ней все подчинено единой мысли, все служит доказательству главного опыта мировой истории, как его понимал Грозный: при единодержавии царства процветают, при самоуправстве знати они падают.

Но Иван Грозный опасается не только «самоуправства знати», он опасается попыток ограничения единодержавия со стороны более широких социальных слоев, чем феодальная верхушка. Его представление о надклассовом (надсословном, поскольку понятием «класс» он не располагал) характере самодержавной власти имеет своей обратной стороной представление о надклассовом (надсословном), всеобщем характере оппозиции, способной угнездиться в любых слоях общества. Угрозу самодержавию, как это очевидно из его сочинений разных лет, Грозный видит со стороны различных сил.

Одна из них — удельная фронда, выступающая с позиций старинных прав, привилегий и обычаев, с позиций «вчерашнего дня». Поскольку борьба против «ленивых богатын» и «изменных бояр» находила понимание и поддержку всех неаристократических слоев населения, царская пропаганда сознательно «обояривала», именovala боярскими добродетелями и соучастниками боярских заговоров всех, кого обвиняла в измене или «не прямой» службе царю. Этот маневр имел успех не только у современников Ивана Грозного, но и у ряда историков.

Самодержавие видело перед собой и другую фронду, иного социального происхождения, с иными социальными целями. Слой недовольных то и дело порождала служилая масса с ее постоянными требованиями жалования и притязаниями на земли, на привилегии, с ее стихийными вооруженными выступлениями, с ее мятежными колебаниями в моменты выступлений царского войска в походы. Служилая масса была главной политической и военной опорой самодержавия, его социальной базой. Именно поэтому ее необходимо было организовать и укрепить. Иначе говоря, служилая масса, с точки зрения самодержавия, нуждалась не только в хорошем

«корме», но и в «обуздании», в приведении к полной покорности, наподобие верного боевого коня, который несет своего седока, подчиняясь каждому движению повода, хорошо «чуя господскую волю». Чтобы добиться такого положения, необходимы были немалые усилия.

Из незаметного служилого люда Адашев и Сильвестр создали огромный и разветвленный аппарат государственных чиновников, воплощавший в жизнь политику реформ фактического правительства. Между тем, как утверждает Грозный, приказный аппарат приобрел самодовлеющее значение и не был тем беспрекословно послушным рычагом в руках царя, каким он хотел его видеть.

В летописном рассказе об отъезде царя из Москвы и об учреждении опричнины неоднократно подчеркнуто, что он положил свою опалу не на одних бояр, но и на «околничих, на казначеев, и на дьяков, и на детей боярских, и на всех приказных людей». Формула «все приказные люди» без единого случая пропуска слова «все» фигурирует в этом рассказе шесть раз в одном и том же контексте: все они «делали измены и... были государю не послушны». Именно поэтому царь отобрал для себя новый аппарат — бояр, «дворян ближних», приказных людей, дворян и детей боярских «выбором изо всех городов», которым приказал ехать с собою в Слободу, в новый «особной» двор.

Нельзя рассматривать изолированно от проблемы взаимоотношений царя со служилой массой постоянные нападки Ивана Грозного на государственное устройство Польши. Польша, непосредственный сосед Московского государства, была образцом полного бессилия короля перед шляхтой, «страной классической феодальной разнузданности, где «вольное» анархическое вето шляхтича-одиночки, — как отмечал И.И.По-

лосин, — срывало любую благотельную для государства реформу». Король на польском престоле был не «помазанник божий», а избирался шляхтой.

По этой причине польский король Сигизмунд II Август был главным объектом нападок и презрительных насмешек царя: «...еже ничем же собою владеюща, но паче худейша худейших рабов суца, понеже от всех повелеваем, а не сам повелевая...», — так писал о нем царь в 1564 году в своем «отвещании» Курбскому. Так же писал он и самому Сигизмунду II от имени боярина М.И.Воротынского в 1567 году. В послании, написанном царем пану Григорию Ходкевичу от имени того же боярина М.И.Воротынского, варьируется та же тема.

Едва только Грозному в 1581 году показалось, что нанесший ему поражение в Ливонии новый польский король Стефан Баторий испытывает трудности и что военное счастье может ему — Баторию — изменить, как он тотчас включает в свое послание к нему (в котором добивается мира!) иронический намек, указав в своем титуле: «...царь и великий князь всея Руси... по божию изволению, а не по многомятежному человечества хотению».

Все эти уничижающие, по мнению Грозного, характеристики польских королей, не обладающих властью над своей шляхтой, отнюдь не были беспочвенными и преувеличенными. Еще до конституции 1505 года польский король ничего не мог предпринять без вольного сейма, сообщает И.И.Полосин. Сигизмунд II Август в те самые годы, когда Грозный установил опричнину, тщетно боролся с сеймом — с вельможами и шляхтой за право создать свои собственные королевские владения. Люблинский сейм 1569 года вынудил его отказаться от идеи создания «опричных», то есть не контролируемых сенаторами (боярами) и сеймом (шляхтой) владений.

С полным презрением относится Грозный и к шведскому королю: «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичий род, а не государьской». Царь Иван ни за что не хотел быть «старостой в волости», каковым представлялся ему король шведский, замечает И.И.Полосин.

В письме, написанном в 1570 году английской королеве Елизавете, Грозный, пожалуй, наиболее четко формулирует свое абсолютное и бескомпромиссное неприятие системы правления, вынужденной считаться с парламентом: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь, и своей государьской чести смотришь, и своему государству прибьтка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государьских головах, и о честех, и о землях прибьтка не смотря, а ищут своих торговых прибьтков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». Раздражение Грозного было столь велико, что нашло для себя выход не в одной лишь брани. «А мужики торговые, которые оставили наши государьские головы, и нашу государьскую честь, и нашим землям прибьток, а смотря своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А московское государство покаместо без аглинских товаров не скудно было», — пригрозил он английским купцам.

Гнев Грозного против английских парламентариев — «торговых мужиков» отнюдь не был свободен, очевидно, от опасения, как бы на подобное вмешательство в «государьские дела» не покусились их партнеры — русские «торговые мужики».

Постепенно мужая и укрепляясь в убеждении, что он является единственным и непререкаемым властелином, наместником самого Бога на русском царстве, Иван IV все более отчетливо выработывал в себе

представление о том, что политический компромисс, в котором он вынужден был до поры до времени участвовать, являлся формой слияния разрозненных оппозиционных сил воедино, сговором его политических противников между собой. Адашев и Сильвестр, энергично старавшиеся «примирить к себе» виднейшие княжеские роды, защищавшие интересы служилых людей и верхов посада, неизбежно должны были стать и стали для Грозного, фанатически стремившегося к установлению действительного самодержавия, лютейшими врагами, «всего зла соединителями». Четко и ясно сформулировал царь в письмах к Курбскому суть своего конфликта с ними: «Ни едины власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша. Посем же с тем своим единомысленником от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша... ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утверждения по своей воле и своих советников хотение творяще», «...всю власть с меня снясте, и сами государилися, како хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел...». Между этими заявлениями прошло тринадцать лет. Первое относится к 1564-му, второе — к 1577 году. Как видим, обвинения царя в адрес бывших советников не изменились ни на йоту.

Грозный утверждает, что, по сути, был уже сведен своими советниками на положение, подобное положению польского короля или любого другого монарха, власть которого ограничена его думцами: «Или убо сие свет, яко попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царскою честью почтенну быти, властью же ничим же лучши быти раба?.. Како же и самодержец наречется, аще не сам строит?»

Как итог, как общий вывод всех обвинений царя

против бывших своих советников звучат слова: «Понеже бо есть вина и главизна всем делом вашего злобесного умышления, понеже с попом положисте совет, дабы яз лиш словом был государь, а вы бы с попом во всем действе были государи: сего ради вся сия склочишася».

Итак, Иван Грозный обвиняет Адашева и Сильвестра в сговоре — утвердить в Русском государстве систему ограниченной монархии, где царь «почтен» лишь «председанием», обладает лишь номинальной властью, в то время как власть реальная находится в руках его советников. Вот в чем, по ясному и неоднократному его утверждению, «главизна всем делом». Вот в чем причина всего, что «склочишася» между царем и его бывшими советниками, причина распада политического компромисса и начала «войны» между ним и его подданными.

Не приходится искать для объяснения причин этой «войны» оснований более серьезных, чем борьба вокруг вопроса — быть или не быть самодержавию. Здесь и лежит ключ к разрешению «загадки» опричнины.

Одновременно с высказываниями против всякого ограничения своей власти и неотрывно от них, Грозный говорит и о средствах для воплощения самодержавной власти и для ее защиты. Обоснование своего права на неограниченную власть он постоянно сопровождает обоснованием права самодержца на неограниченный террор.

Власть, по мнению царя, должна внушать всем покушающимся на нее страх. «Хощеш ли бо не бояться власти? Благое твори; аще ли злое твориши — бойся, не туне бо меч носит, в месть убо злодеям, в похвалу же добродеем», — пишет он Курбскому.

Бояться власти должны все подданные независи-

мо от их общественного положения: «...дати слабость вельможе — ино и простому», — поучает царь. Он делит подданных только на две категории: на «благих» и на «злых», на преданных ему и на изменников. Жалование первых и наказание вторых — главная добродетель христианского царя: «...а наш государь, его царское величество, как есть государь истинный и православный христианский... и благим жалование подают, а злых наказует».

Грозный вовсе не считает себя, как это принято утверждать, врагом боярства как такового. Бояре, как и все прочие группы и сословия подданных, делятся на «наших» бояр, «угодных», то есть преданных, и «наших» же бояр, но мятежных и изменных: «И тако ли доброхотно подобает нашим боляром и воеводам нам служити, еже такими собраниями собацкими, без нашего ведома, боляр наших побивати, да еще в черте кровной нам». Итак, «нашими» обязаны быть все, но не все таковыми являются на самом деле.

Необходимость государственного террора для утверждения власти самодержца Грозный подтверждает ссылками опять-таки на международный опыт и опыт истории. «А в ыных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая: тамо не по здешнему! То вы своим изменным обычаем утвердили изменников любить, а в ыных землях израдец не любят: казнят их да тем и утверждаютца...», — пишет царь Курбскому в 1564 году. «А государь наш, как есть государь правый христьянский, всех жалует по достоинству и по службам, а государство свое бережет крепко от всякого лиха, а виноватых и израдец везде казнят», — повторяет он в послании к Сигизмунду II Августу от имени боярина И.Д.Бельского в 1567 году. «А и во всех землях зрадцов казнят», — вторит он себе и в послании Г.А.Ходкевичу от имени боярина М.И.Воротынского.

Вековая история Руси также неоднократно используется Грозным для обоснования права государя на террор: «А наши великие государи, почен от Августа кесаря обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя его царьского самодержьства, все государи самодержьцы, и никто же им не может указу учинити и вольны добрых жаловати, а лихих казнити».

В подобных заявлениях царя о том, как якобы выглядела история московских государей, звучат прямые указания официальным книжникам, как им следует изображать прошлое Руси.

Подтверждение своему тезису о том, что подданных надо держать в постоянном страхе, Грозный находит и в писаниях церковных авторитетов: «Яко же рече апостол: «Овех убо милуеши разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе». Видишь ли, яко апостол страхом повелевает спасти?» — далее он ссылается на Иоанна Златоуста, Афанасия Великого и апостола Петра.

Послание Курбскому идеологически подготавливает переход к политике неограниченного самодержавия, опирающегося на специальный аппарат осуществления царской воли с помощью неограниченного террора против всех «безсогласных». Царь очень ясно определил, в чем состоит основное содержание письма Курбского к нему: «Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бо составной грамоте писал еси, похваляя еже рабом мимо господий своих владети». Соответственно он резюмирует суть своего ответного послания: «Тщужесе со усердием люди на истину и на свет наставити, да познают единого истиннаго бога... и от бога данного им государя».

Слово и дело

Опричнина... Характеризуемая этим словом система политических и экономических мер, потрясшая современников и оставившая по себе громкую, хотя и разноголосую славу в веках, — была важнейшим делом жизни Грозного царя.

Изучение исторических явлений начинается обычно с изучения их корней, уходящих в прошлое. Исследование опричнины оказалось в этом смысле в исключительном положении. Некоторые историки полагали, что у опричнины корней в прошлом не было, поскольку она являлась творением искусственным, возникшим по маниакальной прихоти царя Ивана IV. Другие объясняли ее появление единственной причиной — усилением борьбы против утверждающегося самодержавия со стороны удельной фронды и необходимостью дать ей отпор. Объяснение, как показывают факты, по меньшей мере недостаточное.

Такому подходу к изучению опричнины способствовало традиционное представление, берущее начало в сочинениях А.М.Курбского, будто предшествующий ей исторический период во всех отношениях опричнине только противостоял, подобно тому как добро противостоит злу, а солнечный свет крошечной тьме.

Что же касается руководителей фактического правительства — Адашева и Сильвестра, их опять же с легкой руки Курбского изображали некими антиподами опричной политики и, само собой разумеется, отсекали от всякого участия в формировании идеи опричного порядка. Да и сам Иван IV того периода изображался по этой схеме абсолютным антиподом самому себе.

Период деятельности правительства компромисса и в самом деле может быть охарактеризован как

период многих благотворных реформ, которые в памяти большинства современников и потомков не могли не вызывать одобрения. Вместе с тем многие реформы и установления фактического правительства, направленные на укрепление централизованного государства, объективно явились ступенями, которые в перспективе вели к опричнине, создавали предпосылки и условия для перехода к ней.

Уложение о службе 1556 года установило прямую зависимость земельного обеспечения служилого человека от государевой службы. Без этого переход к земельной политике опричнины был бы невозможен. Установление прямой зависимости между «количеством» службы (один вооруженный воин со 100 четвертей земли и т.д.) и земельным владением служилого человека любого ранга неизбежно влекло за собой зависимость между «качеством» службы — верностью, преданностью, храбростью — и тем же земельным владением.

Указом 1550 года был заложен принцип, который лег затем в основу формирования опричного корпуса, принцип «выбора из всех городов» «лутчих слуг», выбора, свободного от оглядки на родовитость княжат, на заслуги старомосковских родов. Дворяне «по выбору» рекрутировались в основном из именитых городских служилых людей.

Фактическое правительство провело значительную реорганизацию царской военной и административной служб. Мероприятия в этой области можно разделить на два основных вида: первый — превращение всего класса землевладельцев независимо от размера владений и родового достоинства в служилую массу, второй — создание конкретных форм централизованного военного и административного управления.

Создание в конце 40-х годов Челобитенного прика-

за придавало всей системе взаимоотношений подданных с государством и государства с подданными законченный вид. Было декларировано и внедрено в практику положение, при котором государственная власть становилась могучим союзником любого жителя страны против сановника любого ранга, допустившего злоупотребление. Соответственно и «все христиане», «кто ни буди», становились союзниками верховной власти, проникались верой в ее высшую справедливость. Таким образом, уже здесь, в начальный момент становления царизма, в народную почву были заброшены зерна наивной веры в «царя-батюшку».

Вместе с тем основание Челобитенного приказа таило в себе отрицание того самого сословно-представительного начала в устройении государства, к которому стремились многие участники политического компромисса. Существование Челобитенного приказа создавало впечатление, будто справедливость и правду для всех обеспечивает сам царь с помощью назначенной им для этого администрации. И чем прямее будет путь до царя, чем менее плотно будет он окружен всевозможными «думами» и «палатами», состоящими в основном из тех же «богатых» и «сильных», которые «чинят всяческие продажи» людям «низшим», тем ближе к защите своих интересов эти «низшие» окажутся. Если царь — источник справедливости для всех подданных, всякое ограничение его власти явится ограничением его возможностей эту справедливость творить, будет на руку тем же «сильным» и «богатым». Подобного рода представления московских посадских людей сыграли не последнюю роль в том, что в момент установления опричнины царю так легко удалось поднять их на свою защиту против всех покушавшихся, как он утверждал, на его единовластие — против Бояр-

ской думы, против правительственных чиновников и даже против церковных иерархов.

Ярко выраженный противоречивый характер имели и публицистические выступления руководителей фактического правительства. В них постоянно соседствуют мотивы непомерного возвеличения царя в качестве самодержца с мотивами ограничения самовластия «мудрыми советниками», всяческого обуздания царской воли.

Призывы Адашева и Сильвестра, направленные на то, чтобы одновременно с усилением самодержавия его ослабить, «встроить» в него препятствия, ограничивающие установление единодержавной власти царя, носили идиллический, точнее сказать, утопический характер. Напротив, усилия, направленные на укрепление самодержавия, независимо от различных субъективных намерений и устремлений тех, кто их предпринимал, вливались в единое русло, в единый процесс реального укрепления царской власти.

Кто бы позднее ни «нашептал» царю идею создания опричнины, Алексей Басманов или жена-черкешенка Мария Темрюковна (подобные объяснения «корней» опричнины встречаются в литературе), впервые эта идея была высказана публицистами правительства Адашева—Сильвестра—Ивана IV. В Сказании о Магмете-салтане прямо говорится о необходимости создать специальные воинские части для охраны внутренней безопасности государства. «Царь же турецкой умудрился — на всяк день по тысячи янычан при себе держит, гораздых стрелцов огненныя стрелбы, и жалование им дает — алафу по всяк день. Для того их близко у себя держит, чтобы ему в его земли недруг не явился и измены бы не учинил. А инья у него верныя любимыя люди, любячи царя верно ему служат, государю, про его царское жалование».

Предложенная здесь модель охранного корпуса,

состоящего из преданных (за хорошую плату) воинов, во многом похожа на опричнину. Призыв к делению служилого сословия на «любимых», «верных» и на всех остальных, к делению, сопровождавшемуся особым царским жалованием, основой которого был земельный оклад, по существу предусматривает будущий опричный передел земельных владений в пользу «верных» и «любимых» за счет прочих — не усердных и не верных.

Фактическое правительство осуществило ряд практических мер в духе этих предложений, в том числе создание личной вооруженной охраны царя — трехтысячного корпуса стрельцов «огненные стрельбы».

Причина разрыва и яростной, не оставлявшей Ивана Грозного до гробовой доски ненависти к своим бывшим советникам и к их единомышленникам была значительно глубже, чем то или иное конкретное расхождение даже по весьма важному политическому вопросу. Царь формулировал эту причину неоднократно. Речь идет о бескомпромиссной войне, объявленной самодержавием в лице первого царя Ивана IV политическим силам, которые олицетворяли тенденцию ограничения самодержавия той или иной формой представительства. Власть на местах, отданная на откуп выборным «чинам», — где «излюбленным» старостам, избранным «от простого всенародства», а где и дворянским губным старостам, — как бы изымалась из царских рук. Логика развития земских учреждений и созданных по всем градам и весям судов, являвшихся представительными учреждениями в миниатюре, вела в перспективе к становлению и укреплению представительных учреждений и в высших сферах государственной власти.

Сохранение положения царя в качестве почетного подопечного своих советников — положения, сложившегося в период его юности и политической незрелости

сти, — грозило стать нормой взаимоотношений царя с его правительством. Дальнейшее развитие централизованного государства в условиях сохранения этого положения вело бы ко все большему закреплению несамостоятельности царя в управлении страной, к той или иной форме раздела власти между государем и его подданными. Формы подобного раздела в избытке демонстрировала Европа. Наиболее пугающим Грозного примером неполновластия монарха была Польша, где шляхта фактически управляла страной. Предотвращение такого развития требовало решительных действий. И царь «за себя встал».

Выехав в декабре 1564 года из Москвы в Александровскую слободу, царь объявил, что покидает свое царство потому, что «бояре и все приказные люди» чинили всяческие убытки и населению страны, и государству, а «понаказати» их ему мешали.

«И в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, так же и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотреть, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложася с бояры, и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людми, почали по них же государю царю и великому князю покрывати».

Далее в сообщении летописи об установлении опричнины четыре раза повторен ультиматум царя всем перечисленным духовным и светским чинам. Исполнение его было единственным, но непременным условием его возвращения на царство: «Хто будет государские лиходеи которые изменные дела делали, и в тех ведает бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля...», и чтобы царь «государствы владел и правил, яко же годно ему...».

Нетрудно заметить, что те же самые тезисы порой в дословных формулировках царь излагал в письме Курбскому.

Можно сказать вполне определенно: в летописном рассказе об учреждении опричнины и в самом указе об ее учреждении, переданном летописью, нет ни единого тезиса, ни единой мысли, которые не были бы уже высказаны в политической публицистике, прежде всего в сочинениях самого царя. Иначе говоря, указ об учреждении опричнины, излагающий причины, вынудившие царя на эту меру, является документом, завершающим идеологическую подготовку опричнины, начатую еще в Челобитной, написанной от имени Пересветова. Вместе с тем этот указ открывает новую полосу апологии опричнины как опоры самодержавия, оправдания ее в качестве учреждения.

Соответственно в более поздних сочинениях царя тезисы и формулировки, обосновывающие введение и поддержание опричного порядка, будут повторяться в целях утверждения и оправдания уже происшедшего перехода к единовластию.

Теория (апология) самодержавия Ивана Грозного, формулированию и отстаиванию которой он уделил столько внимания, пронизана идеей опричнины. Она предполагает разделение государевых слуг на тех, кто «служует близко», и на тех, кто не столь надежен и «служует отдале». Первые «служуют близко» к царю для того, чтобы охранять его от «лиходеев», чтобы неусыпно и беспрекословно выполнять царскую волю, быть, по существу, аппаратом ее воплощения.

Мысль царя о методе создания такого аппарата и до учреждения опричнины и во время ее существования работала в одном направлении. Корпус верных слуг, с помощью которых можно защитить себя и свою власть от покушений окружающих его и ненадежных «сигклитов», следует пополнять из худородных низов. Сам факт возвышения служилого человека «из грязи в князи» должен, по мнению Грозного, навечно привязать его к царю как верного и преданно-

го слугу. Наиболее ярко ход мыслей царя проявился как раз в тех случаях, когда он сетовал на то, что эти «новые люди» обманули его ожидания. Вспомним, как объясняет царь задним числом накануне опричнины обстоятельства возвышения А.Ф.Адашева. «Нам же такая измены от вельмож своих видевше, и тако взяв его от гноища и учиних с вельможами, а чаючи от него прямые службы». Абсолютно по той же схеме излагает он в письме к Василию Грязному в 1574 году причину приближения к себе как самого Грязного, так и других опричников из «худородных»: «...ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре учали изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

Отсюда отнюдь не следует, что Грозный создавал свой аппарат власти из одних худородных. В опричнине на самых высоких постах служили и родовитые князья. Важно, однако, другое. Родовитые в опричнине были «прослоены» худородными. Такая система снижала значение родовитости как таковой и поднимала до небывалой в прежние времена высоты людей, взятых из служилой массы, порой из самых ее низов.

Переход к единодержавию произошел не сразу. Первым шагом в этом направлении был разгром верхушки фактического правительства, изгнание и осуждение Адашева и Сильвестра.

Источники единогласно говорят о том, что уже к 1560 году царь в борьбе против своих бывших союзников опирался на крепко сплоченную когорту преданных ему людей и на вполне надежный вооруженный отряд, состоявший из «лутчих слуг». Именно тогда царь, по выражению А.Курбского, «учинив уже окрест себя яко пресильный полк сатанинский». Уже тогда будущие опричники осуществляли тер-

пор против сторонников Адашева и Сильвестра. Весьма показательно, что обыск в доме умершего Адашева и арест его бумаг производил будущий опричник А.П.Телятевский. По свидетельствам Курбского и самого царя, многочисленных сторонников Сильвестра и Адашева преследовали и изгоняли со службы. Их заменяли преданными царю людьми. В эти годы, следовательно, проходил интенсивный отбор новых слуг, нового состава царского двора, который стал в дальнейшем ядром опричнины.

В эти же годы складывался и своеобразный быт будущего опричного двора — шумные ежевечерние пиры сплоченной вокруг царя опричной братии. На неугодных и ненадежных, в первую очередь, на родственников и друзей членов Избранной рады, составлялись проскрипционные списки, в которых на равном положении опальных оказались представители титулованной знати, приказные и служилые люди. Начались казни. Все это вело к поляризации служилых всех рангов по отчетливо различимому признаку: «близкие» царю, верные, надежные люди и все остальные.

Важнейшим катализатором, ускорившим окончательный переход к единодержавию, была война в Ливонии. Она требовала сосредоточения командования в едином центре. В условиях войны едва ли не со всеми окружающими страну государства отъезд с царской службы и переход на службу к другому государю, еще недавно считавшийся исконным правом служилого феодала, неизбежно становился прямой военной изменой. Война создавала благоприятную обстановку для того, чтобы обвинить в неудачах, поражениях и прочих тяготах, ложившихся на плечи населения, воевод, думных бояр, дворян и приказных людей. Захватив инициативу в такого рода обвинениях, царь и его верные слуги могли управ-

лять всплесками народного гнева, придавая им удобное направление.

Что касается формы перехода к единовластию, она в значительной степени зависела от своего творца. Окажись на месте Грозного другой архитектор верхушечного политического переворота и перехода к реальному самодержавию, он, надо полагать, не придумал бы термина «опричнина»; возможно, обошелся бы без отъезда из столицы; вероятно, окружил бы себя другими Басмановыми и Малютами. Однако логика развития монархии в сторону установления единодержавия естественно и неизбежно вела к такому порядку, который по своей сути не мог быть ничем иным, кроме порядка опричного. В лице первого царя Ивана Грозного исторический процесс становления русского самодержавия нашел исполнителя, вполне осознававшего свою историческую миссию. Кроме его публицистических и теоретических выступлений об этом ясно свидетельствует точно рассчитанная и с полным успехом проведенная политическая акция учреждения опричнины.

До сих пор шла речь о долговременных факторах вызревания опричнины. К ним относятся и объективные моменты социально-политического развития Московского государства, и субъективные — такие, как постепенное превращение царя Ивана IV в творца опричнины Ивана Грозного, и такие, как многолетняя публицистическая борьба в пользу установления единодержавия. Это долговременное вызревание перешло в свой завершающий этап — в подготовку внутривластной акции — верхушечного государственного переворота с целью установить полную и твердую власть царя-самодержца. Конкретное наименование созданного в результате этого переворота порядка на его начальном этапе — *опричнина*. Более общее имя он получил позднее, в

эпоху подведения итогов исторического пути самодержавия, в эпоху революционной борьбы против него — *царский режим*.

Распоряжение царя своим приближенным о выезде зимой вместе с женами и детьми указывает на то, что место для их расселения было подготовлено. Сомнительно, чтобы детей ближних бояр и дворян предполагалось селить в походных шатрах или в избах попутных сел. Должно было быть предусмотрено и место для расквартирования царского войска.

Мы знаем, что для перевозки царской казны позднее, в 1572 году, потребовалось 450 подвод. Допустим, что в 1564 году объем казны был даже вдвое меньше. Это значит, что в том новом месте, где «бог наставит» царя вселиться, надо было иметь (подготовить) хранилище, чтобы сгрузить ценности более чем с 200 подвод. Вряд ли и сама царская семья собиралась разместиться в неблагоустроенном помещении и лишь потом начать «строиться». Хоромы дворцового типа для поселения царской семьи также должны были быть подготовлены заранее.

Не менее важно было обеспечить и политическую готовность к решительному выступлению.

Главным средством политической борьбы, которым Грозный постоянно пользовался для достижения своих целей, которым воспользовался и в период установления опричнины, было внесение раскола, а по возможности и прямой вражды в среду своих подданных.

В момент установления самодержавия его классовая сущность была особенно густо затушевана. Усиление господства класса феодалов происходило в форме ожесточенной борьбы внутри самого этого класса. Борьба самодержавия против носителей традиционных феодальных отношений выглядела на поверхно-

сти явлений как борьба антифеодалная и находила поэтому поддержку широких масс населения, в первую очередь верхов посада. В момент установления опричнины царская власть, прежде всего в лице самого Ивана IV, предпринимала энергичные усилия, для того чтобы этой поддержкой заручиться.

Царь никогда не забывал уроков 1547 года. Он хорошо знал, как могуча сила народного восстания против «брюхатых» «богатин», против бояр и вельмож. Тогда, в 1547 году, он сам был в том стане, на который обрушился народный гнев. Теперь, через двадцать лет, он имел у московского люда прочную репутацию борца против «сильных» и «хищных», репутацию борца за правду и справедливость. Он заслужил ее тем, что провел многие реформы, урезающие права «сильных». Теперь он смело мог искать «защиты» от своих изменников у посадского населения. И Грозный этим воспользовался. Царь, относившийся с нескрываемым презрением к «мужикам», «холопам», «рабам» и всяким «черным людам», не побрезговал включить посадский люд в свои политические расчеты в качестве важнейшего их слагаемого.

Расчет на то, чтобы в момент резкого нарушения политического равновесия положить на чашу весов такую могучую «гирию», как угроза народного восстания, был едва ли не вершиной политической стратегии Грозного.

Апелляция к московскому посаду была предусмотрена заранее. После отъезда Ивана IV из Москвы оставленные царскими приближенными агенты «смущали» московский люд именно в этом направлении — всячески накаляли страсти против бояр, непокорных дворян, думных людей и приказных. В летописном рассказе есть косвенные указания на то,

что после отъезда царя из Москвы его агенты вели соответствующую замыслам Ивана агитацию, сообщает С.Б.Веселовский.

Выбор момента для нанесения удара — предъявления ультиматума Боярской думе, князьям церкви, а также служилой и приказной фронде — в значительной степени определялся тем, насколько созрела, насколько была подготовлена масса московского населения к тому, чтобы безусловно и решительно встать на сторону царя в создавшейся конфликтной ситуации.

Занося над головами противников опричный «молот» — воинскую силу, сконцентрированную в Слободу, Иван Грозный подготовил и «наковальню». Все было рассчитано на то, чтобы сломить сопротивление старого государева двора, поставить на колени его руководящую верхушку и заставить сдаться на тех условиях, которые выставит царь. С нескрываемым торжеством описывает официальный летописец триумфальный успех этого замысла. Горожане твердо заявили, что защищать или поддерживать «лиходеев» и «изменников» они не намерены, они «за тех не стоят» и всякого, на кого им укажут, уничтожат своими руками — «сами тех потребят».

Уразумев, что верные царю «овцы» по первому зову своего «пастыря» — так именует царя его летописец — готовы их растерзать, «волки» сами согласились превратиться в «овец». Они безропотно признали за царем право по его усмотрению избирать любого из них на заклятие, сами же отказались от всяких прав, в том числе и от заступничества, от просьб о помиловании — от «печалования» за обреченного. Вместе с жизнью казненного царь получал в распоряжение и его имущество: «А которые бояре, и воеводы, и приказные люди дошли до государские великие измены, до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех

животы и статки взяти государю на себя. Архиепископы же, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь священный собор, и бояре, и приказные люди, то все положили на государьской воле».

Противники Грозного поспешно отправились в Слободу изъявлять ему свою покорность. Путь, который царь, не торопясь, проделал более чем за двадцать дней, они одолели всего за три.

«Государьская воля» была признана единственным источником власти и права. При этом всякий, кто в большей или в меньшей мере выражал несогласие с царской волей, доходил «до великие измены» или «до опалы», подлежал наказанию вплоть до смертной казни. В первую очередь это касалось «бояр, воевод, приказных людей» и церковников всех рангов, то есть власти законодательной, военной, исполнительной и церковной. Тем самым «государьская воля» признавалась единственным источником внутренней и внешней политики.

Под давлением обстоятельств, пишет Р.Г.Скрынников, дума и высшее духовенство санкционировали указ об опричнине, установивший в стране новый режим. Именно так: в стране был установлен новый режим — царский. Установление самодержавия совершилось.

Вполне очевидно, что подобный «общественный договор» не мог ни состояться, ни закрепиться без того орудия принуждения, которое сумело выковать утверждавшееся самодержавие, то есть без опричнины*.

* Слово «опричина» употреблялось лет за сто до Ивана Грозного. Происходит оно от слова «опричь», являвшегося в древнерусском языке синонимом слова «кроме». После смерти или гибели воинника на поле боя поместье, пожалованное ему за службу великим князем, забиралось в казну, *опричь* (то есть кроме) небольшого участка земли, достаточного для прокорма его вдовы и сирот. Этот остаток поместья и назывался опрични-

В начале 1570-х годов Грозный ополчился на верхи посада Новгорода, Москвы, Пскова, Твери и других городов как на еще одну силу, противостоящую неограниченной власти самодержавия.

Трудно представить себе что-либо политически более чуждое самодержавию, чем вечевого порядка правления в Новгороде, опирающийся на экономическую самостоятельность купеческих и промысловых верхов. Враждебным было отношение к московской великокняжеской, а затем царской власти и «меньших» людей — основной массы посадского населения Новгорода. Она, замечает Р.Г.Скрынников, была носителем «демократических традиций новгородской старины».

Масла в огонь подлили и события в Стокгольме, происшедшие накануне новгородского похода царя. Стокгольмский посад оказал поддержку мятежным силам королевича Иоанна, осадившим город, и отворил им ворота. В результате измены «стокгольмских посадских людей» союзник Грозного Эрик XIV был свергнут с престола.

Царь в конечном счете ликвидировал как политическую, так и экономическую независимость русских «торговых людей». Новгородскую торговую сторону он взял в опричнину силой. Вслед за новгородцами царь подавил «самовольство» в Пскове, расправился с непокорными из московских купцов. Верно оценив ситуацию, Строганов записался в оп-

ной. Инсценируя в 1564 г. бегство из Москвы, Иван Грозный назвал опричниной небольшой удел, в который он «удалялся от царствования». Вся страна — «земщина» оставалась согласно его уверениям в управлении Боярской думы. Сопроводивших его в этот удел стали именовать опричниками. Курбский, обыгрывая синонимичность слов «опричь» и «кроме», именует опричников «кромешниками» — обитателями ада, тьмы кромешной, а поэтому и опричное войско — «полком сатанинским».

ричину добровольно. В опричнине оказались купцы и промышленники северных районов страны. Таким образом, последний «островок» самоуправления (в представлении Грозного, самовольства) был подавлен силой опричнины.

Высказанные здесь соображения не снимают вопроса о конкретных поводах, вызвавших опричный поход на Новгород. Речь идет о полученных царем сведениях о «новгородской измене», о намерении новгородцев и псковичей «поклониться королю литовскому».

Выступления против самодержавия князей церкви и светских аристократов совместно с дворянской оппозицией, а также открытые (митрополит Филипп) и тайные (заговор И.П.Федорова) покушения на его власть ясно показали царю, что опричнина, то есть аппарат принуждения, который он создал, является единственной надежной опорой его единодержавия. Практическим ответом самодержавия на выступления оппозиции был безудержный опричный террор. Назовем его основные объективные последствия.

Разгром церковной оппозиции — сведение с митрополии и убийство Филиппа Колычева, расправа с новгородскими архиепископами Пименом и Леонидом. Разгром земской оппозиции — ликвидация заговора И.П.Федорова, казни 1570 года. Ликвидация внутридинастической опасности — уничтожение двоюродного брата царя Владимира Старицкого и его родичей, уничтожение последних уделов. Окончательная ликвидация самоуправления Великого Новгорода.

Как бы ни оценивать каждую из перечисленных выше политических акций Грозного в отдельности с точки зрения ее конкретного содержания, следует признать, что все они объединены общей логикой, логикой то «круговой обороны», то фронтального

наступления самодержавия на всех своих противников. Без опричнины не могла состояться ни одна из этих акций, не могла, следовательно, состояться стабилизация царского режима, суть которой была во всеобщем и безусловном подчинении ему всех сословий и всех властей, в превращении всех жителей страны в верноподданных самодержца.

Именно с помощью опричнины и опричников Иван Грозный держал своих бояр и прочих «разных чинов людишек» в ежовых рукавицах. «Хочешь не бояться власти, — говорил он своим подданным, — благое твори. Если же злое творишь — бойся. Власть не втуне мечь носит, а в наказание злодеям и в похвалу добродеем». При этом царь был отлично осведомлен обо всем, что делается в самых отдаленных уголках государства и полках его войска. Он знал о всех проступках и прегрешениях вплоть до того, кто, когда и зачем отлучался со службы.

Исключительный интерес в этой связи представляют собой первые ставшие нам известными из Разрядной книги подлинные грамоты, написанные или продиктованные несомненно самим царем. Об этом свидетельствует их своеобразный стиль, присущий сочинениям Грозного, и даже самый тон державного окрика, обращенного к воеводам.

Перед тем как привести здесь целиком один из этих интереснейших документов, необходимо дать некоторые пояснения. В 1571 году над Русью повеяли отравленные ветры чумы. Смертоносное поветрие накатывалось одновременно с юга — из Персии и с запада — из Германии.

На Руси того времени, вопреки ошибочным представлениям некоторых историков, хорошо понимали, что чума — это вовсе не «божье посещение грех ради наших», против которого бессмысленно и невозможно бороться, а эпидемическая болезнь, кото-

рую можно остановить, осилить и изгнать. Правда, об этом свидетельствовали до сих пор лишь редкие, отрывочные известия. Было, например, известно, что как раз в 1571 году в Холмогорах в длительном карантине был задержан англичанин Дженкинсон. В летописях упоминается о противочумных мероприятиях тех лет в Новгороде.

Найденная царская грамота наглядно показывает, что борьба с эпидемиями в то время носила на Руси вполне осознанный характер, проводилась как важнейшее государственное мероприятие, направлялась и строго контролировалась из центра. Вот запись Разрядной книги, в которой воспроизведена грамота Грозного.

«Лета 7080 (1571) году, на Костроме были для поветрия моровова на заставе князь Михайло Федорович Гвоздев-Ростовский, да Дмитрей, да Данило Борисович Салтыковы. А с Костромы были в Свияжском. И от государя грамоты посланы на Кострому.

Список з грамоты от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Кострому князю Михайлу Федоровичу Гвоздеву, да Дмитрею, да Данилу Борисовичам Салтыковым:

«Приехали, есте, на Кострому сентября в 26 день. И того месяца преставилось на Костроме семьдесят три человека до двадцать осьмого числа. А того, есте, к нам не отписали подлинно: на Костроме ли, на посаде, или в Костромском уезде; и какую болезнью умерли — знаменем ли или без знамени (есть ли внешние признаки чумы. — Д.А.). А ты, князь Михайло, почему к нам о поветрии не пишешь?! И послан ты на Кострому беречь для поветрея наперед Дмитрея и Данила Салтыковых. И ты для которова нашего дела послан, а ты забываешь, большая бражничаеть, и ты то воруеть! И как к вам ся наша грамота придет, и вы б отписали подлинно, на борзе: уж ли на Костро-

ме, на посаде и в уезде от поветрея тишеет, и сколь давно, и с которова дни перестало тишать? А буде от поветрея не тишеять, и вы б однолично поветренья места велели крепить засеками и сторожами частыми, по первому нашему указу. И сами бы, естя, обереглись того накрепко, чтобы из поветренных мест в неповетренные места не издили ништо, никаков человек, никоторыми делы. Чтоб вам однолично из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти — розни бы у вас в нашем деле однолично не было ни которые. А будет в вашем небрежении и розню ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия, и вам быть от нас самим сожженными.

Писано в Слободе, лета 7080 году, октябре в 4 день».

Вот и еще одна грамота, несомненно передающая живую речь самого Грозного:

«Список з государевы грамоты: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Свяяской дьяку нашему Грязному Ивашеву. Писал к нам из Свяяского воевода наш князь Петр Буйносов Ростовской, что писали к нему с Федором Трубниковым, а велели дать воеводе князю Ивану Гагину детей боярских, и князь Петр Буйносов списки почел отдавать, и князь Иван-де у него почел просить всех свияжских служивых тотар, и он-де, князь Петр, без нашего указу не дал ему тотар, и князь Иван-де ево лаел и безчестил и хотел ево ножницами в горло толкнуть; а то делолось перед вами на съезде, и ты б про то сыскал, каким обычаем меж них делолось. А ты б еси князю Ивану перед князь Петром и перед головами стрелецкими имённо (нашим именем. — Д.А.) от нас говорил: про что князь Иван воруют, а наше дело портит и теряет, перед нами измену делает?!»

Писано на Москве, лета 7091-го (1583) мая в 20 день».

Песня про царя Ивана Васильевича и купца...

Не правда ли, так и хочется подставить здесь имя лермонтовского героя — купца Степана Калашникова? И надо сказать, что это искушение, как оказывается, отнюдь не беспочвенно, хотя в подлинной песне (повести), о которой идет речь, стоит другое имя купца — Харитон Белоулин.

Летом 1958 года Отделом рукописей Государственной Публичной библиотеки была приобретена рукопись — обрывок какого-то сборника конца XVII в., всего несколько листков, обтрепанных, перепутанных, сшитых веревкой. Рукопись была завернута в лист бумаги, на котором карандашом была сделана надпись: «Из города Пустозерского привезена 1923. 16 л.».

Внимание автора этих строк привлекло не имеющее начала древнерусское повествование об Иване Грозном и купце Харитоне Белоулине, до того неизвестное. Сразу же бросились в глаза, с одной стороны, ярко выраженный беллетристический характер повести, а с другой — множество наполняющих ее исторических реалий. Сочетание исторической реальности повествования с вымыслом сказалось также в характере главных его героев: один из них — Иван Грозный — лицо вполне историческое, другой — купец Харитон Белоулин — явно вымышлен автором. Такое сочетание было необычайно интересным уже само по себе. Древнерусская литература того времени, как полагали ученые, еще не знала вымышленных героев. За пределами религиозной мифологии, в которой фигурируют разного рода небожители, возглавляемые богами, в произведениях литературы мы встречали только реально существовавших людей, например, князя Игоря и его жену Ярославну в Слове о полку Игореве, Дмитрия Московского и

его соратников в повестях цикла о Мамаевом побоище. Реальными историческими лицами были и изображавшиеся в древнерусской литературе представители враждебных сил, например, ханы Кончак, Мамай и прочие. И вдруг выясняется, что плеяда великих героев русской литературы, типизировавших образы борцов за справедливость и правду, берет начало еще в XVI в. и открывается никому неведомым именем Харитона Белоулина.

Содержание повести восходит к событиям хорошо известным. В 1570–1574 годах Грозный казнил «своих изменников», виновных, по его убеждению, в организации широкого заговора против него. В число заговорщиков были включены многие высшие сановники, такие как глава Посольского приказа известный дипломат дьяк Иван Висковатый, казначей Никита Фуников и их ближайшие сотрудники.

В сохранившемся архивном документе читаем: «Столп (то есть дело, написанное на длинных, склеенных столбцах бумаги — сставах. — Д.А.), а в нем... список из сысского изменного дела 78 (1570) году, на новгородцкого архиепископа Пимена, и на новгородских дьяков и подъячих, и на гостей (купцов. — Д.А.), и на приказных и на детей боярских (служилых людей — дворян. — Д.А.) и на подъячих, как они ссылалися к Москве с бояры... и в том деле многие казнены смертью... а иные разосланы по тюрьмам, а до кого дело не дошло (не оказалось достаточных улик. — Д.А.), и те помилованы, а иные освобождены. Да тут же список, ково казнить смертью, и какую казнь, и кого отпустить... и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и царевич Иван Иванович выезжали в Китайгород на полое место сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити».

Московские казни 1570 года описал и современ-

ник событий, иностранец Альберт Шлихтинг. Он рассказывает, что июльским утром 1570 года на площадь было выведено на казнь 300 человек «знатных мужей». Заметим, что цифры, имеющиеся у Шлихтинга, в отличие от цифр, приводимых по разным поводам другими иностранцами — современниками Грозного, заслуживают доверия. Так, например, сообщаемое им число жертв новгородского погрома 1570 года вполне реально — 2777. Оно решительно отличается от фантастических цифр, называемых другими иностранцами, вплоть до цифры 700 тысяч у англичанина Джерома Горсея. Шлихтинг говорит, что из 300 выведенных на казнь были казнены 116 человек, а остальные были помилованы и отпущены. В летописи того же времени названа примерно такая же цифра казненных — 120 человек из 300.

В полном соответствии с приведенным выше официальным документом — архивным «столпом», где говорится о специальной росписи, указывающей, кого следует казнить и какою казнью, а кого отпустить, Шлихтинг сообщает, что перед казнью вышел «на средину дьяк... Василий Щелкалов с очень длинным списком, перечисляя подряд всех туда внесенных». В источниках подчеркивается, что казни 1570-х годов на Москве были продолжением новгородского дела и что значительную часть привлеченных к расследованию и казни составляли купцы.

Вот как изображены эти страшные события в повести: «В лето 7082-го... на второй неделе по пасце во вторник в утре по указу великого государя на Пожаре среди Москвы уготовлено 300 плах, а в них 300 топоров, и 300 палачей стояху у плах оных. Московстии же князи и боляре и гости, всякого чину люди, зряще такую належащую беду, страхом одержимы быша. Егда же бысть третий час дни, царь и великий князь Иван Васильевичъ выехав на площадь в чер-

ном платьѣ и на черном кони с сотники и стрельцы и повеле палачам имати по человеку из бояр и из окольничих, из стольников и из гостей и из гостиной сотни по росписи именитых людей казнити. Людие же зряще, наипаче в недоумении быша, понеже никакия вины не ведуще. Взяша же первые из гостиные сотни 7 человек и казниша их. Емше же осмаго, именем Харитона Белеуленева, и не могоша на плаху склонити, бе бо велик возрастом и силен вельми. И възкрича ко царю рече з грубостию: «Почто, царю великий, неповинную нашу кровь проливаеши?» И мнози псари приступиша пособити тем палачем, и едва возмогоша преклонити. Егда же отсекоша ему главу и спрянувши из рук их глава на землю, семо овамо (туда и сюда. — Д.А.) спрядывая, глаголаше несведомая. Труп же его скочи на ноги свои, и начат трястися на все страны, страшно зело обливая кровию окрест сущих себе. И многи палачи збиваху тело оно с ног и никако же возмогоша. Но и падшая кровь, где пав, светляся и играя красно вельми, яко живая вопия и не отмываяся. Сие же виде, царь усумневся и бысть страхом одержим и отиде в полаты своя. Палачи же по долзе времени не движуще никого без повеления царева, но ожидающе милости. И в 6 час вестник прииде от царя, повеле всех пойманных отпустить. Они же от радости слезы испущающе, яко избыша нечаемая неповинныя смерти. Тако же и мучители оны, спрятавше плахи и топоры, отъедоша в дома своя. Труп же той трясыйся весь день и во 2 час ноци паде сам на землю. Во утрии же повелением царевым погребоша телеса их сродницы, каждо во своих».

Как видим, в основе авторского текста легко узнается известный нам из источников исторический факт. Вместе с тем в повести есть и отличия от до-

кументально зафиксированной реальности происходившего. Отличия эти весьма примечательны.

Обратим внимание на определение места, где произошла казнь: «на Пожаре среди Москвы». «Пожаром» после набега Девлет-Гирея в 1571 году стали именовать площадь перед Кремлем, которая до того называлась Троицкой. Уже к 80-м годам в связи с новой застройкой Москвы название «Пожар среди Москвы» из источников исчезает. Это наводит на мысль, что повесть восходит непосредственно к моменту описанных в ней событий, то есть к 70-м годам XVI в. Об этом же говорит и другое: царь выезжает на площадь вершить казнь «с сотники и стрельцы», но не с опричниками. Видимо, автор писал свою повесть после того, как закончился весь цикл московских казней 1570–1574 годов. Тогда понятно, что слово «опричина» отсутствует в повести потому, что в 1572 году опричина была переименована в «двор». Тем не менее автор постарался, чтобы опричный характер проводимой карательной акции был читателю ясен. Царь выезжает на площадь в опричном одеянии — «в черном платье». Главной карательной силой Грозного во время казни, согласно повести, оказались «псари». Это наименование прозрачно указывает на опричников, отличительным знаком которых была песья голова, символизирувавшая их собачью преданность царю и готовность выгрызть измену.

Нетрудно заметить, что число выведенных на казнь — 300 человек, названное в повести, точно совпадает с цифрой, указанной другими источниками.

Самое главное, что сближает повесть с другими историческими источниками, — это факт помилования прямо на площади значительной части приговоренных. Альберт Шлихтинг пишет, что было казнено 116 человек, после чего были помилованы

остальные 184. Современная московская летопись называет примерно ту же цифру казненных — 120 человек.

В повести иное соотношение: казнили всего 7 человек, а всех остальных спас своим правдивым укором, высказанным в лицо царю, Харитон Белоулин. Побуждения, руководившие автором повести, вполне понятны. Она не производила бы желаемого впечатления, если бы автор, придерживаясь фактической точности, «дал слово» своему герою лишь после того, как были бы казнены 120 невинных, по крайней мере заслуживающих помилования, людей.

И еще одно наблюдение. Казни 1570–1574 годов были прямым продолжением новгородской карательной экспедиции Грозного. Вместе с Висковатым и Фуниковым в 1570 году казнили многих новгородцев, приведенных на следствие в Александровскую слободу. Немалое их число было привлечено к следствию и наказанию по делу новгородского епископа Леонида, казненного вместе с другими обвиняемыми в 1573 году. Новгородцы, вызывавшие особый гнев Грозного, — главным образом купцы. Причины непримиримой ненависти царя к новгородским купцам, как мы уже говорили, были весьма глубокими.

Еще до прибытия Грозного в Новгород с карательной экспедицией его дворяне «повелением государевым, во граде гостей и торговых людей переимаша и передаваша их по приставам и повелеша их приставом держати крепко в оковах железных, а дома их и имения запечаташа, а жен их и детей повелеша стражем стрещи». Прибыв в Новгород, царь самолично нагрязнул на Торговую сторону и повелел лавки новгородских купцов «разсекати и до основания разоряти».

Новгородские и московские купцы имели, естественно, между собой постоянные связи. Среди жи-

телей столицы, схваченных по новгородскому делу, было немало московских купцов и посадских людей. Таким образом, отраженный в повести конфликт Грозного с купечеством имеет вполне реальную историческую основу.

При чтении повести бросается в глаза преимущественное внимание автора к купеческому сословию. Купцы не только поставлены в повести на одну доску с князьями и боярами, но играют даже более важную роль, чем они. С купцов начинается в повести казнь, хотя в действительности это было не так — первыми казнили наиболее именитых людей. Героem повести, спасшим множество людей, в том числе князей и бояр, является купец. Он наделен чертами богатыря телом и духом. Трудно предположить, чтобы такое «завышение» роли купцов в политических событиях того времени исходило от автора, принадлежавшего к дворянской или церковной среде. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что повесть про купца Харитона Белоулина родилась в купеческой или околожупеческой среде, на городском посаде. Автор повести был москвичом, современником описанных им событий. В ткань повести обильно вплетены бесспорные исторические реалии. Такая точность в исторических деталях была бы едва ли достижима для купца, узнавшего о событиях с чужих слов.

Краткая эта повесть обладает несомненными художественными достоинствами. С первых же строк видна ее близость к народной сказовой манере: «уготовлено 300 плах, а в них 300 топоров, и 300 палачей стояху у плах оных». Царь, так же как и в некоторых более поздних народных песнях о нем, испугался результата своей жестокости.

Язык повести лаконичен и ярок, а отдельные места достигают большой художественной силы, как

например в описании крови, залившей землю, — «падшая кровь, где пав, светляся и играя красно вельми, яко жива вопия и не отмываяся».

У нас нет никаких данных, а следовательно, и никакой возможности утверждать, что М.Ю.Лермонтов знал повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина. Тем не менее такое предположение весьма вероятно.

Повесть, вызванная к жизни событиями, связанными с Новгородом, со временем нашла распространение в самом Новгороде и в его владениях. К их числу, кстати сказать, принадлежал и Пустозерск, где, как мы знаем, повесть была переписана в XVII в. и хранилась до наших времен. Это вполне понятно. Рассказанные в повести события должны были еще долго находить отклик в сердцах поколений новгородского купечества. Поэтому вполне закономерно, что два из четырех, ставших известными на сегодняшний день, списка повести новгородского происхождения.

Интерес Лермонтова к героям борьбы новгородцев за свою извечную вольность хорошо известен. Об этом свидетельствует и его юношеская поэма «Вадим». При всех условиях близость «Песни про купца Калашникова» и древнерусской повести про купца Харитона Белоулина (так написана его фамилия в новгородской редакции повести. — Д.А.) не подлежит сомнению. Интуицией гениального художника Лермонтов нащупал значительный социальный конфликт времен Грозного, заслоненный в источниках и в литературе более шумным конфликтом между царем и боярами, — конфликт между купцами, возглавлявшими городской посад, и царской властью с ее служилыми людьми, псарями и кирибеевичами. Он создал образ смелого, прямого, во всех отношениях достойного человека из народа — купца Калаш-

никова, который не склонил голову ни перед царским слугой, ни перед самим царем. Демократическая линия в описании событий XVI в. сблизила сочинение великого поэта с произведением, вышедшим из демократической среды в самом XVI в. Купец Харитон Белоулин многим отличается от купца Степана Калашникова. Но есть между ними и общее — оба они могучие силачи из народа, с которыми не справиться царским слугам, оба они погибли после того, как говорили царю прямые речи, оба они подняли голос против насилия и произвола. В обоих случаях этот голос раздался не из среды боярско-княжеской оппозиции, из которой его слышали не раз, а снизу, из посадской среды.

Все, что сближает маленькую повесть XVI в. с произведением большой русской литературы XIX в., свидетельствует о ее высоких достоинствах.

И еще одно немаловажное, на наш взгляд, наблюдение.

Создание и широкое распространение в XVI–XVII вв. повести про купца Харитона Белоулина наряду с другими произведениями подобного рода свидетельствует о появлении в то время на Руси широкого читателя. Интерес этого читателя к истории не мог удовлетворяться прежним летописанием. Возникла потребность в популярной и увлекательной книге. Начиная со второй половины XVI в. на смену монументальным летописным памятникам приходит много кратких летописей, летописцев и «летописчиков». В них коротко и доходчиво излагаются основные факты отечественной истории. При этом исторические факты свободно мешаются с легендами и прямым вымыслом. Беллетристика, еще не вылупившаяся из летописной скорлупы, тем не менее заявляет о себе все громче и чаще. С другой стороны, как это видно из примера повести о

купце Харитоне Белоулине, произведения такого жанра полны исторических реалий. Уже став произведениями литературы, они не теряют значения исторических источников.

Таинственный редактор царского летописца

В царствование Ивана Грозного был создан грандиозный летописный свод. Он описывал всю историю человечества в виде смены великих царств. Венцом развития изображалось царствование самого Ивана IV. Летопись эта называется Лицевой свод, поскольку ее текст был иллюстрирован, написан «в лицах».

Еще никогда не было на Руси столь роскошной летописи. Все 10 томов свода были написаны на великолепно бумаге, специально закупленной во Франции из королевских запасов. На такой бумаге писали Генрих II, Карл IX, Генрих III, Екатерина Медичи. Более 15 000 искусно выполненных рисунков украсили текст. С особой тщательностью был изготовлен последний том свода, посвященный царствованию Ивана Грозного. Он охватывает события 1535–1567 годов. Этот том принято в науке именовать Синодальным списком, поскольку он долгое время принадлежал библиотеке Синода.

Когда роскошный последний том Лицевого свода был в основном готов, чья-то рука прямо на чистовых иллюстрированных листах сделала многочисленные добавления к тексту, вставки, вычеркивания, исправления. Великолепная рукопись — плод долгих усилий составителей, редакторов, многочисленных писцов и художников — разом превратилась в черновик. Писцы и художники снова засели за свой кропотливый труд. Огромный том был заново пере-

писан ровными рисованными буквами — полууставом. Рисунки на каждой странице были перерисованы. Каждое мельчайшее исправление последнего властного редактора было учтено и внесено в текст. Забракованные им рисунки были исправлены согласно его указаниям. Казалось бы, он мог быть доволен. Но ничуть не бывало. На новом роскошном экземпляре, который вошел в науку под названием Царственная книга, та же рука сделала множество новых приписок и поправок — в десять раз больше, чем на листах Синодального списка. Но дело не в их числе. Новые приписки и поправки носят еще более острый политический характер, чем прежние. А главное — коренной переделке подверглись и те места, которые сам редактор собственноручно написал при прошлом редактировании.

Если к сказанному добавить, что именно из приписок познаются наиболее существенные события эпохи Ивана Грозного за 1533–1567 годы, то станет ясным, какое первостепенное значение имело выяснение их происхождения. Предстояло ответить на два основных вопроса. Кто автор приписок? Когда они были сделаны?

Содержание приписок наталкивало на мысль, что они делались не позднее 1570 года. В том году Грозный жестоко казнил своего «канцлера» — главу Посольского приказа дьяка Ивана Михайловича Висковатого за измену. Между тем в последней приписке к Царственной книге Висковатый превознесен до небес. Ясно, что эта последняя приписка могла появиться только до избличения его в измене, то есть не позже 1569–1570 годов.

Исследование приписок показывает, что первые из них — те, что на Синодальном списке, — сделаны до начала опричнины, если можно так выразить-

ся — в мирное время, приписки же к Царственной книге делались в разгар опричнины, после многих измен и заговоров бояр, после жестоких с ними расправ.

Наиболее интересным вопросом при изучении приписок к Синодальному списку и к Царственной книге является, естественно, вопрос о том, кто их автор? Кто этот человек, который через самые бурные годы царствования Ивана IV пронес свое право безапелляционно и столько раз, сколько он считал нужным, править и переделывать официальную царскую летопись?

Он был лицом весьма полномочным, а при редактировании сводов являлся последней инстанцией. Его политические взгляды суть политические взгляды Грозного. Личности царя он исключительно предан.

Редактор этот — человек с большим политическим кругозором, он в курсе всех важных событий, происходящих как непосредственно возле и при участии царя, так и на самой отдаленной периферии государства. Он — участник взятия Казани (об этом бесспорно свидетельствуют его поправки). Он в деталях знаком с делом о боярском брожении 1553 года, следственным делом об измене князя Лобанова-Ростовского, с целым рядом других значительных дел.

Человеком, который безусловно отвечает всем без исключения установленным признакам автора приписок, является сам царь Иван IV Васильевич Грозный.

Изложенное еще не доказывает, что царь Иван был автором приписок к Лицевому своду, однако дает основание такое предположение сделать и заняться его проверкой.

Если наше предположение верно, то в других произведениях Грозного мы обязательно найдем элементы, родственные припискам по содержанию, по основной политической направленности и по оборотам речи.

Весьма существенным документом, вышедшим из-под пера Ивана Грозного, является его письмо к Андрею Курбскому от 5 июля 1564 года. В этом письме царь Иван высказал свои политические взгляды и парировал нападки противников из лагеря боярской оппозиции.

Посмотрим, не найдем ли мы сходства между содержанием приписок и содержанием письма. Рассмотрим все важные приписки в хронологическом порядке. Первая из них, сделанная на листах Синодального списка под 1539 годом, добавлена к рассказу летописи о том, какие в этом году произошли кровавые столкновения между двумя боярскими группировками — между Шуйскими и Бельскими. Приписка редактора дополняет рассказ подробностями.

Обратимся к письму Грозного к Курбскому. Здесь перечень боярских измен и распрей времен своего малолетства царь начинает именно с мятежа Шуйских в 1539 году. Иначе говоря, тот же эпизод, который привлек внимание редактора Синодального списка, вызвал его дополнения, и Грозным сочтен существенным фактом, подкрепляющим его аргументацию.

Следующая приписка к Синодальному списку подробно описывает новый мятеж Шуйских, который они учинили в 1542 году, силой захватив власть и расправившись со своими политическими соперниками. В письме Грозного и этот мятеж взят им в

качестве следующей иллюстрации боярского разгула во времена его юности, причем сходство обоих рассказов совершенно очевидно. И в приписке, и в письме сообщается одно и то же, в приписке более подробно, в письме — короче. Приписка заканчивается следующими словами: «...а митрополит Иосаф в те поры пришел ко государю в комнату, и бояре пришли за ним ко государю в комнату шумом, и сослал митрополита в Кириллов монастырь...». Этот же рассказ в письме заканчивается так: «Да митрополита Иосафа с великим бесчестьем с митрополии согнаша».

Третья приписка к Синодальному списку относится к рассказу летописи о том, что в 1554 году князь Семен Лобанов-Ростовский, войдя в сношения с литовским послом Станиславом Довойном, решил изменить, бежать в Литву, и о том, что был за это арестован. Летописец, рассказывая о допросе князя Семена Ростовского, пишет, что тот объяснил свою измену скудостью ума, «палаумьством». Редактор, вычеркнув в летописи слово «палаумьство», делает к тексту обширные приписки, которые придают делу совсем иные черты. Попытку Ростовского бежать в Литву он объясняет не глупостью его, а политическими причинами.

И этот факт именно в том самом освещении, в каком он дан в приписке, а не в летописи, мы тоже находим в письме Грозного к Курбскому. Снова мы видим явное сходство рассказа приписки с рассказом Ивана Грозного. Редактор, например, рассказывает, как князь Семен клеветал литовскому послу Станиславу Довоину на царя: «...что всех их (то есть бояр. — Д.А.) государь не жалует... да и тем нас истеснил, что женился — у боярина своего дочер взял, понял робу свою, и нам как служить своей сестре...».

Грозный пишет о том же: «Своим изменным обычаем, литовским послом — пану Станиславу да Войну... душу изнесе, нас укоряючи и нашу царицу».

Итак, родство приписок к Синодальному списку и письма Грозного к Курбскому — налицо. Особенно подчеркиваем, что Иван Грозный в качестве примеров боярских измен и бесчинств берет именно те три эпизода, которые привлекли также главное внимание автора приписок.

Обратимся теперь к Царственной книге. Возьмем первую большую приписку. Она сделана под 1543 годом. Вычеркнув рассказ летописи о новом мятеже Шуйских в сентябре 1543 года, редактор заменяет его своим подробным рассказом о нем. В письме Грозного от 5 июля 1564 года содержится такой же рассказ об этом же событии. Родство текстов и здесь полное. Совершенно очевидно, что рассказ приписки к Царственной книге о мятеже Шуйских в 1543 году не что иное, как расширенный за счет указания имен виновников и бесчинств рассказ Грозного в его ответе Курбскому.

Следующая приписка к Царственной книге под 1547 годом представляет особый интерес с точки зрения ее непосредственной связи с полемикой между Грозным и Курбским. Летопись под 1547 годом поместила рассказ о пожаре, бывшем в том году. Она рассказывала о том, что черные люди града Москвы «от великие скорби пожарные всколебашася... и пришедшие во град и на площади убиша каменьем... боярина Юрья Васильевича Глинского». При редактировании Царственной книги редактор весь этот рассказ вычеркнул и взамен написал на полях свой рассказ, совершенно иначе излагающий события, связанные с пожаром 1547 года.

Статья летописи, сухо говорящая об убийстве

черными людьми князя Юрия Глинского, под пером редактора превратилась в рассказ о коварном заговоре бояр, враждебных царю и его родственникам. Новый рассказ совершенно тождествен рассказу Ивана Грозного об этом же событии в письме к Курбскому.

Однако здесь интересен и другой вопрос: чем вызвано появление рассказа об обстоятельствах убийства Глинского? Ответ очевиден. Дело в том, что в своем первом письме к Ивану Грозному Курбский, осыпая царя упреками, обвиняет его, в частности, в том, что он, царь, до того пал в своей греховности, что проливал кровь в церквах, да притом еще кровь безвинных людей. Грозный с гневом отвергает в своем письме такое обвинение. Несколько раз возвращаясь к этой теме, царь стремится доказать, что, наоборот, бояре-изменники безвинно проливали в церквах кровь. Прямым ответом на упрек Курбского звучат слова его рассказа об убийстве князя Юрия Глинского: «...князя Юрия Васильевича Глинского бесчеловечно выволокли в соборную церковь успения пресвятыя Богородицы и убиша в церкви безвинно, против митрополича места, и кровью его помост церковный окровавивше...». Написав эти слова, Грозный для большей убедительности восклицает: «И сие во церкви святой убийство его — всем ведомо!». Однако действительно ли всем было ведомо это убийство в церкви? Чтобы оно стало «всем ведомо», нужно было описать его в официальной летописи. Это и было сделано в приписке.

Изложенное подтверждает, что приписки к Царственной книге делались после того, как Курбский и царь в 1564 году обменялись письмами, а приписки к Синодальному списку делались до того, как имела

место эта переписка, в частности, до того, как Курбский в своем письме впервые поставил вопрос о кровопролитии в церквах. Наряду с этим выясняется, что приписки к Царственной книге являются в основном не чем иным, как перенесением в летопись с целью укрепить ее авторитетом и увековечить как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики с Курбским.

Самой большой и, может быть, самой интересной по своему содержанию является приписка, сделанная редактором к тексту Царственной книги под 1553 годом. Она рассказывает о болезни царя в марте этого года и о происшедшем в это время боярском мятеже. В самом тексте Царственной книги о мятеже 1553 года ничего не сказано. Рассказ, который счел необходимым приписать редактор, весьма пространен. Сличив его с тем, что об этих же событиях пишет Грозный в своем письме, мы убедимся, что приписка, как и в прежних случаях, лишь расширяет и детализирует написанное в нем.

Интересно отметить, что и письмо Грозного, и приписка после рассказа об этом мятеже делают вывод о том, что события 1553 года послужили началом всей дальнейшей вражды в верхах Московского государства. Грозный в своем письме заканчивает рассказ так: «Попу же Сильвестру и Олексею (Адашеву. — Д.А.) оттоле не престающе вся злая советующе и утеснение горчайшее сотворити... князю же Владимиру Андреевичу во всем убо хотение удержаше...». Приписка заканчивается следующими словами: «...и оттоле бысть вражда велия государю с князем Владимиром Андреевичем, а в боярах смута и мятеж, а царству почала быть во всем скудость».

Несомненная родственность текстов может счи-

таться установленной. Рассказы первого письма Грозного и рассказы приписок к летописи по содержанию совпадают полностью. Изложение если и не всегда совпадает дословно, то всегда весьма сходно: те же мысли, те же краски, те же выводы. В некоторых случаях мы видели и дословное сходство изложения. С другой стороны, те различия, которые есть между рассказами Грозного в письме и рассказами приписок — различия изложения, размера, количества имен и подробностей, — доказывают, что прямое списывание из одного источника в другой исключается.

Если учесть хронологическую последовательность появления изучаемых произведений: приписки к Синодальному списку — письмо Грозного — приписки к Царственной книге, то с установлением родства этих памятников предположение о принадлежности их разным авторам исключается. Из такого предположения вытекало бы, что сначала Иван Грозный, отвечая Курбскому, заимствовал наиболее важные сюжеты и манеру изложения из приписок другого автора к Синодальному списку, зато потом этот другой автор, редактируя Царственную книгу, взял для своих новых дополнений все то, что было в царском письме сверх его первых приписок. Естественно, что такое «разделение труда» между царем и одним из его подданных предположить невозможно.

Приписки и письмо имеют, кроме того, еще один весьма важный общий признак: они в большинстве случаев являются единственными источниками тех сведений, которые сообщают. Например, такое значительное событие, как боярский мятеж 1553 года во время болезни царя, не упоминается ни в одном другом источнике, кроме приписок и письма Гроз-

ного. Это также является признаком единого происхождения обоих источников.

Таким образом, и сходства и различия приписок с письмом приводят нас к выводу, что и письмо и приписки написаны хоть и в разное время, для разных целей, но одним автором. Письмо, как известно, написано Иваном Грозным.

Особый интерес для данного исследования представляет собой уже упомянутая опись царского архива. Она свидетельствует о существовании при Иване IV хорошо поставленного государственного исторического архива, где в двухстах с лишним ящиках хранились документы самого различного происхождения, начиная от личной переписки великих князей, включая материалы сысков и кончая памятниками дипломатических сношений.

На указанной описи имеются пометки о том, когда и кем взят из архива тот или иной документ. Эти бесстрастные канцелярские записи приобретают значение объективного подтверждения предположений, которые были сделаны выше. В описи читаем: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княж Семенове деле Ростовского». Вверху отмечено: «Взят ко государю во княж Володимерова дела Ондреевича 1563 году июля в 20 день». Итак, мы узнаем, что в июле 1563 года дело об отъезде и пытке князя Семена Лобанова-Ростовского было затребовано царем и направлено к нему. Мы знаем также, что рассказ об изменном деле князя Лобанова-Ростовского является содержанием самой большой и самой значительной приписки нашего редактора к тексту Синодального списка под 1554 годом. Нельзя не поставить эти два обстоятельства в прямую связь между собой.

Царь Иван был в основном единственным человеком, пользовавшимся архивом. На описи царского архива сохранились пометки, рассказывающие о том, что с 4 по 14 августа 1566 года, возможно, ежедневно, а если нет, то по крайней мере 4, 6, 7, 8, 13, 14 августа царь лично проводил дни в своем архиве, пересматривал и перечитывал содержание всех его ящиков и множество документов (из 31 ящика) забрал с собой.

Среди этих документов мы видим в основном поручные записи (о взятии на поруки) и притом именно о тех лицах, которые отрицательно упоминаются в приписках.

Опись царского архива сохранила для нас еще одну запись, которая также подтверждает наши предположения: «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец лета новые, прибраны от лета 1560 и до лета 1568». В 1568 году летописец и тетради посланы «ко государю в Слободу».

Итак, сделанные ранее наблюдения получили документальное подтверждение: Иван Грозный — вот кто брал из архива листы «что писати в летописец лета новые» для проверки, утверждения и редактирования.

Признав приписки произведениями Ивана Грозного, мы должны либо признать почерк их написания его автографом, либо отвергнуть такое мнение. Естественно, что отсутствие в нашем распоряжении другого автографа Ивана Грозного делает обнаружение его собственноручных записей весьма желательным.

Представляется очевидным, что приписки на листах Синодального списка и Царственной книги делал человек, который эти памятники читал и тут же

в процессе чтения исправлял и дополнял летопись. Кроме ряда больших и важных приписок на листах Царственной книги имеется еще несколько десятков мелких замечаний, добавлений и исправлений. При такого рода тщательной корректуре исключается всякая другая форма работы, кроме личного чтения текста и внесения поправок в процессе этого чтения.

Приписки не списывались откуда-то, а сочинялись с усилиями и сомнениями, присущими только творчеству. Это видно из бесчисленных зачеркиваний и исправлений, сделанных в ходе письма. Сама техника приписывания нового содержания к тексту летописи также исключает всякую иную форму работы, кроме личного чтения и пометок в процессе его. Взять, например, ту же приписку к Синодальному списку об измене князя Семена Лобанова-Ростовского. Приписки сделаны между строк, справа, слева, на полях. Таким путем редактировать текст под диктовку невозможно.

Наконец, сильнейшим средством утвердиться в мнении о том, что приписки наносил на бумагу Лицевого свода тот, кто их сочинил, является характер зачеркиваний, произведенных в ходе работы. Например, автор приписки писал «чт», потом зачеркивал, потом все же писал «чтобы», писал «и», зачеркивал, но потом все же писал «и», писал «бояре», зачеркивал, потом снова писал «бояре» и т.д. Значит, писавший сам обдумывал, что ему писать, сомневался, вычеркивал, но потом решал восстановить зачеркнутое слово. Переписчику не приходится раздумывать — писать данное слово или нет, ведь он следует своему образцу. Кроме того, сплошь и рядом писавший начинал слово, а потом вдруг, не закончив его,

перечеркивал. Таким образом, на бумаге оказывались зачеркнутыми слова, написанные лишь частично, то есть отдельные слоги или одна, две, три буквы. Такого рода зачеркивания не могут появляться систематически при диктовке одного лица другому. Из трех возможных способов нанесения текста приписок на поля летописи — списывание с образца, письмо под диктовку и личная запись их автора в процессе чтения — два первых бесспорно отпадают. Значит, единственно возможным ответом на поставленный вопрос является такой: перед нами автограф Ивана Грозного.

Приписки к Лицевым сводам XVI в. стали темой кандидатской диссертации автора этих строк. Основное содержание исследования было опубликовано в «Исторических записках» Академии наук СССР.

Опубликование в 1947–1948 годах работы, в которой доказывалось, что Грозный сознательно и настойчиво подменял в создававшемся по его указанию историческом труде действительную историю своего царствования своим собственным ее вариантом, тенденциозно освещал события, «казнил» и «миловал» на страницах летописи бывших сподвижников по своему произволу в зависимости от отношения к ним на момент редактирования летописи, — не могло пройти в те годы мимо внимания соответствующих инстанций. Тем более, что автор исследования об Иване Грозном ни разу не сослался на труды И.В.Сталина. Известно, что в то время без ссылок на его труды не обходилась в принципе ни одна научная работа, будь то по медицине, геологии, математике и в особенности на историческую тему.

В моих статьях усмотрели сделанные на матери-

але XVI в. намеки на обстоятельства создания Краткого курса истории ВКП(б), который, как известно, составлялся и редактировался при активном личном участии Сталина и содержал обвинения его бывших соратников во всех смертных грехах.

Первым научным откликом на публикацию о приписках к Лицевому своду была статья С.Б.Веселовского, написанная еще в 1947 году. «Я принимаю, — писал Веселовский, — и считаю вполне убедительно обоснованными почти все выводы... авторство Ивана Грозного в этом деле можно считать неопровержимо доказанным». К сожалению, отзыв С.Б.Веселовского дошел до меня только 15 лет спустя, в 1963 году, когда была опубликована книга его трудов, не увидевших света при жизни автора.

Существующие на сегодняшний день многочисленные суждения историков о приписках к лицевым сводам XVI в. можно свести к трем основным позициям.

Вслед за С.Б.Веселовским подавляющее большинство исследователей признает доказанным, что автором редакционных приписок и поправок к летописи является Иван Грозный. Вместе с тем многие исследователи оспаривают утверждение, что они написаны им собственноручно.

По вопросу, чьей рукой были нанесены на листы летописи скорописные приписки, типичную точку зрения наших оппонентов высказывает С.О.Шмидт. «Иван Грозный, — пишет исследователь, — наиболее вероятный автор или соавтор вставок в летописный текст и даже многих мелких редакционных замечаний, и это убедительно показано в исследованиях Д.Н.Альшица. Но принимать летописную правку за собственноручную правку царя, за его автограф, нет серьезных оснований».

Посмотрим, каковы соображения, обосновывающие подобные сомнения.

Одно из них состоит в том, что царь вряд ли обладал «профессиональными» навыками редактора. Что в этом суждении верно, так это кавычки, поставленные к слову «профессиональные». В самом деле, кто из сановных лиц, ответственных за составление официальной летописи, обладал «профессиональными навыками редактора»? Митрополит Макарий? Дипломат Висковатый? Да и какие «навыки редактора» проявил автор приписок на листах Лицевого свода? Умение грамотно писать, заполнять свободные места на листах, давать указания, педантично уличать своих подчиненных в ошибках... Последнее, если учитывать, что многие ошибки текста остались неисправленными, не навык редактора, а свойство характера, вполне присущее Ивану Грозному. Более того, ошибки, повторы и тому подобные огрехи самого автора приписок свидетельствуют как раз об отсутствии у него «профессиональных» навыков редактора, а также о полном отсутствии у него чувства какой бы то ни было ответственности перед кем-либо. Такую «безответственность» навряд ли мог позволить себе кто-нибудь из царских подчиненных, хорошо знавших, что царь лично и активно вмешивается в процесс создания летописи. Дотошность и скрупулезность необычайно характерны для Грозного как для писателя. Любой написанный им текст создает впечатление, что автор сидел обложенный книгами, тщательно выписывал и сверял бесчисленные цитаты. Мы видим его углубленным в сложные генеалогические изыскания при разборе местных дел, корпящим над архивными делами...

А вот и еще один аргумент, приводимый в пользу того, что Грозный будто бы не мог собственноручно делать пометы на летописных листах. Он состоит в следующем. С конца 1570-х годов, утверждает С.О.Шмидт, Ивану Грозному физически было трудно делать пометы на рукописях столь большого формата, как Лицевые своды. Думается, что этот аргумент и вовсе нельзя считать убедительным.

Во-первых, как известно, приписки делались на отдельных, еще не переплетенных листах. (Кстати сказать, неясно, почему трудно делать пометы на рукописи любого формата, если она лежит на пюпитре?) А во-вторых, и не надо «заставлять» заниматься правкой летописи больного, умирающего царя. Его и нужно оставить за этой работой в 60-х годах, когда он был полон сил, энергии и активной ненависти к своим врагам.

Главное сомнение по поводу того, что царь делал приписки собственноручно, фактически сводится к тому, что Грозный был царем. С таким же успехом можно удивляться тому, что Петр I собственноручно вытачивал детали на токарном станке, что Екатерина II самолично написала шесть томов Российской истории, собирая и изучая для этой цели многочисленные исторические источники. Что касается Грозного, — он был человек пишущий, любивший писать и много писавший.

С.О.Шмидт в конечном счете приходит к такому заключению о своих выводах: «Автор сам сознает неравнопрочность отдельных частей его конструкции. Многие положения данной работы в той или иной степени гипотетичны».

Памятник, который Иван Грозный замыслил воздвигнуть себе, или, вернее сказать, задуманному им

делу создания единого и могучего самодержавного Московского царства, ему достроить не удалось. И не по той элементарной причине, что в самый разгар работ «главный архитектор» вдруг скончался. Дело, как нам представляется, в другом.

Грандиозное сооружение Грозного и не могло быть завершено, как не могла быть достроена «до самого неба» Вавилонская башня.

Идея возвеличения самодержавной монархии в качестве венца и конечной вершины исторического развития, как известно, не Грозным порождена и не на нем окончила свое существование.

Апология монархической формы правления всегда была предельно далека от истинного понимания социальной и политической сути монархической власти. Великий философ XIX в., основоположник диалектического метода в изучении исторических событий Гегель, объявив прусскую монархию вершиной и конечным результатом развития «мирового духа», оказался ничуть не ближе к истине, чем русский самодержец XVI в. — метафизик и мистик по своим философским воззрениям Иван Васильевич Грозный.

Претензии монархических правителей, хотя бы самых законных, на признание их власти высшей и наиболее совершенной формой политического правления, по сути дела, являются не чем иным, как высшей формой самозванства.

Ивану Грозному довелось при жизни испытать всю непрочность своей идеи о венчающем, завершающем историю характере установленного им «самодержавства». Он успел убедиться, что история не прекратила своего течения. Более того, ее бурный поток устремился отнюдь не по тому руслу, по ко-

тому его хотел направить «царь и государь всея Руси по божьему велению» Иван IV. Стоило ему одолеть одних своих «изменников» и «недоброхотов», как словно из-под земли вырастали новые их когорты и легионы. Стоило ему, например, принять венец самодержавного царя и подавить «старых» родовитых бояр, как свои же соратники и «советники», набравшие силу, стали «снимать с него власть» и «государиться» сами. Только разгромил он с помощью опричнины этих врагов, как появились новые из числа самих опричников. Вот и приходилось снова и снова перестраивать верхний этаж огромной идеологической пирамиды — последний том Лицевого летописного свода. При этом становилось все более очевидным, что завершить задуманный памятник великим успехам и славным делам удастся не скоро. Едва успел царь, потратив много труда и сил, возвеличить в царской летописи свою победу над Казанским ханством, как случилось страшное поражение от «бессерменского» крымского хана, завершившееся сожжением Москвы. Настала полоса поражений в Ливонии. Нищала и приходила в запустение страна...

Возможно, что мысль о завершении последнего тома Лицевого летописного свода и продолжала жить в намерениях Ивана Грозного. Но история давала все меньше и меньше материала для рассказов о внутренних и внешних победах, успехах, о процветании царской державы. Вспомним, что последними словами последней по времени приписки царя на листах Лицевого свода были такие: «И оттоле бысть... в боярах смута и мятеж, а государству почала быть во всем скудость». От такого печального признания, хотя и взваливавшего вину на «бояр»,

было, надо думать, не просто, если не невозможно, перейти к другим, более радужным повествованиям. Вот в чем действительно серьезная причина того, что создание грандиозного Летописного свода, памятника, возвеличивающего успехи царствования Грозного, остановилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установление в России XVI в. самодержавия было подготовлено всем ходом предшествующей русской истории и соответствовало уровню развития производительных сил (характер и уровень сельскохозяйственного производства, характер и уровень развития городов).

Победа самодержавия над силами, препятствовавшими его установлению, готовилась тщательно и исподволь. Огромное значение придавалось идеологическому обоснованию перехода к единовластию. Помимо собственных публицистических произведений царя, ярко и страстно отстаивающих идею самодержавия, большую роль сыграли и другие историко-публицистические произведения того времени, созданные для того, чтобы на историческом материале доказать исконность самодержавия на Руси и несравненное его преимущество перед всеми другими видами государственного устройства.

К ситуации, сложившейся при Грозном, вполне подходят слова Н.М.Карамзина: «Внутри самодержавие укрепилось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием воли монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева».

«Правда, — говорит далее историк, — и у нас писали: «Государь указал, бояре приговорили», но сия законная пословица была на Руси... панихидой на усопшую аристократию боярскую».

Слова, сказанные современником царя Алексея Михайловича, не только полностью, но несомненно в еще большей мере относятся к Ивану Грозному: «У нас государь царь благочестивый. Ереси которые не любит. И во всей его государьской земле ереси нет. У печати седают книги правят избранные люди и безпрестанно над тем делом следят. А над теми людьми надзирают по государеву указу... кому государь укажет».

Уже в XVI в. формируется представление о «самодержавстве» как неограниченной власти монарха, независимой от своих подданных. Именно к такому «самодержавству» последовательно и упорно стремился Иван Грозный, личная власть которого над подданными отличалась ничем не сдерживаемым произволом и деспотизмом, отмечал известный специалист по истории государственных учреждений Древней Руси А.К.Леонтьев.

Представление о «самодержавстве» как о неограниченной власти монарха складывается во второй половине XVI в. не само собой. И сам Грозный, и его книжники приложили к этому немало усилий. Уже в то время формируется не только представление о неограниченной власти царя, но и сама его власть. Грозный не только упорно стремился к ней, но и сумел ее установить.

Власть царя над подданными опиралась не только на его личный деспотизм, но и на созданную им хорошо продуманную и организованную систему обеспечения единовластия. Этим правление Грозного отличается от единовластия тех или иных правите-

лей, неограниченная власть которых держалась главным образом на их тираническом нраве. Система единовластия, созданная Грозным, не умерла вместе с первым царем, а стала основой для дальнейшего укрепления и развития аппарата власти неограниченной монархии.

Функционировавшая в XVII в. система центральных и местных органов власти и управления, их структура — сложились в основных чертах уже в середине — второй половине XVI в., свидетельствует А.К.Леонтьев. Именно этого и не замечали исследователи, которые стремятся увидеть в укрепившемся к середине XVII в. самодержавии иную по характеру форму монархического управления, чем «самодержавство» Ивана Грозного.

Опричнина сыграла решающую роль в консолидации феодалов вокруг царской власти. Благодаря достигнутому единству, путем подчинения интересов всех слоев и прослоек феодального класса интересам самого большого и могущественного его слоя — служилых людей, помещиков, класс феодалов и его государство смогли провести прикрепление крестьян к земле.

Полное подчинение единовластию, по существу всеобщее «похолопление», признание над собой абсолютного, неограниченного господства царской воли и власти — такова была та цена, которую феодалы всех степеней должны были уплатить за порабощение в их пользу крестьян.

Отнесение возникновения самодержавия к более позднему времени — к середине XVII в. — представляется неверным и с этой точки зрения. Самодержавие не «моложе» крепостного права, а «старше» его. Оно провозгласило крепостное право и привело его в жизнь. Обеспечение интересов феодалов-кре-

постников — таков основной классовый смысл возникновения и существования самодержавия.

Введение крепостничества на большей части территории государства требовало наличия ряда условий. Барщинное поместье стало господствующей формой феодального землевладения. Соответственно интересы дворян-помещиков стали господствующими, определяющими государственную экономическую политику и ее юридическое оформление. Допускать поэтому, что фактическое закрепощение крестьян и его юридическое оформление указами 1581, 1586, 1592/93 и 1607 годов имели место до установления самодержавия, совершенно неосновательно. Характерно, что ни один из этих указов не обсуждался на Земском соборе, хотя бы для формы.

Крестьянская война и смута начала XVII в. явились сильнейшим ударом по системе самодержавной власти, установленной при Грозном. Возродились на время сословно-представительные формы управления страной. Тем не менее социально-политические изменения, внесенные в общественную структуру Московского государства в эпоху Ивана Грозного, оказались необратимыми.

Речь идет о таких важнейших социально-политических моментах, как превращение поместного землевладения в основную социально-экономическую базу господствующего класса; введение крепостничества; государственная организация воинской службы; подчинение церкви царскому государству; установление административной регламентации и налогового обложения торговли; создание единой государственной налоговой системы.

Укрепление царского государства в середине XVII в., оразившееся в Уложении 1649 года, яви-

лось реставрацией основ самодержавной власти, заложенных Грозным, и их дальнейшим развитием.

Ярлыковая историография, сортирующая исторические явления по рубрикам «прогрессивное», «реакционное», нередко приходит в противоречие с существенным анализом исторических фактов, пониманием, например, исторической необходимости возникновения тех или иных политических институтов и форм отнюдь не «прогрессивных».

В этой связи необходимо указать на тот значительный ущерб, который нанесли изучению эпохи Ивана Грозного и ее отражению в литературе и искусстве субъективно-идеалистические оценки личности Грозного, получившие хождение в 40-х годах нашего века.

Вокруг имени Ивана Грозного возник тогда самый настоящий ажиотаж. В романах, кинофильмах, театральных спектаклях, а также в учебниках и научных трудах его изображали в качестве «великого государя». Именно так — «Великий государь» — называлась пьеса В.А.Соловьева, чуть ли не ежедневно шедшая на сцене Академического театра им. А.С.Пушкина в Ленинграде.

С тревогой и грустной иронией писал в те дни о безудержном возвеличении личности Грозного в литературе, искусстве, в трудах историков крупнейший знаток эпохи Грозного, подлинный патриот своей науки академик С.Б.Веселовский:

«Итак, реабилитация личности и государственной деятельности Ивана IV есть новость, последнее слово и большое достижение советской исторической науки. Но верно ли это? Можно ли поверить, что историки самых разнообразных направлений, в том числе и марксистского, 200 лет только и делали, что

заблуждались и искажали прошлое своей родины, и что «сравнительно недавно» с этим историографическим кошмаром покончено и произошло просветление умов».

Естественно, что работы Веселовского на эту тему писались тогда, как говорится, «в стол». Опубликованы они были много позже, в 1963 году.

Что касается «просветления умов» деятелей искусства, литературы, а также ряда историков того времени, оно объясняется тем, что Иван Грозный оказался любимым историческим деятелем Сталина, от которого и исходил соответствующий социальный заказ. Свою точку зрения на первого российского царя Сталин высказал весьма определенно в беседе с создателями фильма «Иван Грозный» режиссером С.Эйзенштейном и исполнителем роли Грозного Н.Черкасовым. По утверждению Сталина, Иван Грозный являлся великим и прогрессивным государственным деятелем, притом куда более значительным, чем Петр I. «Говоря о государственной деятельности Грозного, товарищ И.В.Сталин заметил, — вспоминал Н.К.Черкасов, — что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию. В частности, говоря о прогрессивной деятельности Грозного, товарищ И.В.Сталин подчеркнул, что Иван IV впервые в России ввел монополию внешней торговли, добавив, что после него это сделал только Ленин. Иосиф Виссарионович отметил также прогрессивную роль опричнины, сказав, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным русским военачальником, героически павшим в борьбе с Ливонией. Коснувшись ошибок Ивана Грозного,

Иосиф Виссарионович отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами, — если бы он это сделал, то на Руси не было бы смутного времени... И затем Иосиф Виссарионович с юмором добавил, что «тут Ивану помешал бог»: Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый год кается и замаливает «грех», тогда как ему нужно было бы действовать еще решительнее!».

Тогда же в исторических трудах и учебниках появилось определение — «прогрессивное войско опричников». Безудержный кровавый террор опричнины и тиранический характер правления Грозного изображались чуть ли не как политика, выражавшая интересы широких народных масс. По утверждению Сталина, причиной, породившей Смутное время, была недостаточная последовательность Грозного в «ликвидации» старинных боярских родов. Из подобных рассуждений полностью выпадала реальная оценка опричнины, истреблявшей не только бояр, но и разорявшей страну в политических интересах военно-феодальной диктатуры, обеспечивавшей закрепощение крестьян.

Нет сомнения в том, что путь опричнины был более мучительным для народных масс, более разорительным для страны, чем, скажем, путь, намеченный Избранной радой. Однако историческая действительность Московской Руси того времени предопределила установление и укрепление именно самодержавной (по существу), а не сословно-представительной монархии. Понимание исторической неотвратимости развития тогдашней Руси не имеет, естественно,

ничего общего с одобрением, а тем более восхвалением деспотических форм, которые приобрело тогда самодержавное правление Грозного.

Начальные формы аппарата власти самодержавия со временем уступили место другим его формам, которые, в свою очередь, менялись в процессе исторического развития. При этом, однако, трудно обнаружить во всей дальнейшей истории самодержавия периоды, когда не проявляли бы себя те или иные опричные методы управления. Иначе и не могло быть. Социальное происхождение самодержавия неразрывно связано с опричниной. А происхождение, как известно, можно отрицать, но нельзя отметить.

Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988.

Альшиц Д.Н. Публицистические выступления Сильвестра. Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 42. Л.: Наука, 1990.

Альшиц Д.Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России. (Реформы Адашева и Сильвестра. XVI в.): Сборник к юбилею Н.Н.Покровского. Новосибирск: Наука, 1990. С.243–252.

Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. / Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 199–200.

Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Исследования. Л.: Наука, 1970.

Полосин И.И. О челобитных Пересветова // Учен. записки кафедры истории СССР МГПИ им. Ленина. Т. XXXV. Вып. 2. М., 1946.

Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С.Лихачева и Я.С.Лурье. М., Л.: Наука, 1951.

Ржига В.Ф. И.С.Пересветов. Публицист XVI века. // ЧОИДР (Чтения в о-ве истории и древностей российских), 1908. Кн. 1. С.1–84.

Сочинения И.Пересветова / Подг. текста А.А.Зими́на.
Под ред. Д.С.Лихачева. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923.

Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
Глава 1. Пересветов – литературный псевдоним	24
Глава 2. Турнир именитых публицистов. Споры о характере реформ государственного устройства в начале царствования Ивана Грозного	48
Глава 3. «Всему злу соединитель» – Сильвестр	93
Глава 4. Русский странствующий рыцарь печального образа	122
Глава 5. Иван Грозный – историк и публицист	129
Заключение	197
Литература	205

Научно-популярное издание

Даниил Натанович Аль
Писатель Иван Пересветов
и царь Иван Грозный

**У истоков извечной дискуссии —
как обустроить Россию**

Главный редактор *С.В.Цветков*
Редактор *Т.А.Мельникова*
Технический редактор *Г.В.Мисюль*
Художник *Т.А.Панкевич*
Компьютерная верстка *Л.Л.Подзячевой*
Корректор *В.О.Кондратьева*

Лицензия ЛР № 070937 от 15 мая 1998 г.
Сдано в печать 10.09.99. Формат 70 x 100 ¹/₃₂
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Петербург. Усл. печ. л. 8,45
Тираж 2000 экз. Заказ № 159

Издательство
«Русско-Балтийский информационный центр
„БЛИЦ”»
193024, Санкт-Петербург, Полтавская ул., д. 14
Тел./факс: (812) 277-43-55;
e-mail: blitz@blitz.spb.ru
www.blitz.spb.ru

По вопросам приобретения обращаться
Тел.: (812) 277-61-13

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Книга известного писателя и профессора-историка Д.Н.Аля посвящена событиям острейшей идейной и политической борьбы, вспыхнувшей в начале царствования Ивана Грозного, нашедшим наиболее яркое отражение в цикле публицистических сочинений, традиционно приписываемых неко-
ему Ивану Пересветову.

Тщательно исследовав исторические материалы, автор убедительно доказывает, что в действительности писателя Ивана Пересветова никогда не существовало. Под псевдонимом «Иван Пересветов», выступал сам царь Иван.

Книга рассчитана на широкий читательский круг.

